ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА
Jus est ars boni et aequi

ISSN: 2304-9839
1 (66) 2024

ЕВРАЗИЙСКАЯ АДВОКАТУРА

международный научно-практический юридический журнал

Читайте в номере:

Круглый стол «Российская адвокатура: защита для защитников»

Об обращении Правления МРОО АиЮ «Инициатива 2018» в органы ООН, к международным ассоциациям адвокатов и правозащитным организациям

Информатизация, цифровая трансформация и риски адвокатской деятельности

Несправедливость дисциплинарной ответственности адвоката в КПЭА

Свидетельский иммунитет в гражданском процессе

Социально-антропологический и когнитивный подходы к анализу моделей экстремистского поведения

Отказ от договора в предпринимательской деятельности

Субъекты доказывания в уголовно-процессуальном праве

Преступления лиц, оказывающих юридическую помощь

Полномочия прокурора по устранению нарушений природоохранного и экологического законодательства

С. Рассел: Международный механизм защиты профессиональных прав адвокатов

ЕВРАЗИЙСКАЯ № 1 (66) 2024

АДВОКАТУРА

Журнал основан в 2012 году.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации) по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки),
5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
В соответствии с произведенным распределением журналов, входящих в перечень по категориям, журнал отнесен к категории «К2».

Редакционный совет:

АДИЛОВ Надир Адил оглы – доктор философии по юридическим наукам, доцент, Председатель правления Совета Медиации Азербайджанской Республики, член Комитета Организации объединенных наций по экономическим, социальным и культурным правам (Азербайджанская Республика, г. Баку);

АМИНЕВ Фарит Гизарович – доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Башкортостан, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, член президиума Союза «Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова (СУДЭКС)», председатель Общественного совета по экспертной деятельности в Республике Башкортостан (Российская Федерация, г. Уфа);

БАГРЕЕВА Елена Геннадиевна – доктор юридических наук, профессор, профессор департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

БИРЮКОВ Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета Воронежского государственного университета (Российская Федерация, г. Воронеж);

ВАН Ерп Сьеф – магистр права, профессор кафедры гражданского права и европейского частного права и заведующий департаментом частного права Маастрихтского университета, президент Нидерландской ассоциации сравнительного права, член исполнительного комитета Европейского юридического института (Нидерланды, г. Маастрихт);

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва);

ВЛАСОВ Анатолий Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ВОРОНОВ Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры гражданского и трудового права Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний России (Российская Федерация, г. Воронеж);

12+

Периодическое печатное издание (журнал): «Евразийская адвокатура».
Учредитель: Автономная некоммерческая организация «Евразийский научно-исследовательский институт проблем права».
Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС77-50845 от 14.08.2012.
Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Адрес издателя и редакции: 450006, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24.
Адрес типографии: ФГУП «Издательство Известия», 127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6, стр. 1, **тел.**: +7 (495) 650-38-80, **website**: izv-udprf.ru.
Дата выхода в свет: 08.03.2024. Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 17. Тираж 500 экз. Свободная цена
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России»: 41210
website: www.eurasian-advocacy.ru, **e-mail**: eurasian-advocacy@mail.ru, **тел.**: +7-917-40-61-340

ВУЯДИНОВИЧ Драгика – доктор права, профессор кафедры теории, философии и социологии права юридического факультета университета г. Белград (Республика Сербия, г. Белград);

ГАРАДЖАЕВ Джейхун – доктор юридических наук, судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики, профессор кафедры конституционного права юридического факультета Бакинского государственного университета, член Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания Совета Европы (Азербайджанская Республика, г. Баку);

ГАРМАЕВ Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, заведующий лабораторией сравнительного правоведения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона Бурятского государственного университета (Российская Федерация, г. Улан-Удэ);

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ДЕХАНОВ Сергей Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета, профессор кафедры гражданского права Российской таможенной академии (Российская Федерация, г. Москва);

ЕГОРОВА Мария Александровна – доктор юридических наук, профессор, начальник управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), заместитель председателя Исполнительного комитета Московского отделения Ассоциации юристов России, со-президент Международного союза юристов и экономистов (Российская Федерация, г. Москва);

ЕГОРЫШЕВ Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, руководитель центра социологии права и правоохранительных органов Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Уфа);

ЖАНАБИЛОВ Нурлан Еркинович – доктор права, профессор, почетный работник образования Казахстана, Главный эксперт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, первый вице-президент Международного Союза (Содружества) адвокатов, президент Международной ассоциации адвокатов «Азия Инюрколлегия» (Республика Казахстан, г. Астана);

ЗИНН Арндт – доктор права, профессор, руководитель Института экономического уголовного права и руководитель кафедры немецкого и европейского уголовного права и уголовного процесса, международного уголовного права и сравнительного правоведения Университета г. Оснабрюк, директор Центра европейских и международных исследований уголовного права (Федеративная Республика Германия, г. Оснабрюк);

КОСТЮК Михаил Федорович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Российская Федерация, г. Москва);

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, руководитель магистерской программы (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург);

ЛЕВУШКИН Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Ульяновского государственного университета (Российская Федерация, г. Москва);

МЕЙЗА Исса – доктор частного права, профессор факультета права и политических наук Университета Джельфы (Алжирская народная демократическая республика, г. Джельфа);

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, адвокат, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура» (Российская Федерация, г. Москва);

РАХИМБЕРДИН Куат Хажумуханович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Восточно-Казахстанского государственного университета имени Сарсена Аманжолова, председатель Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области «Парасат» (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск);

РОДРИГЕС Хосе Норонья – доктор права, адвокат, директор центра юридических и экономических наук, профессор права факультета экономики и управления Азорского университета (Республика Португалия, г. Понта Дельгада);

САНГАДЖИЕВ Бадма Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва);

СВИРИН Юрий Александрович – доктор юридических наук, доцент, почетный адвокат России, действительный член Российской академии естественных наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Академии труда и социальных отношений, профессор кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции (Российская Федерация, г. Москва);

ТАТАР Ольга Владимировна – доктор юридических наук, преподаватель кафедры частного права Комратского государственного университета Республики Молдова (Республика Молдова, г. Комрат);

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович – доктор юридических наук, руководитель центра международно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Москва);

ХАЛИКОВ Аслям Наилевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета (Российская Федерация, г. Уфа);

ЧИХЛАДЗЕ Леван Теймуразович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой муниципального права Юридического института Российского университета дружбы народов, и.о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного областного университета (Российская Федерация, г. Москва);

ШАГИЕВА Розалина Васильевна – доктор юридических наук, профессор, Первый проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ШАКИРОВ Тимур Равильевич – магистр права, правовой советник программы по Европе Международной комиссии юристов (Швейцария, г. Женева);

ЮРЬЕВ Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры адвокатуры Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва);

ЯНГ Саймон Нгай ман – магистр права, профессор юридического факультета Университета Гонконга, адвокат (Гонконг);

ЯРТЫХ Игорь Семенович – доктор юридических наук, адвокат, вице-президент Федерального союза адвокатов России, профессор кафедры адвокатуры Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского права Института мировых цивилизаций (Российская Федерация, г. Москва).

Редакционная коллегия:

***Главный редактор*:**

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии:

ДЁМИНА Елизавета Петровна – руководитель направления технической проверки материалов;

КАУРАКОВА Мария Викторовна – кандидат юридических наук, руководитель направления рецензирования научных публикаций;

КУЛАГИН Александр Владимирович – руководитель направления предпечатной подготовки;

МЕЛЬНИЧЕНКО Роман Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, руководитель направления SMM;

ПОЛЯНСКАЯ Вероника Владимировна – руководитель направления литературного редактирования;

РАГУЛИНА Индира Тагировна – кандидат юридических наук, заместитель главного редактора;

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович – руководитель направления IT.

EURASIAN № 1 (66) 2024
ADVOCACY Journal is published since 2012.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published (list of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in scientific specialties and the corresponding branches of science in which academic degrees are awarded:
5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences),
5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences),
5.1.3. Private law (civil law) sciences (legal sciences),
5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences).
In accordance with the distribution of the journals included in the list by category, the journal is classified as "K2".

Editorial Advisory Board:

ADILOV Nadir Adil oglu – PhD, Associate Professor, Chairman of the Board of the Mediation Council of the Republic of Azerbaijan, member of the United Nations Committee on Economic, Social and Cultural Rights (Azerbaijan Republic, Baku);

AMINEV Farit Gizarovich – LLD, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, Member of the Presidium of the Union «Chamber of Judicial Experts named after Yu.G. Korukhov (SUDEKS)», Chairman of the Public Council for Expert Activity in the Republic of Bashkortostan (Russian Federation, Ufa);

BAGREEVA Elena Gennadievna – LLD, Professor, Professor of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

BIRJUKOV Pavel Nikolaevich – LLD, Professor, Head of the Department of International and Eurasian Law of Law faculty of the Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh);

CHIHLADZE Levan Teymurazovich – LLD, Professor, Head of the Department of Municipal Law of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia, Acting Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law of the Moscow State Regional University (Russian Federation, Moscow);

DEHANOV Sergey Alexandrovich – LLD, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Moscow State University of the Humanities and Economics, Professor of the Department of Civil Law of the Russian Customs Academy (Russian Federation, Moscow);

EGOROVA Maria Aleksandrovna – LLD, Professor, Head of the Department of International Cooperation, Professor of the Department of Competition Law of the Moscow State Law University, Deputy Chairman of the Executive Committee of the Moscow Branch of the Russian Bar Association, Co-President of the International Union of Lawyers and Economists (Russian Federation, Moscow);

EGORYSHEV Sergey Vasilevich – LLD, Professor, Head of the Center of Sociology of Law and Law Enforcement Agencies of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Ufa);

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich – LLD, Head of the Center of International Legal Studies of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Moscow);

GARMAEV Yuri Petrovich – LLD, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Buryatia, Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminology of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Head of the Laboratory of Comparative Law in the Asia-Pacific Region of Buryat State University (Russian Federation, Ulan-Ude);

GRUDTSYNA Lyudmila Yurievna – LLD, Associate professor, Advocate, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

JURIEV Sergey Sergeyevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Advocacy of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow);

KOSTYUK Mikhail Fedorovich – LLD, Professor, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow);

KHALIKOV Aslyam Nailevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, (Russian Federation, Ufa);

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – LLD, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the St. Petersburg institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Master program manager (Russian Federation, St. Petersburg);

LEVUSHKIN Anatoly Nikolaevich – LLD, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice, Professor of the Department of Civil and Commercial Law of the Ulyanovsk State University (Russian Federation, Moscow);

MAIZA Aissa – PhD, Professor of the Faculty of Law and Political Science of the Djelfa University (Algerian People's Democratic Republic, Djelfa);

QARACAYEV Ceyhun – LLD, the Judge of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan, Professor of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law of Baku State University, the member of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (Azerbaijan Republic, Baku);

RAGULIN Andrey Viktorovich – advocate, LLD, associate professor, head of the Centre for the study of the organization and operation of the advocacy of Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal (Russian Federation, Moscow);

RAKHIMBERDIN Kuat Hazhumukhanovich – LLD, Associate professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the East Kazakhstan State University, Chairman of the «Parasat» Chamber of Legal Advisers of the East Kazakhstan Region (Republic of Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk);

RODRIGUES Jose Noronha – PhD, Advocate, Director of Center of Juridical and Economic Studies, Professor of Law of the Azores University (Portugal Republic, Ponta Delgada);

SANGADZHIYEV Badma Vladimirovich – LLD, Professor, Assistant of Chairman of the Department of Judicial Authority, Law-Enforcement and Human Rights Activity of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia (Russian Federation, Moscow);

SHAGIYEVA Rozalina Vasilyevna – LLD, Professor, First vice-rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Professor of the Department of State Disciplines of the Higher School of Law of the Institute of State Service and Government of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

SHAKIROV Timur Ravilyevich – LLM, Legal adviser of the Program for Europe of International Commission of Jurists (Switzerland, Geneva);

SINN Arndt – PhD, Professor, Head of Institute of Economic Criminal Law, Head of the Department of German and European Criminal Law and Criminal Trial, International Criminal Law and Comparative Jurisprudence of the University of Osnabruck, Director of the Center of the European and International Researches of Criminal Law (ZEIS) (Federative Republic of Germany, Osnabruck);

SVIRIN Yuri Alexandrovich – LLD, Associate Professor, Honorary Advocate of Russia, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Department of Civil Law and Process of the Academy of Labor and Social Relations, Professor of the Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service of the All-Russian State University of Justice (Russian Federation, Moscow);

TATAR Olga Vladimirovna – LLD, Lecturer of the Department of Private Law of the Comrat State University of the Republic of Moldova (Republic of Moldova, Comrat);

VAN ERP Sjef – LLM, Professor of the Department of Civil Law and European Private Law, Head of the Private Law Department of the Maastricht University, President of the Netherlands Comparative Law Association, Member of the Executive Committee of the European Law Institute (Netherlands, Maastricht);

VINOGRADOVA Elena Valerievna – LLD, Professor, Chief Researcher of the Constitutional Law and Constitutional Justice Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Judicial Authority, Law-Enforcement and Human Rights Activity of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation);

VLASOV Anatoly Aleksandrovich – LLD, Professor, Professor of the Department of International Private and Civil Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

VORONOV Alexander Alekseevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Civil and Labor Law of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russian Federation, Voronezh);

VUJADINOVIC Dragica – PhD, Professor of the Faculty of Law of the University of Belgrade (Serbia Republic, Belgrade);

YARTYKH Igor Semenovich – LLD, Advocate, Vice-president of the Federal Union of Advocates of Russia, Professor of the Advocacy Department of the Moscow State Law University, Professor of the Department of Civil Law of the Institute of World Civilizations (Russian Federation, Moscow);

YOUNG Simon Ngai Man – LLM, Advocate, Professor of Faculty of Law of the University of Hong Kong (Hong Kong);

ZHANABILOV Nurlan Erkinovich – PhD, Professor, Honorable worker of education of Kazakhstan, Chief expert of the Kazakhstan Institute of Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, First vice-president of the International Union (Commonwealth) of Advocates, President of the International Association of Advocates «Asia Injurkollegiya» (Republic of Kazakhstan, Astana).

Editorial Board:

Editor-in-Chief:
RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, associate professor.

Members of the Editorial Board:
DEMINA Elizaveta Petrovna – Head of Technical Verification of Materials;
KAURAKOVA Maria Viktorovna – PhD, Head of Reviewing of Scientific Publications;
KULAGIN Alexandr Vladimirovich – Head of Preprinting Preparation;
MELNICHENKO Roman Grigoryevich – PhD, Associate professor, Head of SMM;
POLYANSKAYA Veronika Vladimirovna – Head of Literary Editing;
RAGULINA Indira Tagirovna – PhD, Deputy of the Editor-in-chief;
FARKHUTDINOV Dinar Insurovich – Head of IT.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ссылки на настоящее издание обязательны. За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов материалов, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения Редакционного Совета и Редакционной коллегии журнала.
Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная. Вы можете свободно: делиться (обмениваться) – копировать и распространять материал на любом носителе и в любом формате, адаптировать (создавать производные материалы) – делать ремиксы, видоизменять, а также создавать новое, опираясь на этот материал в любых целях, включая коммерческие. При этом вы должны обеспечить соответствующее указание авторства, предоставить ссылку на лицензию и обозначить изменения, если таковые были сделаны. Вы можете это делать любым разумным способом, но не таким, который подразумевал бы, что лицензиар одобряет вас или ваш способ использования произведения.

Содержание

ПЕРСОНА

Международный механизм защиты профессиональных прав адвокатов: интервью с сопредседателем Комитета по мониторингу нападений на юристов Международной ассоциации народных юристов г-ном Стюартом Расселом 9

СОБЫТИЯ

Круглый стол «Российская адвокатура: защита для защитников»: обзор мероприятия 21

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

БАГРЕЕВА Елена Геннадиевна
Право и традиционные ценности и их правовая регламентация в цифровом пространстве 27

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АДВОКАТУРЫ

РАГУЛИН Андрей Викторович
Об обращении Правления Межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018» в органы Организации Объединенных Наций, к международным ассоциациям адвокатов и правозащитным организациям 31

МАРЧЕВА Полина Евгеньевна
Риски адвокатской деятельности в аспекте информатизации и цифровой трансформации общества 37

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА И ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АДВОКАТА

БУНИН Олег Юрьевич
О несправедливости установления дисциплинарной ответственности адвоката в Кодексе профессиональной этики адвоката 43

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКИ

ЛОБАНОВ Николай Станиславович
Свидетельский иммунитет как гарант достоверности показаний в цивилистическом процессе 47

ЕМЕЛИН Сергей Михайлович
САЛИХОВА Эльвина Ахнафовна
Социально-антропологический и когнитивный подходы к анализу моделей экстремистского поведения и характеристик идеологических установок 53

ВАСИЛЬЕВА Оксана Николаевна
СТАРИКОВА Елена Игоревна
Отказ от договора в предпринимательской деятельности в связи с деловой репутацией юридического лица 60

ПРАВОСУДИЕ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ПОПОВ Алексей Павлович
Дефиниция «субъекты доказывания» в уголовно-процессуальном праве 65

ПОПОВ Александр Юрьевич
Особенности квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия, изготовленного посредством использования трехмерного моделирования и печати 71

ГАЛЕЦКИЙ Виталий Сергеевич
Меры по предупреждению преступлений, связанных с противоправными действиями лиц, оказывающих юридическую помощь 75

ДЁМИНА Елизавета Петровна
Полномочия прокуроров, направленные на устранение нарушений природоохранного и экологического законодательства 79

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

РАХИМБЕРДИН Куат Хажумуханович
Уголовная ответственность за членовредительство осужденных в свете правовой позиции Конституционного Суда Республики Казахстан: некоторые аспекты критического анализа 83

НОВИЦКАЯ Людмила Юрьевна
К вопросу об условиях труда лиц с ограниченными возможностями 89

ДОЛГОВ Александр Владимирович
Правовое регулирование адаптивного спорта в Китайской Народной Республике 94

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

БАГРЕЕВА Елена Геннадиевна
О влиянии цифровизации на соотношение естественного и позитивного права 100

ВАСИЛЬЕВА Оксана Николаевна
К вопросу о цифровизации российских университетов – правовой аспект 104

КУЛИКОВ Всеволод Валерьевич
Перспективы совершенствования ст. 333 Гражданского кодекса РФ применительно к императивно установленной (законной) неустойке 108

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА ЕВРАЗИИ

ЯКОВЛЕВ Александр Юрьевич
Актуальность и возможности использования зарубежного опыта правового регулирования и управления государственными акционерными обществами 113

ПШЕНИЧНАЯ Нина Юрьевна
Модернизация международных коммерческих договоров в современных условиях 117

ИЛЬИН Александр Юрьевич
Государственно-частное партнерство – форма взаимодействия государства и бизнеса в модели экономики устойчивого развития 127

НИКИТИН Егор Андреевич
Место и роль Правительства Российской Федерации в системе органов исполнительной власти 131

РЫЖЕНКОВ Руслан Андреевич
Особенности государственно-правового принуждения в условиях политических режимов 136

РУСТАМОВ Павел Анварович
К вопросу о совершенствовании правового регулирования цифровых финансовых активов в России 143

БИРИЧ Алексей Андреевич
Нормативно-правовое регулирование статуса «социальное предприятие» 148

Contents

PERSONA

The International Mechanism for the Protection of Lawyers' Professional Rights: Interview with Co-Chairman of International Association of People's Lawyers Monitoring Committee on Attacks on Lawyers Mr. Stuart Russell 9

EVENTS

Round Table «Russian Advocacy: Protection for Defenders»: an Overview of the Event 21

HISTORICAL EXPERIENCE

BAGREEVA Elena Gennadievna
Law and Traditional Values and Their Legal Regulation in the Digital Space 27

PROBLEMS OF ORGANIZATION AND ADVOCACY PROFESSION FUNCTIONING

RAGULIN Andrey Viktorovich
About the Appeal of the Board of the Interregional Public Organization of Advocates and Lawyers «Initiative 2018» to the United Nations Bodies, International Bar Associations and Human Rights Organizations 31

MARCHEVA Polina Evgenyevna
Risks of Advocacy in the Aspect of Informatization and Digital Transformation of Society 37

PROFESSIONAL ETHICS AND DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF ADVOCATE

BUNIN Oleg Yurievich
On the Unfairness of the Establishment of Disciplinary Responsibility of the Lawyer in the Code of Professional Ethics of Lawyer 43

ACTUAL PROBLEMS OF ADVOCACY PRACTICE

LOBANOV Nikolay Stanislavovich
Witness Immunity as a Guarantor of the Reliability of Testimony in the Civil Process 47

EMELIN Sergei Mikhailovich
SALIKHOVA Elvina Akhnafovna
Socio-Anthropological and Cognitive Approaches to the Analysis of Extremist Behavior Models and Characteristics of Ideological Attitudes 53

VASILYEVA Oksana Nikolaevna
STARIKOVA Elena Igorevna
Withdrawal From the Contract and (or) its Implementation in Business Activities 60

JUSTICE AND LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY IN THE EURASIAN SPACE

POPOV Aleksey Pavlovich
The Definition of «Subjects of Proof» in the Criminal Procedural Legislation 65

POPOV Alexander Yurievich
Features of the Classification of Crimes Related to the Illegal Traffic of Firearms Manufactured Through the Use of 3d Modeling and Printing 71

GALETSKY Vitaly Sergeevich
Measures to Prevent Crimes Related to Illegal Actions of Persons Providing Legal Assistance 75

DEMINA Elizaveta Petrovna
The Powers of Prosecutors Aimed at Eliminating Violations of Environmental And Environmental Legislation 79

HUMAN RIGHTS IN THE EURASIAN SPACE

RAKHIMBERDIN Kuat Khazhumukhanovich
Criminal Liability for Self-Harm of Convicted Persons in the Light of the Legal Position of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan: Some Aspects of Critical Analysis 83

NOVITSKAYA Ludmila Yurevna
On the Issue of Working Conditions for People with Disabilities 89

DOLGOV Alexander Vladimirovich
Legal Regulation of Adaptive Sports in the People's Republic of China 94

ACTUAL PROBLEMS OF LAW SCIENCE AND PRACTICE

BAGREEVA Elena Gennadievna
On the Impact of Digitalization on the Ratio of Natural and Positive Law 100

VASILYEVA Oxana Nikolaevna
On the Issue of Digitalization of Russian Universities – the Legal Aspect 104

KULIKOV Vsevolod Valeryevich
Prospects for Improvement of art. 333 of the Civil Code of the Russian Federation in Relation to Peremptory (Legal) Penalties 108

POLICY AND ECONOMY OF EURASIA

YAKOVLEV Alexander Yurievich
Relevance and Possibilities of Using Foreign Experience in Legal Regulation and Governance of State Joint-Stock Companies 113

PSHENICHNAYA Nina Yurievna
Modernization of International Commercial Agreements in Modern Times 117

ILYIN Alexander Yuryevich
Public-Private Partnership is a Form of Interaction Between the State and Business in the Sustainable Development Economy Model 127

NIKITIN Egor Andreevich
The Place and Role of The Government of the Russian Federation in the System of Executive Authorities 131

RYZHENKOV Ruslan Andreevich
Features of State Legal Coercion in Political Regimes 136

RUSTAMOV Pavel Anvarovich
On the Issue of Improving Legal Regulation of Digital Financial Assets in Russia 143

BIRICH Alexey Andreevich
Legal Regulation of the Status of a «Social Enterprise» 148

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРАВ АДВОКАТОВ: ИНТЕРВЬЮ С СОПРЕДСЕДАТЕЛЕМ КОМИТЕТА ПО МОНИТОРИНГУ НАПАДЕНИЙ НА ЮРИСТОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ НАРОДНЫХ ЮРИСТОВ Г-НОМ СТЮАРТОМ РАССЕЛОМ

THE INTERNATIONAL MECHANISM FOR THE PROTECTION OF LAWYERS' PROFESSIONAL RIGHTS: INTERVIEW WITH CO-CHAIRMAN OF INTERNATIONAL ASSOCIATION OF PEOPLE'S LAWYERS MONITORING COMMITTEE ON ATTACKS ON LAWYERS MR. STUART RUSSELL

Визитная карточка:

Стюарт Рассел – сопредседатель Комитета по мониторингу нападений на юристов Международной ассоциации народных юристов (IAPL), который на протяжении последних десяти лет внимательно следит за нападениями на адвокатов и юристов по всему миру. До выхода на пенсию работал в 1980-х годах адвокатом по правам человека в Канаде, а также в 1990-х старшим преподавателем юридического факультета Университета Маккуори в Сиднее и административным судьей по апелляциям беженцев в Австралии.

Проводит исследования, читает лекции и является автором множества публикаций по вопросам нападений на адвокатов и юристов во всем мире, а также теоретической криминологии, теории права и прав человека. Стюарт Рассел признан ведущим международным экспертом в области изучения проблемы преследования адвокатов и юристов. Имеет степени по искусству, гражданскому праву и общему праву Университета Макгилла в Монреале (BA, BCL, LLB), а также степень магистра права Университета Оттавы (LLM).

Visit card:

Stuart Russell is co-chair of the Monitoring Committee on Attacks on Lawyers of the International Association of People's Lawyers (IAPL) who has closely monitored attacks on lawyers around the world for the past a decade. Prior to retirement he was a human rights lawyer in Canada in the 1980s, as well as a senior lecturer in the School of Law at Macquarie University in Sydney and an administrative judge for refugee appeals in Australia in the 1990s.

He has conducted research, given lectures on and published widely on attacks against lawyers around the world, as well as theoretical criminology, legal theory and human rights. He is recognized as a leading international authority on the persecution of lawyers. He holds degrees in Arts, Civil Law and Common Law from McGill University in Montréal (BA, BCL, LLB) as well as a Master of Laws from the University of Ottawa (LLM).

– Здравствуйте, уважаемый мистер Рассел! Спасибо, что нашли время ответить на несколько вопросов. Я хочу поговорить с вами о международном механизме защиты профессиональных прав адвокатов и о роли Мониторингового комитета по нападениям на юристов Международной ассоциации народных юристов в этом механизме. Но прежде всего я задам Вам наш традиционный вопрос. Расскажите, пожалуйста, когда и по какой причине Вы пришли в юридическую профессию и о развитии Вашей профессиональной карьеры.

– Я вырос в Ванкувере в Канаде и в конце 1960-х годов принимал активное участие в раннем экологическом движении, а в 1970-х годах был студенческим активистом во время получения первой степени по социологии. В 1975 году я переехал в Монреаль. В то время Квебек был очень интересной и динамичной провинцией. В основном я хотел изучать право и стать юристом, чтобы помогать движениям за социальные перемены.

После окончания юридического факультета Макгилла в 1982 году я несколько лет работал в одной из контор в Монреале, где занимался адвокатской деятельностью, в основном представляя интересы арендаторов. Затем я открыл свой собственный офис в общественном центре в самом центре Монреаля вместе со Стивеном Фостером, выпускником юридического факультета Макгилла, который впоследствии стал судьей Верховного суда Онтарио. У нас в скромном офисе не было секретаря, и все наши дела велись за счет юридической помощи в основном беженцам. Через несколько лет я переехал в другой офис и стал практиковать с двумя другими выпускниками юридического факультета Макгилла.

Я вёл все больше и больше дел о беженцах, но также много «политических» дел, связанных с демонстрантами и активистами гражданского неповиновения – практически все на условиях бесплатной юридической помощи. Одно из них касалось активистов движения за мир, которые были арестованы за то, что в память о бомбардировке Хиросимы рисовали «тени» на тротуарах. Мы представили довольно продуманную защиту, частично основанную на международном праве, но, к сожалению, активисты были признаны виновными.

Другой случай связан с группой активистов-инвалидов из США, которые протестовали на Се-

вероамериканской конференции по общественному транспорту в Монреале. Они протестовали против отсутствия доступных автобусов, поэтому приковали себя цепями к дверям отеля Queen Elizabeth. Это была большая группа, около 50 человек, их всех арестовали, а около двух часов ночи мне позвонили из полиции и сообщили, что через час они предстанут перед судом. Я помчался в суд, представил их интересы, все они признали свою вину и получили небольшой штраф. Это было то, что я тогда называл «ночным судом», и стало экстраординарным событием для муниципального суда, да и для меня тоже.

Также было очень серьезное дело о свободе слова по обвинению в проведении непристойной выставки. Я всю жизнь был активистом, а мой старый друг-активист был владельцем художественной галереи в Монреале. Он устроил фотовыставку на тему беременности. На входной двери висело изображение беременной женщины, держащей в руках эрегированный пенис. Португальцы, живущие через дорогу, были возмущены этим и вызвали полицию. На суде мы очень долго защищались, основываясь на свободе выражения мнения, но, к сожалению, обвиняемый был признан виновным.

Я хотел продолжать заниматься юридическими исследованиями, поэтому в 1985 году поступил на заочное отделение магистратуры в Университет Оттавы, а затем написал диссертацию на тему национальной безопасности.

Начав изучение этой темы, я убедился, что Канадская служба разведки безопасности (CSIS) нацелилась на меня из-за некоторых моих доверителей и моей собственной политической активности в прошлом, поэтому написал в CSIS с просьбой подтвердить или опровергнуть, был ли я объектом преследований, но они ответили, что не могут ни подтвердить, ни опровергнуть этот запрос.

Я обратился в Комитет по проверке разведывательных служб безопасности, который подтвердил решение CSIS, после чего я подал иск в Федеральный суд Канады, чтобы пересмотреть решение. В то же время я пытался получить доступ к своим документам, хранящимся в CSIS и других федеральных правительственных ведомствах, но мне снова было отказано, поэтому я подал отдельный иск в Федеральный суд. Одно слушание состоялось в Монреале, тогда мое дело было отклонено, а второе – в Оттаве. Поскольку у меня не было финансовых средств, я не стал нанимать адвоката и в обоих случаях представлял себя сам.

На слушаниях в Оттаве CSIS подала письменные показания под присягой, поэтому я под присягой со стенографисткой допрашивал депонента, сотрудницу CSIS, но юрист Министерства юстиции, представлявший CSIS, возражал против большинства моих вопросов. Слушание проходило в закрытом режиме и ex parte, поэтому во время его проведения я ждал за пределами зала суда. Мое заявление было отклонено, к счастью, без издержек.

После получения степени магистра права я также в течение двух лет преподавал курс по законодательству о социальной защите в Монреале на программе Concordia graduate program in politics and the law.

После получения степени магистра права в 1990 году я начал искать место преподавателя, но даже тогда конкуренция была пугающей. Я подал заявки на 200–300 вакансий в Северной Америке, Европе и Австралии, и после примерно двух лет попыток меня определили в юридическую школу Маккуори в Сиднее, Австралия, которая в то время считалась ведущей «прогрессивной» юридической школой.

Я начал работать там в начале 1993 года, а в 1997 году меня также назначили административным судьей по совместительству в Трибунал по рассмотрению дел беженцев в Сиднее. Мне нравилось преподавать, заниматься исследованиями и писать в Маккуори, но я впал в уныние, потому что студенты не были заинтересованы в изучении более широких междисциплинарных и социально-правовых аспектов права, и в нашей юридической школе шла крайне деморализующая внутренняя борьба.

Наша группа настаивала на критическом и интеллектуальном изучении права, в то время как остальная часть факультета была заинтересована исключительно в очень узком подходе. Борьба продолжалась много месяцев, и в итоге нашу группу исключили и отправили на факультет искусств. В 2003 году, когда поступило предложение о добровольном досрочном выходе на пенсию, я сразу же согласился, так как думал, что смогу продолжать работать в Трибунале полный рабочий день.

Мне нравилось работать в Трибунале на 30-м этаже здания с видом на Сиднейскую гавань. Я проработал полный рабочий день в течение года, но затем в 2004 году мое назначение не было продлено, несмотря на то, что я был одним из самых продуктивных членов с одним из самых низких показателей отмены решений Федерального суда Австралии.

Затем я работал в Департаменте иммиграции, занимаясь делами иракских беженцев, за половину моей прежней зарплаты в Трибунале.

Затем я начал подавать заявки на работу в Европе, в ООН и НПО. Когда я работал в Австралии, много путешествовал, особенно по Европе, и понял, что хочу жить там, где поет мое сердце, рядом с европейским искусством и старинной музыкой. Но в то время мне было 50 лет, я был «за бортом» даже для таких организаций, как ООН, поэтому найти работу было крайне сложно.

В результате в 2006 году я решил начать новую жизнь и переехал во Францию, нашел работу с частичной занятостью, преподавая английский язык и занимаясь юридическими переводами.

В 2014 году мы с бывшим деканом юридического факультета Маккуори начали проводить исследования о преследовании юристов-правозащитников и были поражены масштабами этих преследований, поэтому мы решили основать Комитет по мониторингу нападений на юристов IAPL. Я также являюсь редактором нашего блога о нападениях на юристов [1].

Мы отслеживаем нападения на юристов в 136 странах, включая Россию.

Я также принимаю активное участие в организации Дня юриста, находящегося под угрозой исчезновения, который проводится каждый год 24 января [2]. В этот день в центре нашего внимания оказывается одна из стран, и мы стараемся повысить осведомленность о юристах, находящихся там под угрозой, и выразить поддержку и солидарность нашим коллегам в других странах.

– Спасибо! Расскажите, пожалуйста, нашим читателям об основных международных стандартах защиты юристов, а также о международных институтах и организациях, которые функционируют для этих целей.

– Организация Объединенных Наций разработала основные нормативные стандарты, применимые в этой области. Адвокаты, как и другие граждане, прежде всего, защищены Всеобщей декларацией прав человека (1948) и Международным пактом о гражданских и политических правах (1966). На них также непосредственно распространяются Основные принципы ООН, касающиеся роли юристов (1990), и более широкая Декларация ООН о правозащитниках (1998). Это впечатляющий и значительный набор защитных инструментов. Они охватывают практически все права адвокатов и обязательства государства по обеспечению их соблюдения, чтобы адвокаты могли выполнять свои профессиональные обязанности, не подвергаясь угрозам, преследованиям, запугиваниям, не говоря уже об убийствах, исчезновениях или пытках. Последним специально посвящена Конвенция ООН против пыток (1984).

Основные международные стандарты применительно к защите адвокатов были сформулированы ООН в 1990 году в Основных принципах ООН, касающихся роли юристов (адвокатов) [3, 4].

Эти принципы грубо нарушаются авторитарными режимами и диктатурами, поэтому мы стараемся сделать их более известными в международном юридическом сообществе и выступаем за то, чтобы они соблюдались.

В Совете ООН по правам человека также есть два специальных докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов, а также по вопросу о правозащитниках, и оба они играют ключевую роль.

В дополнение к стандартам и институтам ООН существует множество международных НПО, которые занимаются правами человека, в том числе и проблемой нападений на адвокатов. Amnesty International и Human Rights Watch – только две из многих, выполняющих важную работу по расследованию, составлению отчетов и разработке кампаний по защите от нарушений прав человека, некоторые из которых направлены против адвокатов. Они делают неоценимую работу, но опять же мы должны признать пределы воздействия и кампании. Правительства с плохими показателями в области прав человека можно убедить, но часто они остаются при своем мнении и просто сопротивляются внешнему давлению. Хотя в некоторых обстоятельствах они могут действовать позитивно, во многих других будут бездействовать, ожидая, пока буря утихнет. Тем временем права человека продолжают нарушаться, а безнаказанность сохраняется.

Региональные центры, такие как Центр по правам человека в Персидском заливе и Азиатский центр по правам человека (Гонконг), являются важной частью международной сети активистов и правозащитников, равно как и национальные центры и организации, такие как Lawyers' Rights Watch Canada.

Профессиональные организации являются важными центрами сопротивления правительственным репрессиям. В таких странах, как Пакистан, Испания, Франция, Филиппины, они проводят активную работу по защите интересов адвокатов и противодействию правительственным и другим нападкам. Однако они должны быть более активными по всему миру. К сожалению, есть страны, где таких организаций нет, а есть страны, где, как мы выяснили в ходе нашего исследования, профессиональные организации контролируются государством. Кроме того, в ряде стран юрисдикцией по выдаче или отзыву лицензии на

ведение адвокатской деятельности обладает Министерство юстиции или его эквивалент, что ставит под угрозу карьеру адвоката, если он не «придерживается линии».

Кроме того, существуют ассоциации адвокатов, юридических обществ и НПО, особенно в Европе, которые принимают активное участие в растущем движении по защите адвокатов: в частности, Совет адвокатов и юридических обществ Европы (CCBE), Международная обсерватория юристов, подвергающихся риску (OIAD), Институт прав человека Международной ассоциации адвокатов, организация «Юристы для юристов» и наш Комитет по мониторингу.

Международные организации юристов, такие как Международная ассоциация юристов, и региональные организации, такие как Совет ассоциаций юристов и юридических обществ Европы, сыграли важную роль в том, чтобы проблема нападений на юристов оставалась в центре внимания общественности, а также оказали давление на правительства, чтобы те приняли меры по предотвращению нападений и обеспечению соблюдения принципов, например Основных принципов ООН, касающихся роли юристов.

Организации юристов, не входящие в основные профессиональные организации, иногда более активны или воинственны при защите своих коллег, чем основная профессиональная ассоциация. Примерами могут служить организации «Юристы для юристов» (Нидерланды), Progress Law Network и «Юристы без границ» (Бельгия), Национальная гильдия юристов (США), Общество социалистических юристов Халдейна (Великобритания), Национальный союз народных юристов (Филиппины) и другие группы народных юристов в Бразилии (ABRAPO), Мексике (AMAP), Народное юридическое бюро (HHB), созданное на базе организации прогрессивных юристов (CHD) в Турции, Японские юристы за международную солидарность и действия (JALISA) и Союз юристов Канады, Синдикат адвокатов Франции. «Малазийские юристы за свободу», «Южноафриканский судебный центр». Многие из этих организаций также имеют международные программы по оказанию помощи юристам, находящимся под угрозой, по всему миру.

Пожалуй, самой впечатляющей организацией, которая занимается именно международной проблемой нападений на адвокатов, является Lawyers' Rights Watch Canada.

Еще одна национальная организация, занимающаяся нападениями на адвокатов, – Филиппинский комитет по защите от нападений на адвокатов, созданный в ответ на неблагоприятные условия, в которых работали адвокаты. Он был вновь сформирован в 2005 году при поддержке Объединенной коллегии адвокатов Филиппин, в частности, для проведения кампании против участившихся нападений на представителей юридической профессии.

Международная ассоциация юристов-демократов имеет долгую историю участия в пропаганде и защите прав человека, в то время как Международная ассоциация народных юристов сделала основной сферой своей деятельности проблему нападений на адвокатов. Следует также упомянуть о долгой и выдающейся деятельности Международной комиссии юристов. Европейская ассоциация юристов за демократию и права человека во всем мире (ELDH), Европейская конфедерация юристов-демократов (AED), Институт прав человека Европейской коллегии адвокатов (IDHAE), Международная ассоциация юристов (UAI), Международная федерация защиты правозащитников (FIDH) – все они серьезно вовлечены в борьбу за защиту адвокатов.

Значительная часть образовательных услуг в области прав человека, адвокации и активной деятельности в настоящее время осуществляется университетами, особенно центрами по правам человека, которые выросли как грибы за последние двадцать лет, например центром Эссекского университета (Великобритания), центром UNSW (Австралия) и сотнями других по всему миру. Мы можем сказать, что на данный момент большинство из них не проявляют особой активности в защите юристов от нападок, но придерживаются более общего подхода. В настоящее время существует бесчисленное множество журналов, посвященных вопросам прав человека, хотя нам неизвестно, что какой-либо из них специально посвящен проблеме нападений на адвокатов.

– Расскажите, пожалуйста, о Международной ассоциации народных юристов.

– Защита юристов, в том числе адвокатов, участвующих в делах, связанных с правами человека, является одной из основных задач Международной ассоциации народных юристов с момента ее основания в 2000 году. IAPL была создана для объединения юристов, участвующих в правовой поддержке коллективной борьбы за права людей и в ситуациях грубого нарушения прав. На последнем 5-м конгрессе в Рио-де-Жанейро были представлены сообщения о преследовании адвокатов и неуважении к осуществлению юридической профессии изо всех стран-участниц. Как говорил адвокат по правам человека Ромео Капулонг, ре-

прессии порождают сопротивление. Чем сильнее подавляется народная борьба и беспощаднее режим, тем сильнее это отражается на адвокатах и правозащитниках.

– Расскажите, пожалуйста, нашим читателям о работе Мониторингового комитета по нападениям на адвокатов Международной ассоциации народных юристов. Каковы цели этого подразделения ассоциации, каковы основные формы деятельности и как эта деятельность может помочь адвокатам во всем мире?

– Создание Мониторингового комитета IAPL по нападениям на адвокатов в 2014 году является ответом на только что упомянутую мною проблему и идёт в ногу с другими инициативами по исследованию, документированию и осуждению этих нападений по всему миру, а также по внесению вклада в восстановление и применение справедливости в отношении таких нарушений.

Наш Комитет по мониторингу документирует и обнародует информацию о нападениях на юристов и адвокатов с помощью постов в нашем блоге, которые широко распространяются в социальных сетях, затем мы проводим последующую работу, создаем сети и сотрудничаем с нашими партнерами, чтобы побудить ассоциации юристов и адвокатов, юридические общества, ООН и НПО выразить протест и провести правозащитную работу. Мы также проводим исследования, готовим отчеты и выступаем с презентациями на тему нападений на юристов и адвокатов. На наш взгляд, это ценный вклад в повышение осведомленности об этой проблеме в юридическом сообществе и за его пределами.

Во всем мире очень много правозащитников и других юристов подвергаются нападениям, лишаются статуса адвоката, их убивают, угрожают, не дают выехать из страны, похищают, преследуют и подвергают другим формам серьезных нарушений только из-за их адвокатской деятельности.

– Какова дальнейшая повестка дня по совершенствованию системы международной защиты прав адвокатов?

– Она актуальна и сложна! Мы подробно писали об этом, в частности, в докладе на конференции, который представили в 2015 году в Афинском институте образования и исследований [5].

Мы твердо убеждены, что Основные принципы ООН, касающиеся роли юристов (адвокатов), должны соблюдаться и исполняться всеми государствами, чтобы обеспечить юристам возможность надлежащим образом осуществлять свою профессиональную деятельность.

На региональном уровне европейские адвокатские палаты и юридические общества предпринимают важные шаги в тесном сотрудничестве с европейскими институтами, чтобы добиться принятия Европейской конвенции о профессии адвоката, которую мы решительно поддерживаем [6]. Но адвокатские палаты, юридические общества, ООН и НПО во всем мире должны продолжать мобилизацию и сохранять постоянную бдительность в отношении проблемы адвокатов, находящихся под угрозой исчезновения.

Работа, выполняемая упомянутыми выше группами, может охватывать широкий спектр мероприятий в области пропаганды, поддержки и солидарности. Однако, похоже, что много времени и энергии тратится на регистрацию нападений и сообщение о них, принятие резолюций на собраниях ассоциаций юристов и написание писем правительственным министрам о положении их зарубежных коллег; попытки оказать давление на политические партии, отдельных законодателей и даже правительства, чтобы они действовали в этом вопросе; визиты в соответствующей страны, затем подготовку и публикацию отчета. Это не единственные проводимые мероприятия солидарности, так, посетив веб-сайты ряда групп солидарности, можно ознакомиться с различными программами, комиссиями и исследовательскими проектами, но мы считаем, что в основном это краткосрочные реактивные инициативы.

Достаточно ли этого? Были ли должным образом скоординированы усилия по поддержке юристов? Были ли они успешными? При всем уважении к тем, кто от всего сердца приложил усилия, наш ответ на все три вопроса должен быть таким: мы думаем, что нет. Необходимо сделать больше и более эффективно. Мы говорим об этом с нерешительностью, поскольку многое было сделано. К сожалению, убийства и другие нападения никогда не будут полностью искоренены в условиях, в которых в настоящее время живут люди. Мы считаем, что необходимо разработать новое мышление, новые методы и некоторые новые стратегии. Мы считаем, что это возможно, даже необходимо.

Представляется, что международная конференция со структурированными практическими семинарами, специально посвященная проблеме нападений на юристов, была бы полезной инициативой. Цель ее состояла бы в том, чтобы объединить группы, о которых мы упоминали выше, и другие для обмена нашими знаниями и опытом, чтобы развить наш коллективный потенциал по поддержке тех, кто ежеминутно подвергается риску.

Такая конференция, объединяющая широкий круг людей и групп поддержки, включая ведущих юристов и потерпевших, активистов как из развивающихся стран «первой линии», так и из развитых стран «второй линии», также имела бы значительные дополнительные эффекты, то есть, несомненно, привлекла бы внимание основных средств массовой информации. Огласка, которая, как мы ожидаем, последует, целенаправленно доведет до сведения всего мира серьезность проблемы. Это оказало бы международное давление со стороны недавно информированного общественного мнения на правительства и ассоциации адвокатов в странах, где адвокаты подвергаются серьезному риску и до сих пор не получили надлежащей защиты ни от одного из институтов. К большому стыду последних…

Чтобы начать разрабатывать повестку дня такого мероприятия, мы предлагаем несколько идей о том, как мы, особенно в развитых странах, можем практическим образом выразить нашу солидарность с юристами, которым угрожают нападения, а также с жертвами таких нападений. Некоторые из элементов комплексной программы поддержки могли бы включать:

1. Создание сети региональных центров поддержки адвокатов, подвергающихся нападениям, для сбора, регистрации и анализа информации, конкретно касающейся нападений на адвокатов, а также для предоставления комментариев и рекламы по этому вопросу; такие центры должны помогать в организации, распространении информации и координации мероприятий по поддержке в регионе (поездки в страны и отчеты). Такие центры могут быть организованы ассоциациями адвокатов, НПО или в академическом учреждении либо альянсом таких учреждений.

2. Ежегодная международная лекция выдающегося правозащитника, не обязательно юриста, получающая широкую огласку, об угрозах адвокатам, возможно, каждый год посвященная другой стране и, возможно, каждый год проходящая в новой стране. Одной из возможных тем была бы филиппинская «резня в Магинданао» 23 ноября 2009 года, когда 58 человек были убиты политической династией, близкой к тогдашнему президенту Глории Макапагал Арройо. Среди жертв были 33 журналиста и две молодые женщины-юриста, члены отделения Национального союза народных юристов Минданао. Никто до сих пор не осужден за это ужасное преступление.

3. Региональные семинары и практикумы по данной проблеме, основанные на исследованиях и опыте борьбы с ней.

4. Поддержка выступлений и визитов юристов и других правозащитников, обладающих знаниями / опытом, в академические кампусы и другие места в развитых странах.

5. Визиты старших юристов из развивающихся стран в страны, где они могут рассчитывать на проведение дискуссий с правительственными чиновниками, ассоциациями адвокатов и другими юридическими группами, а также на доступ к средствам массовой информации.

6. Юридическая помощь, такая как работа с местными юристами для возбуждения уголовного преследования и вынесения обвинительных приговоров, не столько потому, что они нуждаются в юридической помощи, сколько потому, что привлечение иностранного юриста может заставить государственных чиновников «стараться усерднее» под пристальным взглядом международного сообщества. Возможно, была бы полезна программа стажировок для студентов юридических факультетов и молодых юристов в рамках такой схемы юридической помощи. Эти и другие предложения, которые мы рассматриваем, конечно, должны быть проработаны с местными юристами.

7. Была бы важна просветительская работа с журналистами. Многие журналисты отнеслись бы с пониманием, учитывая то, что происходит с их коллегами. Нам просто нужно дать им точные комментарии, которые они смогут использовать. Мы признаем, что основные средства массовой информации несвободны и не объективны, а журналисты работают в рамках ограничений, тем не менее, в этом вопросе, как представляется, в развитых странах они, как правило, могли бы использовать предоставленную информацию.

8. Образовательная работа с НПО и организациями гражданского общества также важна. Это организации, обладающие властью влиять на общественное мнение. И они заинтересованы в безопасности юристов в развивающихся странах, с которыми они иногда работают и разделяют опасности, связанные с нарушением прав человека.

9. Образовательная работа с юридическими факультетами университетов и другими организациями могла бы включать разработку разделов учебной программы (как для студентов, так и для аспирантов), посвященных юристам как героям и жертвам политических систем и социальных структур, возможно, с присуждением премий за выдающиеся диссертации или публикации, появляющиеся в процессе и по результатам обучения.

10. В развитых странах следует провести политическую работу, чтобы убедить политические

партии и правительства применить санкции против стран, где продолжаются нападения на юристов без дальнейшего судебного преследования и вынесения обвинительного приговора. Заявления об озабоченности сами по себе не имеют значения. В Соединенных Штатах действует закон, ограничивающий поставки оружия странам, нарушающим права человека. Такая политика, в случае ее проведения в жизнь, могла бы стать тревожным сигналом для некоторых стран развивающегося мира.

11. Такая политическая работа также будет направлена на принятие резолюций, осуждающих отсутствие защиты адвокатов, но требующих проведения парламентских слушаний, разоблачающих «пробел в защите» в странах, уязвимых к изменению общественного мнения и государственной политики, например в отношении помощи и / или торговли.

12. Юридическая работа, которая привела бы к привлечению стран-нарушителей и отдельных лиц к ответственности в соответствующих международных трибуналах или в таких странах, как Испания, которые допускают судебное преследование за экстерриториальные правонарушения.

13. Мы предполагаем, что в какой-то момент международный народный трибунал стал бы отличным средством для расследования, позволяющего всесторонне разобраться с проблемой как с серьезной угрозой человеческому существованию для тех миллионов, которые часто вынуждены полагаться на мужественных юристов, защищающих их от государственной власти и жадности тех, кто нанимает убийц, чтобы нападать на адвокатов.

Мы осознаем, что вышеупомянутая программа или даже любая ее часть потребуют значительных ресурсов, финансовых и иных. Один из вопросов, который мы хотели бы поднять на конференции, – это финансирование предприятия, которое, как мы надеемся, будет запущено. Если будет разработана разумная программа, мы уверены, что юристы развитого мира смогут найти необходимые деньги. В конце концов, с глобальным распространением профессиональных интересов юристов из США и Европы у них есть веские основания тратить часть своей прибыли на обеспечение безопасности себя и своих коллег при работе за границей.

– Большое вам спасибо за интервью!

Беседовал главный редактор, адвокат, доктор юридических наук, доцент А.В. Рагулин

/Далее приводится текст интервью на английском языке /

– Hello, dear Mr. Russell! Thanks for taking the time to answer a few questions. I want to speak with you about the about an international mechanism for the protection of lawyers' professional rights and the role of International Association of People's Lawyers Monitoring Committee on Attacks on Lawyers in this mechanism.

But first of all, I ask you our traditional question. Please tell me when and for what reason you had entered the legal profession and what circumstances explain the development of your professional career.

– I grew up in Vancouver in Canada and in the late 1960s I was active in the early environmental movement, then in the 1970s I was a student activist during my first degree in sociology. In 1975 I moved to Montréal and at the time Québec was a very exciting and vibrant province. Basically I wanted to study law and become a lawyer in order to help movements for social change.

After graduating from McGill Law School in 1982 I worked for a couple of years in an office in Montréal where I articled, mainly doing landlord-tenant cases representing tenants. Then I opened my own office in a community centre in the heart of Montréal with Stephen Foster, a fellow McGill law graduate who subsequently became a justice of the Ontario Supreme Court. We were very alternative, we had no secretary in a humble office, and did all of our cases on legal aid, mostly refugees. A couple of years later I moved to another office and practised with two other McGill law graduates.

I did more and more refugee cases, but also a lot of "political" cases, involving demonstrators and civil disobedience activists, virtually all on legal aid. One involved a number of peace activists who were arrested for commemorating the bombing of Hiroshima by painting "shadows" on sidewalks. We presented quite an elaborate defence based in part on international law but unfortunately the activists were found guilty. Another involved a disabled activists group from the USA who protested at the North American public transit conference in Montréal. They were protesting the lack of accessible buses, and so they chained themselves to the doors of the Queen Elizabeth hotel. It was a large group of about 50, they were all arrested, and about 2am I got a phone call from the police informing me that they would be appearing in court in about an hour. I rushed to the court, appeared for them all, they all pleaded guilty and received a small fine. It was what I called "night court" at the time, and

was an extraordinary event for the Municipal Court, and for me, too. Another was a very serious freedom of expression case on a charge of holding an indecent exhibition. I've been an activist all my life, and an old activist friend, was the owner of of an art gallery in Montréal. He held a photo exhibition on the theme of pregnancy, and on the front door had a blowup of a pregnant woman holding an erect penis. The Portuguese men across the street were outraged and called the police. At trial I ran a very long defence based on freedom of expression, unfortunately the accused was found guilty.

I wanted to maintain my love of legal research, so in 1985 I started a part-time LLM at the University of Ottawa, then wrote a thesis on the subject of national security. After starting to research the topic I was convinced that the Canadian Security Intelligence Service (CSIS) was targeting me because of some of my clients and my own past political activism, so I wrote CSIS asking them to confirm or deny whether I had been targeted, but they replied stating that they could neither confirm nor deny the request. I went to the Security Intelligence Review Committee, which confirmed CSIS's decision, I then took an action before the Federal Court of Canada to review decision. At the same time I had sought access to my security records held by CSIS and other federal government departments, but again I was refused access, so I took a separate action before the Federal Court. One hearing was held in Montréal when my case was dismissed, and the other was heard in Ottawa. Since I didn't have the financial means I didn't hire a lawyer, so I represented myself in both applications. For the one in Ottawa CSIS filed an affidavit, so I examined under oath with a stenographer the deponent, a CSIS employee, but the Justice Department lawyer who represented CSIS objected to most of my questions. The hearing was held in camera and ex parte, so while it was being held I waited outside the courtroom. My application was dismissed, fortunately without costs.

After starting my LLM I also taught a course on poverty law part-time at the Concordia graduate programme in politics and the law for two years in Montréal, so I was extremely busy in those days. After I finished my LLM in 1990 I started to look for a teaching position, but even then the competition was daunting. I applied to between 200 and 300 positions in North America, Europe and Australia, and after about two years of attempts I was appointed at Macquarie Law School in Sydney Australia, then considered to be a leading "progressive" law school. I started there at the beginning of 1993, and in 1997 I was also appointed as a part-time administrative judge of the Refugee Review Tribunal in Sydney. I loved teaching, researching and writing at Macquarie, but I became discouraged because the students were not interested in exploring the broader interdisciplinary and socio-legal aspects of the law, and there was a hugely demoralizing internal fight within our law school. Our group insisted on a critical and an intellectual study of law, whereas the rest of the department were solely interested in a very narrow "Black letter" approach. The battle roared on for many months which eventually led our group to being expelled and exiled to the Arts Faculty. In 2003, when there was an offer for voluntary early retirements, I jumped at the offer, since I thought I would be able to continue at the Tribunal full-time.

I loved working at the Tribunal, on the 30th floor of a building overlooking Sydney Harbour. I worked full-time for one year, but then in 2004 my appointment was not renewed, even though I was one of the most productive Members with one of the lowest reversal rates by the Federal Court of Australia. I was devastated, and to pay the rent worked for 6 months in purgatory at the Immigration Department doing Iraqi refugee cases for half of my previous salary at the Tribunal. I then started to apply for positions in Europe, with the UN and NGOs. When I was in Australia I travelled a lot, especially in Europe, and I realized that I wanted to live where my heart sings, close to European art and early music. But I was 50 years old at the time, "over the hill" even for bodies like the UN, so it was extremely difficult to find a position.

As a result in 2006 I decided to start a new life, on my own. I moved to France, found a part-time job teaching English for a decade to pay the rent and since I was burnt out. During that decade I also did a fair number of legal translations. About 2014 the former Dean at Macquarie Law School and I started to do some research on the persecution of human rights lawyers and we were amazed at the extent of the persecution, so we decided to launch the Monitoring Committee on Attacks on Lawyers of the IAPL. I'm also the editor of our blog about attacks on lawyers [1]. We have monitored attacks on lawyers in 136 countries including Russia. I've also been very involved in helping to organize the Day of the Endangered Lawyer, which is held every year on January 24th [2]. The Day shines the spotlight on a focus country in order to raise awareness about endangered lawyers and to extend support and solidarity to our colleagues in other countries.

–Thank you! Please tell for our readers about the main international standards of lawyer protection, and international institutions and organizations, which are functioning for that purpose.

– The United Nations has developed the essential normative standards applicable in this area. Lawyers, like other citizens, are first of all protected by the Universal Declaration of Human Rights (1948) and the International Covenant on Civil and Political Rights (1966) and, less directly, the International Covenant on Economic, Cultural and Social Rights (1966).They are also covered directly by the U N Basic Principles on the Role of Lawyers (1990), and by the broader U N Declaration on Human Rights Defenders (1998). This is an impressive and substantial array of protective instruments. They cover just about everything in the way of lawyer's rights and the obligations of the state to ensure they are applied so that lawyers can get on with their professional duties without being threatened, harassed nor intimidated, let alone killed, disappeared or tortured , the latter dealt with specifically by the U N Convention Against Torture (1984).

The basic international standard for the protection of lawyers was set out by the UN in the Basic Principles on the Protection of Lawyers in 1990 [3, 4].

These principles are flagrantly violated by authoritarian régimes and dictatorships, so we try to make them better known in the international legal community and advocate for them to be respected.

The UN Human Rights Council also has two Special Rapporteurs on the Independence of Judges and Lawyers as well as on Human Rights Defenders, both of whom play a key role.

In addition to the U N standards and institutions there are an array of international NGOs that do human rights work, including dealing with the problem of attacks on lawyers. Amnesty International and Human Rights Watch are two of many doing the important work of investigating, reporting and developing campaigns to protect against human rights violations some of which are aimed at lawyers. They do invaluable work, but again we have to recognise the limits of exposure and campaign work. Governments with poor human rights records may be persuadable but often remain unpersuaded and simply resist external pressures. While they may act positively in some circumstances, in many others they will not act while waiting for the storm to blow over. In the meantime human rights continue to be violated and impunity remains.

Regional centres such as the Gulf Center for Human Rights and the Asian Centre for Human Rights (Hong Kong) are an important part of the international network of activists and advocates, as are national centres and organisations such as Lawyers' Rights Watch Canada.

Professional bodies are important centres for resistance to government repression. Those in countries e.g. Pakistan, Spain, France, the Philippines, have done strong work in advocacy and activism on behalf of lawyers and against government, and other, attacks. They need to be more pro-active across the world, however. Unfortunately there are countries without such organisations, and other countries, as we have found in our research, where the professional organisation is controlled by the state. Further, in a number of countries the Ministry of Justice or equivalent has the jurisdiction over issuing or revoking a license to practice, therefore putting a lawyers career in jeopardy if they fail to "toe the line".

In addition, there is an impressive number of Bar associations, law societies and NGOs, especially in Europe, who are very active in the growing movement to protect lawyers, notably the Council of Bars and Law Societies of Europe (CCBE), the International Observatory of Lawyers at Risk (OIAD), the International Bar Association Human Rights Institute, Lawyers for Lawyers and our Monitoring Committee.

International bodies of legal professionals, such as the International Bar Association, and regional bodies such as the Council of Bar Associations and Law Societies in Europe have played an important part in keeping the issue of attacks on lawyers in the public eye, and putting pressure on governments to act to prevent attacks and to ensure the principles of, for example, the U N Basic Principles on the Role of Lawyers are implemented.

Organizations of lawyers outside the mainstream professional organisations are sometimes more active, or militant, in protecting their colleagues than the mainstream professional association. Examples would be the Lawyers for Lawyers (Netherlands), Progress Law Network and Lawyers Without Borders (Belgium), National Lawyers Guild (USA), the Haldane Society of Socialist Lawyers (UK), the National Union of People's Lawyers (Philippines) and other people's lawyers groups in Brazil (ABRAPO), Mexico (AMAP) and the People's Law Bureau (HHB) formed out of the Progressive Lawyers organisation (CHD)in Turkey; Japan Lawyers for International Solidarity and Action (JALISA) and the Law Union of Canada, the Syndicat des Avocats de France, Malaysian Lawyers for Liberty, Southern Africa Litigation Centre. Many of these organisations also have international programs to assist lawyers under threat around the globe.

Perhaps the most impressive organisation that focuses specifically on the international problem of attacks on lawyers is Lawyers Rights Watch Canada. Another, national, organisation that has focused on attacks on lawyers is the Philippine Committee for the Defence Against Attacks on Lawyers, a response to

the fraught conditions in which lawyers were working. It was re-formed in 2005, with the support of the Integrated Bar of the Philippines, inter alia to campaign against the increasing attacks against members of the legal profession.

The International Association of Democratic Lawyers has a long history of involvement in human rights advocacy and protection, while the International Association of People's Lawyers has made the problem of attacks on lawyers a major area of activity. Mention must also be made of the long and distinguished record of the International Commission of Jurists. The European Association of Lawyers for Democracy and World Human Rights (ELDH),the European Confederation of Democratic Lawyers (AED), the European Bar Human Rights Institute (IDHAE),International Association of Lawyers (UAI), International Federation for Protection of Human Rights Defenders (FIDH) have all become seriously involved in the fight to protect lawyers.

A great deal of human rights education, advocacy and activism now comes out of the universities, especially perhaps the Centres for Human Rights that have mushroomed in the past twenty years, e. g. the University of Essex (UK) centre, the UNSW (Australia) centre and hundreds more around the globe. From what we can tell at this point most of these are not particularly active in protecting lawyers from attack but are more general in their approach. There are innumerable journals now dedicated to human rights issues, though we are not aware that any are specifically focused on the problem of attacks on lawyers.

– Please tell us about the International Association of People's Lawyers.

– Defending the lawyers involved in human rights cases have been a major concern of the International Association of People's Lawyers, since its foundation in 2000. The IAPL was created to gather lawyers involved in the legal support of collective struggles for people's rights and in situations of gross rights violations. At the latest 5th Congress, in Rio de Janeiro, there were reports presented of persecution of lawyers and disrespect of the exercise of legal profession from all the countries attending. As people's lawyer Romeo Capulong used to say, repression breeds resistance. And the more the people's struggle is repressed and the more ruthless the regime is, it affects lawyers and human rights defenders.

– Please tell for our readers about the work of International Association of People's Lawyers Monitoring Committee on Attacks on Lawyers. What are the goals of this division of the association and what are the main forms of activity and how can this activity help for lawyers all over the world?

– The creation of the IAPL Monitoring Committee on Attacks on Lawyers in 2014 is a development of the concern I just mentioned, and it goes along with other initiatives for researching, documenting and denouncing these attacks worldwide and offering contributions to restore and apply justice for such violations. Our Monitoring Committee documents and publicizes attacks on lawyers through posts on our blog, which are shared widely on social media, then we do follow-up work, network and collaborate with our partners to encourage Bar associations, law societies, the UN and NGOs to protest about and do advocacy work. We also conduct research, produce reports and give presentations on the topic of attacks on lawyers. In our view this is a valuable contribution to raise awareness about the issue within and beyond the legal community.

Around the world too many human rights and other kinds of lawyers have been assaulted, disbarred, killed, threatened, prevented from leaving the country, kidnapped, harassed and suffered other forms of serious misconduct solely because of the work they do as lawyers.

– What is the future agenda for improving the system of international protection of lawyers' rights?

– It is urgent and challenging! We have written about it in detail, particularly in a conference paper we presented in 2015 at the Athens Institute for Education and Research [5].

We strongly believe that the UN Basic Principles on the Role of Lawyers must be respected and enforced by all states in order to ensure that lawyers are able to properly carry out their professional activities. On the regional level, European Bars and law societies are taking important steps, in close collaboration with European institutions, to bring about the enactment of the European Convention on the Profession of Lawyer, which we strongly support [6]. But Bar associations, law societies, the UN and NGOs around the world must continue to be mobilized and remain eternally vigilant on the issue of endangered lawyers.

The work done by the groups mentioned above can cover a wide range of activities, in advocacy, support and solidarity. However, it appears that a great deal of time and energy is spent on recording and reporting attacks, passing resolutions at meetings of lawyers associations and writing to government ministers about the situation of their foreign colleagues; attempting to pressure political parties, individual legislators and even governments to act in the matter; making visits to the country concerned, then producing and publishing an account. These are not the only

solidarity activities being carried out, as a visit to a number of solidarity groups' websites reveals various programs, commissions, and research projects, but we believe that, in the main, short term reactive initiatives are what largely occurs.

Is this enough? Have efforts to support lawyers been adequately coordinated? Have they been successful? With all due respect to those who have thrown themselves into the effort wholeheartedly, our answer to all three questions must be, we think not. More needs to be done, more effectively. We say this with hesitancy as much has been done and, sadly, the killings and other attacks will never be entirely eliminated under the conditions people presently live in. We think some new thinking, new methods and some new strategies should be developed. We think that is possible, indeed imperative.

It seems likely that an international conference specifically for the purpose of dealing with the issue of attacks on lawyers, with structured practical workshops, would be a useful initiative. The aim would be to bring together the groups we have referred to above, and others, with the aim of sharing our knowledge and experience in order to develop our collective capacity to support those who are at risk every moment.

Such a conference, bringing together a wide cross section of people and support groups including leading lawyers and victims, activists from both "front-line" developing countries and the developed "second line" countries, would also have significant spin-offs, i.e. it would surely catch the attention of the major media. Such publicity as we expect would follow would bring before the world, in a focused way, the seriousness of the problem. It would put international pressure from a newly informed public opinion on governments and bar associations in countries where lawyers are at serious risk and, thus far, have not been given adequate protection by either institution. Much to their shame.

In order to begin to develop an agenda for discussion at such an event, we offer some ideas of how we in the developed countries especially, can express in a practical way our solidarity with lawyers threatened with attacks as well as the victims of such attacks. Some of the elements of a comprehensive program of support could include:

1. The establishment of a network of regional Centres to Support Lawyers Under Attack to collect, record, and analyse information specifically on attacks on lawyers, and to provide commentary and publicity on the issue; such centres to assist in organising, publicising and coordinating support activities in the region, such as country visits and reports back. Such centres might be organised by bar associations, NGOs or in an academic institution, or an alliance of such institutions.

2. An annual international lecture, widely publicised, by an outstanding human rights defender, not necessarily a lawyer, on the threats to lawyers, perhaps focusing on a different country each year, and perhaps to take place in a different country each year. One possible nomination would be the Philippine "Maguindanao Massacre", of November 23 2009 when 58 people were murdered by a political dynasty close to then President Gloria Macapagal Arroyo. Included amongst the victims were 33 journalists and 2 young female lawyers, members of the Mindanao branch of the National Union of People's Lawyers. No one has yet been convicted of this ghastly crime.

3. Regional seminars and workshops on the problem, based on research and experience of combating the problem.

4. Support for speaking tours and visits of lawyers and other human rights defenders who have first hand knowledge/experience to academic campuses and other venues in the developed countries.

5. Visits by senior lawyers from developing countries to countries where they can expect to have discussions with government officials, bar associations and other legal groups, as well as access to the media.

6. Legal assistance such as working with local lawyers to get prosecutions and convictions, not so much because they need legal help, but because the involvement of a foreign lawyer might make government officials "try harder" under the gaze of the international community. There might be value in a program of internships for law students and young lawyers as a part of such a legal assistance scheme. These suggestions and others we are canvassing would, of course, have to be worked out with local lawyers.

7. Educational work with journalists would be important. Many journalists would be sympathetic given what is happening to their colleagues; we just need to give them accurate commentary which they can use. We recognise that the major media is not free nor objective, and journalists operate within restrictions, nevertheless on this issue it would seem they would, in the developed countries, generally be able to use the information provided.

8. Educational work with NGOs and civil society organisations would also be important. These are organisations with the power to affect public opinion. And they have an interest in the safety of lawyers in developing countries with whom they sometimes work and share the dangers of confronting human rights abuse.

9. Educational work with university law faculties,

and others, could include the development of units in the curriculum (either undergraduate or postgraduate) on lawyers as heroes and victims of political systems and social structures, perhaps with the award of prizes for outstanding theses or publications arising from their study.

10. Political work should be undertaken in developed countries to convince political parties and governments to apply sanctions against countries where the attacks on lawyers are continuing without prosecution and conviction. Statements of concern alone are not significant. The United States has law restricting the supply of weaponry to human rights violating countries. Such a policy, if enforced, could be a wake-up call to some countries in the developing world.

11. Such political work would also seek resolutions condemning the lack of protection of lawyers, but also requesting the institution of parliamentary hearings exposing the "protection gap" in countries vulnerable to a change in public opinion and government policy, e.g. in regard to aid and/or trade.

12. Juridical work which would see violating countries, and individuals arraigned in the appropriate international tribunals or in countries such as Spain which allows prosecution for extra-territorial offences.

13. At some point, we envisage an international Peoples' Tribunal would be an excellent vehicle for an investigation to deal comprehensively with the issue as a major threat to a humane existence for those millions who often must rely on courageous lawyers to defend them from state power and the greed of those who employ assassins to attack lawyers.

We are aware that the above program or even any part of it would require considerable resources, financial and otherwise. One of the issues we would wish to see raised at the suggested conference is the funding of the enterprise we hope will be launched. Should a sound program be developed, we are confident that the lawyers of the developed world will be able to find the money necessary. After all, with the global spread of lawyers from the USA and Europe, they have good reason to spend some of their profits seeking to ensure that they and their colleagues will be safe when working abroad.

– Thank you very much for the interview!

Interviewed by: Editor-in-Chief, Advocate, Doctor of Law, Associate Professor A.V. Ragulin

Список источников

1. https://defendlawyers.wordpress.com/.
2. https://protect-lawyers.org/en/international-day/.
3. https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/basic-principles-role-lawyers.
4. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml.
5. https://www.atiner.gr/papers/SOC2015-1763.pdf.
6. https://www.ccbe.eu/actions/european-convention-on-the-profession-of-lawyer/.

References

1. https://defendlawyers.wordpress.com/.
2. https://protect-lawyers.org/en/international-day/.
3. https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/basic-principles-role-lawyers.
4. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml.
5. https://www.atiner.gr/papers/SOC2015-1763.pdf.
6. https://www.ccbe.eu/actions/european-convention-on-the-profession-of-lawyer/.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «РОССИЙСКАЯ АДВОКАТУРА: ЗАЩИТА ДЛЯ ЗАЩИТНИКОВ»: ОБЗОР МЕРОПРИЯТИЯ

ROUND TABLE «RUSSIAN ADVOCACY: PROTECTION FOR DEFENDERS»: AN OVERVIEW OF THE EVENT

Межрегиональной общественной организацией адвокатов и юристов «Инициатива – 2018» совместно с международным научно-практическим юридическим журналом «Евразийская адвокатура» в целях создания платформы для открытого обсуждения проблем организации и деятельности адвокатуры в России в октябре–декабре 2023 г. организован цикл мероприятий «Защитим независимость российской адвокатуры!».

28 октября 2023 г. состоялся круглый стол «Российская адвокатура: защита для защитников», трансляция которого размещена в сети «Интернет»
(https://www.youtube.com/watch?v=dtvVXouJ55k).

Открывая круглый стол, его ведущий – адвокат АП г. Москвы, доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, профессор кафедры права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура» **Андрей Викторович Рагулин** указал, что в настоящее время адвокаты в России преследуются не только со стороны государства и его органов и со стороны преступных элементов, но и со стороны адвокатских палат, и обратил внимание на то, что на круглом столе необходимо обсудить то, что произошло в этой области за последнее время, чтобы зафиксировать и подвести некую черту под тем, что сегодня представляет из себя защита прав адвокатов, а также попытаться наметить пути для научного исследования и практического применения новых методов, которые помогут осуществлять эту деятельность более эффективно и результативно.

Адвокат АП г. Волгограда, кандидат юридических наук, доцент **Роман Григорьевич Мельниченко** в своем сообщении представил гипотезу о том, что происходит на самом деле: «В 1864 году после войны государство ввело суд присяжных, а «под него» и новую адвокатуру на основе имплементации норм права стран Европы. «Пересаживание сердца» в нашу реальность было «болезненно», а присяжные поверенные говорили: «До нас вообще не было никаких адвокатов», «Мы первые, мы единственные». Казалось бы, этот институт прижился, но постепенно государство («тело») начало выдавливать из себя адвокатуру. После революции адвокатура «европейского типа» была вышвырнута. Адвокатура, попав к нам в «русское тело», трансформировалась. Самостийная российская «стряпническая адвокатура» к европейской адвокатуре никакого отношения не имеет». То, что сейчас происходит, – это наша попытка европейские ценности «верховенства права» привить в России, а его не было у нас никогда... «Я предлагаю так понимать: адвокатура разделилась, одна стала как бы коренная «адвокатура», государственная, и вторая адвокатура, европейская. И, вероятно, вторая адвокатура может быть уничтожена», – отметил выступающий.

Андрей Викторович Рагулин в своем выступлении отметил, что широкую известность получили факты, произошедшие 13 октября 2023 года, когда к уголовной ответственности были привлечены три адвоката. У них были проведены обыски, а сами они задержаны, заключены под стражу по обвинению в совершении преступления экстремистского характера. Кроме того, ещё у одного адвоката в офисе был проведён обыск. Был привлечён к административной ответственности и задержан еще один адвокат. Адвокатское сообщество возмутилось происходящим, началось активное общение в социальных сетях, в группах профессионального общения, и в итоге адвокаты сочли необходимым обратиться к Федеральной палате адвокатов (ФПА) и к адвокатским палатам субъектов РФ, к общественным объединениям адвокатов с тем, чтобы провести акцию, заключающуюся во всеобщем временном повсеместном прекращении участия адвоката в процессуальных действиях во всех видах судопроизводства, так называемую «забастовку».

В тексте Обращения указывалось, что имеют место массовые нарушения профессиональных прав адвокатов, и обобщена информация о наиболее известных фактах убийств и насильственных действий в их отношении. Было перечислено 68 таких фактов, начиная с 2002 года, а также 48 известных фактов преследования адвокатов. Адвокаты в Обращении заявили о невозможности осуществления адвокатской деятельности в обстановке, не свободной от угроз, препятствий, запугивания или неоправданного вмешательства, и указали на то, что адвокатское сообщество должно, для напоминания о том, что без адвокатов не может осуществляться отправление правосудия, надлежащим образом отреагировать на вопиющие факты посягательств на профессию адвока-

та. В этих целях авторы Обращения предложили ФПА, адвокатским палатам субъектов РФ и общественным объединением адвокатов поддержать проведение предупредительной коллективной акции отказа от участия в судопроизводстве. В качестве предъявляемых требований адвокаты указали на организацию объективного расследования всех фактов угроз, препятствий, запугивания или неоправданного вмешательства в адвокатскую деятельность, немедленное освобождение адвокатов из-под стражи, введение в УК РФ нормы об ответственности за воспрепятствование профессиональной деятельности адвоката с установлением серьёзных санкций за данное нарушение.

Это обращение вызвало отклик, но, к сожалению, надежды на то, что забастовка будет организована именно в общефедеральном масштабе, не оправдались. Цель привлечь внимание государства и общества к проблемным вопросам была достигнута. Но фактически руководство ФПА в лице Президента Светланы Игоревны Володиной и Председателя комиссии по защите прав адвокатов Генри Марковича Резника солидаризировалось с мнением заместителя министра юстиции и способствовало запугиванию адвокатов. В своём заявлении, опубликованном на сайте ФПА, они высказали мнение о том, что имеются какие-то иные приёмы, иные способы, не нарушающие нормы этики и закона, с помощью которых адвокаты могут отстаивать свои права. Хотя очевидно, что любые акции, в том числе и акция, предлагаемая в форме условной «забастовки», в полной мере соответствуют положениям Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, и, естественно, она никоим образом не противоречит положениям ни Кодекса профессиональной этики адвоката, ни действующего законодательства.

«На вопрос «Что бы Вы сказали тем, кто критикует забастовку», – отметил А.В. Рагулин, – я бы ответил словами пастора Мартина Нимеллера: «Сначала они пришли за социалистами, и я молчал, потому что я не был социалистом. Затем они пришли за членами профсоюза, и я молчал, потому что я не был членом профсоюза. Затем они пришли за евреями, и я молчал, потому что не был евреем. Затем они пришли за мной, но уже не осталось никого, кто бы говорил за меня». И если мы, уважаемые коллеги – адвокаты, не будем друг за друга вступаться, то, видимо, мы, к несчастью, придём к тому, о чём говорил Роман Григорьевич. Некому будет за нас заступиться, и сами за себя мы не сможем заступиться, и общество за нас не заступится.

Буквально вчера совершено очередное нападение на адвоката в Новороссийске. Но опять мы видим бездействие со стороны ФПА в поддержке «низовых» инициатив от адвокатов. Бездействие может привести к тому, что адвокаты утратят субъектность и как корпорация, способная себя защитить. И тогда справедливым будет тезис тех людей, кто говорит: «Если вы сами себя не можете защитить, как вы можете защитить нас?». Естественно, что реакция ФПА подрывает доверие к адвокатуре со стороны доверителей.

И относительно ответа ФПА. Его можно воспринимать как кощунство, потому что фактически все факты преследований адвокатов, упомянутые в обращении, факты отнятия жизни и здоровья, доброго имени, факты массовых атак на адвокатуру, которые в большинстве своём остались безнаказанным и которые продолжаются с новой силой, руководителями ФПА были восприняты как некий демагогический шум. И в этом плане я солидарен с Правлением МРОО «Инициатива – 2018», составившим ответ на заявление ФПА.

Объективный анализ деятельности ФПА показывает, что комплексная система защиты профессиональных прав адвокатов в настоящее время оказалась подменена самозащитой и выборочной защитой отдельных адвокатов. Значительному количеству адвокатов, большинству даже, наверное, из тех коллег, которые были упомянуты в Обращении, реальная помощь не была оказана либо оказана в таком виде, что к результатам не привела. Естественно, шок у многих адвокатов вызвала ссылка руководителей ФПА на то, что они не смогли ознакомиться с материалами и сформулировать свой вывод относительно фактов преследования адвокатов. Поэтому правильно утверждение «Инициативы – 2018» о том, что применение ФПА таких мер, как «мягкая сила», «взятие ситуации под контроль» и «выражение озабоченности», не могут уже обеспечить надлежащий уровень защиты прав адвокатов, поскольку они заведомо неэффективны. Адвокатскому сообществу необходимо развивать и дальше исходящие от адвокатов инициативы, с тем чтобы поддерживать коллег. К сожалению, со стороны органов адвокатского самоуправления ожидать серьёзной поддержки в тех условиях, которые сложились к настоящему моменту, не приходится».

Адвокат АП г. Москвы **Илья Львович Сидоров** в своем выступлении указал, что идея «забастовки» не нова для адвокатуры России. В 2012 г. была всероссийская забастовка, которая длилась 3 дня. Были забастовки и в 2010 г. после нападения на адвоката Сапият Магомедову, а также в

г. Комсомольске-на-Амуре в 2006 г. – после возбуждения уголовного дела на адвоката. «Считаю, что необходимо создать организационный забастовочный комитет, – заявил Илья Львович. – Мы можем это сделать, собравшись, все подписанты этой петиции. Надо всех пригласить в «Zoom» и дальше продолжать работу оргкомитета… Главная у нас не ФПА, а наши адвокатские палаты субъектов, там необходимо решать вопрос с дисциплинарным производством, и еще можно адвокату подстраховаться, чтобы его не привлекли к дисциплинарной ответственности. Оргкомитет должен разработать форму уведомления. От ФПА раздаются призывы к самозащите прав. Какая самозащита? Мы защищаем права наших доверителей в первую очередь, а если будем самозащитой заниматься, кто тогда права доверителей будет защищать? Поэтому и созданы наши органы, чтобы защищать наши права. Давайте им поможем это сделать. И оргкомитет необходимо создать, и все эти вопросы рассматривать, и запрашивать палаты также в индивидуальном порядке… Бойкот судопроизводства – это единственная оставшаяся возможность, и мы видим, что она работает. История проведения забастовок и положительный зарубежный опыт уже есть».

Технический модератор круглого стола адвокат АП г. Москвы **Оксана Геннадьевна Ольгердт** отметила, что в чате высказано мнение от адвоката, вице-президента АП Республики Башкортостан **Дмитрия Александровича Киселёва**: «Способ предложенного варианта забастовки сомнителен. Не совсем ясно по привлеченным к уголовной ответственности адвокатам за преступления, не связанные с профессиональной деятельностью. И не нарушаются ли забастовкой права наших доверителей на защиту при отказе от участия в следственных действиях?»; а также есть вопрос от адвоката АП г. Москвы **Амгалан Балданцэрэн**: «Не является ли создание оргкомитета дублированием функций палат?».

Илья Львович Сидоров отметил, что массовое задержание адвокатов 13 октября – это не повод для забастовки, а лишь один из поводов. «Если Вы посмотрите петицию, там 10 % текста посвящено этому поводу. История забастовки этой началась тогда, когда имела место ситуация с адвокатом Немовым. ФПА обратилась в госорганы. Но прошло 120 дней, все сроки вышли для ответа, но никак не отреагировали. За воспрепятствование адвокатской деятельности до сих пор нет ответственности. В забастовке нет никакого отказа от защиты. Иначе бы все заболевания адвоката были бы тоже отказом от защиты… Дублирования функций палат, конечно, тоже нет, так как ни в одной функции палат про забастовку или акции протеста ничего не сказано».

Роман Григорьевич Мельниченко отметил, что «забастовка – это инструмент слабых рабочих, а сильный рабочий берёт камень». Он обратил внимание на так называемую «итальянскую забастовку» и на то, что с ее помощью, вероятно, можно сделать больше, чем через «отказ», а также зачитал поступивший в ходе трансляции комментарий о том, что «адвокаты не стали бастовать, так как без сильного центра, объединяющий силы в виде ФПА присоединиться к бастующим – равно потерять статус адвоката». **Илья Львович Сидоров** в ответ отметил, что можно «подумать и подискутировать на эту тему», подчеркнул, что он «сторонник именно метода «забастовки», поскольку он уже работал и доказал эффективность», и заявил, что, «к сожалению, в ФПА, в частности в Комиссии по этике и стандартам, сидят «представители Минюста, законодательной и судебной власти, вследствие чего адвокаты «обязаны выполнять решение чуждых им лиц», а про законопроекты «мы слышим от Толчеева из ФПА о противоборстве судебной власти… Но зависимость ФПА присутствует. В истории о единственной Всероссийской акции 2012 г. ФПА высказывалась за «мягкое» решение вопроса без забастовки, но она всё равно была проведена».

Оксана Геннадьевна Ольгердт зачитала из чата мнение адвоката, вице-президента АП Республики Башкортостан **Ильшата Шамилевича Махмутова**: «Проведённые ранее акции некоторыми адвокатскими палатами были направлены на отказ в получении требований по назначению в связи с неоплатой, а вы призываете парализовать на несколько дней всю работу, что неприемлемо. Налицо отказ от защиты по принятым обязательствам, саботаж. Решать проблему необходимо в правовом поле». **Илья Львович Сидоров** не согласился с данным утверждением: «Никакого саботажа здесь нет. Если коллега не участвует в судебном заседании или в следственном действии из-за того, что он заболел, то это отказ от защиты? Конечно же, нет! Такой подход – это неверное понимание адвокатской деятельности! Мы не должны заботиться о времени суда, мы должны заботиться о своём доверителе.

Вот мои подзащитные просят меня принять участие в акции! Если у вас другие отношения с подзащитным, вы не можете этим нарушить его интересы, вы пойдёте в судебное заседание, даже если будет забастовка объявлена. Интересы доверителей, естественно, здесь превыше всего!».

Андрей Викторович Рагулин отметил, что «имеет смысл задуматься о том, нужно ли и можно ли организовать в тех условиях, которые сейчас сложились, постоянный забастовочный комитет, с тем, чтобы он имел возможность следить за ситуацией, которая происходит с защитой прав адвокатов, и каким-то образом реагировать на неё «снизу», потому что «сверху», со стороны адвокатских палат, действенной реакции нет. И это раздражает и адвокатов, и граждан, поскольку они начинают задавать вопрос «Что ваши «руководители» делают вообще для того, чтобы защитить ваши права?». На что им приходится показывать разъяснения руководителей ФПА, в которых они говорят, что какие-то там вопросы этические есть. Но Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах в полной мере соответствует тем требованиям, которые адвокаты предъявляют, поскольку акция по требованию обеспечения надлежащих условий защиты абсолютно не тождественна отказу от защиты. Уже есть решения адвокатской палаты г. Москвы применительно к отдельным дисциплинарным производствам, когда адвокаты вставали и выходили из зала судебного заседания с тем, чтобы не участвовать в профанированном судом заседании, и они были освобождены от дисциплинарной ответственности».

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Российской таможенной академии **Сергей Александрович Деханов** отметил, что главная задача участников круглого стола – определиться: адвокатура – это частноправовой институт или публично-правовой. Если публично-правовой, то и дальше органы государственной власти будут стремиться «командовать» адвокатами, а адвокаты должны будут исполнять нормы публичного права.

Андрей Викторович Рагулин в ответ указал, что самая главная проблема состоит в том, как определить, что такое «адвокатура». «Несколько лет назад, при обсуждении поправок в Конституцию РФ ФПА обозначала адвокатуру как часть правосудия, – заметил он. – С этой точки зрения, получается, речь идёт все-таки скорее об институте публично-правовом, чем частноправовом. А между тем в законе об адвокатуре у нас сущностного понятия адвокатуры нет. Есть техническое понятие. Там написано, что адвокат – это независимый профессиональный советник по правовым вопросам, который приобрёл статус адвоката, а адвокатура – сообщество этих советников. Но в законе не определены цели и задачи адвокатуры в широком смысле, так, как, например, они определены в стандартах ООН. Функция защиты права в глобальном смысле у нас нигде не прослеживается. В то же время в актах ООН эта функция есть, и там прямо написано, что адвокаты должны не только интересы частного лица защищать, но и интересы права в широком смысле, а отсюда возникает диссонанс. То есть если мы не понимаем, что такое адвокатура, то и государство, соответственно, тоже не понимает. И каждый пользуется своим пониманием».

На это **Сергей Александрович Деханов** заявил, что государство в последнее время потихоньку начинает наступление на адвокатуру, используя своё понимание.

Роман Григорьевич Мельниченко отметил, что российская адвокатура не существует вне мирового контекста, так как это продукт европейской цивилизации, и в вопросе есть софистика, потому что все право в вопросе разделено на две части. «Я буду использовать греческое слово «эпи», что означает «над». Мы – над этими системами, мы не относимся ни к «публикум», ни к «приватум». Мы люди, которые «посредничают» между богиней Юстицией, людьми и государством, и в этом контексте некорректно говорить, «мы публичные» или «мы частные». Если это объяснить государству и людям, мы найдём свое место здесь, потому что такие «посредники» нужны. И мы не должны притуляться ни к государству, ни к гражданам – это извечная проблема адвокатуры. Я предлагаю увидеть наше место. Наше место над ситуацией!».

Сергей Александрович Деханов отметил, что адвокатуру нужно считать частноправовой институцией. Публичность адвокатуры проявляется в том, что она работает по назначению. Очень сложно отграничить частность от публичности. «Нам надо это сделать, для того чтобы государство вмешивалось в нашу деятельность только тогда, когда речь идет о назначении. Сегодня государство будет крайне негативно относиться к забастовкам. В определенном смысле я понимаю руководство ФПА, для них поддержать позицию инициативной группы очень сложно и невозможно. Я удивлен, конечно, позицией Генри Марковича Резника, я не могу найти для себя ответ, почему он так поступил, но, очевидно, здесь есть глубокие политические причины».

Оксана Геннадьевна Ольгердт отметила, что суды и правоохранительные органы просто не понимают, что такое адвокатура. «Для них мы просто винтики, которые обеспечивают соблюдение внешней формы, но они не воспринимают нас как людей, которые защищают, помогают правосудию вынести законное и обоснованное решение. И они нас воспринимают именно как врагов.

Это результат отсутствия должного юридического образования. Это проблема, связанная с тем, что у нас в качестве судей принимается только определённая категория граждан, которые обладают определёнными характеристиками. Судья как арбитр должен понимать ситуацию со всех сторон и воспринимать её со всех сторон, и со стороны защиты, и со стороны обвинения. Пока это отношение не изменится, мы мало чего сможем достигнуть». Она также возразила **Ильшату Шамилевичу Махмутову:** «Почему Вы исходите из интересов суда, правоохранительных органов? Почему Вы не исходите из интересов Вашего доверителя, который не может полноценно защищаться, потому что его защитник фактически ограничен в способах защиты? Ему просто элементарно не дают возможности защищать клиента должным образом. Что это значит – «решать проблему необходимо в правовом поле?». Вопросов бы не было, если бы правовое поле не было похоже на минное поле… Потому что каждый раз, когда мы идём с жалобами, какой результат мы получаем? В каком правовом поле Вы предлагаете решать проблему, которая назрела? И где это эффективное правовое поле? Вот я с вами бы согласилась, если бы оно было бы эффективным. У нас об эффективности речи не идёт. У нас на сегодняшний день ситуация складывается таким образом, что любой оперативный сотрудник может написать рапорт, будучи обиженным на адвоката, и адвокат будет сидеть в следственном изоляторе, и вы никому ничего не докажете… Посмотрите, с каким трудом нужно вступать представителям ФПА, палат региона, в котором состоит адвокат, дойти до приговоров! Хоть одно дело было прекращено на этапе предварительного расследования? У нас оправдательный приговор по Ципиновой, разве нам как юристам не было ясно, что это преследование за профессиональную деятельность? А Вы задаёте вопрос, говорите о «правовом поле»! А как быть с теми адвокатами, чью защиту палата не осуществляла и самоустранилась, и у которых на сегодняшний день жизнь сломалась? Как им восстановить это всё? Поэтому вот отсылки, что мы якобы предлагаем «парализовать работу»? Все в рамках действующего законодательства! Мне кажется, что ФПА и палаты регионов должны быть вместе со своими адвокатами, не с Министерством юстиции, законодательными собраниями или Государственной Думой, не «танцевать под их бубны» и не заниматься соглашательской политикой, а четко сказать: «Уважаемые господа, обладающие властью. Адвокатура – не продажная девка! Адвокатура не просто защищает права лиц, которые обратились за юридической помощью к адвокатам. Адвокатура стоит за соблюдение требований закона. Для неё закон превыше!». И даже если касаться адвокатов, которые совершили преступление, мы всё равно обязаны защищать своих коллег. Да, совершили преступление, но при этом мы должны обеспечить возможность, чтобы в отношении этих адвокатов закон всё равно соблюдался. Поэтому, если «правовое поле», то я просила бы обозначить границы, кадастровый номер этого правового поля мне назвать, чтобы я знала, где оно и куда мне обращаться. В Обращении, которое было подписано, и дальше была реакция правления «Инициативы – 2018», упоминалось, что нам предложили использовать «другие способы». Вот я хотела бы услышать, какие «другие способы» может использовать адвокат для защиты своих прав, когда его избивают, когда его режут ножом, когда его преследуют, по навету суда или правоохранительных органов лишают статуса! Объясните мне, пожалуйста, назовите мне эти способы, которыми мы можем защитить эффективно свои права! Вот у меня такие вопросы риторические! Я думаю, что есть над чем подумать и в первую очередь исходить из интересов не наших процессуальных оппонентов, а исходить из интересов наших доверителей и нас самих – адвокатов!».

Андрей Викторович Рагулин в связи с этим также указал, что в ответе ФПА было предложено применять какие-то «другие способы». «Но какие «другие способы» протестных действий есть у адвоката, которые гарантировали бы ему возможность не быть привлечённым к административной или к уголовной ответственности? Сейчас до сих пор за митинги и одиночные пикеты либо за «коронавирусные» нарушения привлекают, либо ещё за какие-то нарушения, но не дают фактически их проводить. Коллеги предлагают еще один способ, он действительно есть. Это способ называется «голодовка». Но надо понимать, что он имеет много отрицательных эффектов. В Турецкой Республике адвокат Эбру Тимтик голодала 238 дней, протестовала против несправедливого обвинения в отношении неё и ещё ряда коллег, и, к сожалению, она умерла. Может быть, кому-то и выгодно будет, чтобы адвокаты, которые протестуют, массово голодали и умерли… Более того, из ряда регионов поступает информация о том, что адвокаты, не желая голодать, голодают, в силу ряда причин, в том числе опять возникли проблемы с неоплатой дел по назначению. Но если уж ФПА сочла возможным сказать про какие-то другие способы, то назвали бы, какие способы по-

могут адвокату добиться соблюдения своих прав, если способы, предусмотренные законом, не работают».

Адвокат Алматинской городской коллегии адвокатов **Гульнар Жахановна Сулейменова** в своем выступлении указала, что в Казахстане пока еще не доходило до забастовок. «Но в 2021 году мы готовились выйти на митинг в связи с принятием закона об изменении статуса адвокатов. У нас уведомительный порядок митингов, но в связи с коронавирусной обстановкой – запретили. В социальных сетях адвокаты высказывали свое возмущение. Сейчас участились случаи привлечения адвокатов к уголовной ответственности. Недавно в отношении одного адвоката дело прекратили. Его привлекали за недонесение, но благодаря активной позиции адвокатов, вставших на защиту коллеги, дело прекратили. Что касается статуса адвокатов, назревает определённая ситуация противостояния между адвокатами и юридическими консультантами, поскольку встал вопрос об адвокатской монополии. Но по этому поводу неоднозначный подход пока. Встает и вопрос о противостоянии определенной части адвокатского сообщества адвокатским функционерам. Я состою в рабочей группе по обсуждению законопроекта и высказала отличное от позиции Республиканской коллегии адвокатов мнение. Потом в адвокатском чате представители Президиумов РКА и территориальной коллеги стали писать: «С кем Вы согласовали свою позицию? Почему Вы идёте вопреки позиции РКА?». Фактически устанавливается цензура. Есть даже правила РКА о том, что адвокаты не вправе позиционировать себя как представители адвокатуры, а те адвокаты, которые высказывают отличное от позиции РКА мнение, подлежат исключению из рабочих групп. То есть у нас проблемы внутри самого адвокатского сообщества имеются.

Андрей Викторович Рагулин поблагодарил адвокатов из Казахстана, в частности Айман Умарову, Рысты Калиеву, Айгуль Орынбекову, других коллег, которые смогли конструктивно подойти к обращению о забастовке, присоединились к нему и показали адвокатскую солидарность на межгосударственном уровне.

Юрист, независимый эксперт, аккредитованный Министерством юстиции РФ, уполномоченный на проведение антикоррупционной экспертизы законов и подзаконных актов **Сергей Геннадьевич Наумов** в своем выступлении заявил, что «арестовывать адвокатов только лишь за то, что они ведут защиту политических фигурантов, – это крайняя степень. Слово имеет вес. Мы можем накапливать экспертный потенциал и реализовывать его в виде законодательных инициатив. Мы добились серьёзного момента. Вы сами видели, как отреагировал заместитель министра юстиции, когда депутат Синельщиков указал на проблемные вопросы. И какая была реакция заместителя министра, когда он поворачивается к Михаилу Толчееву с видом «Что такое?» – то есть «Мы тут ожидали, что у нас всё легко пройдёт, а тут выясняется, что депутаты в курсе сложных и тонких моментов»… А если бы мы с вами этого не рассказали, я уверен, что этот законопроект приняли бы в этом виде абсолютно точно, не в хорошем виде, а в негодяйском. Имеет смысл действительно подумать о других формах «умного протеста». Но сам факт того, что мы с вами о забастовке объявили, вызвал достаточно серьёзную реакцию!».

В завершение круглого стола **Андрей Викторович Рагулин** кратко подвел итоги и пригласил коллег к участию в последующих мероприятиях.

Выступления приводятся с некоторыми сокращениями и стилистической редактурой, необходимыми при публикации живой устной речи.

Обзор подготовила Индира Тагировна Рагулина, адвокат, кандидат юридических наук, научный сотрудник Евразийского научно-исследовательского института проблем права, заместитель главного редактора журнала «Евразийская адвокатура»

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 27.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):27.

Исторический опыт

Научная статья
УДК 340.1
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_27

ПРАВО И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ИХ ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

БАГРЕЕВА Елена Геннадиевна
Доктор юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Государственного университета по землеустройству
125167, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются традиционные ценности и роль права в их обеспечении, а также в укреплении социальной стабильности.

Ключевые слова: право, традиционные ценности, общество, искусственный интеллект, цифровое пространство, нормы, государство, функции права, культура

Для цитирования: Багреева Е.Г. Право и традиционные ценности и их правовая регламентация в цифровом пространстве // Евразийская адвокатура. 2024. № 1(66). С. 27. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_27

Historical Experience

Original article

LAW AND TRADITIONAL VALUES AND THEIR LEGAL REGULATION IN THE DIGITAL SPACE

BAGREEVA Elena Gennadievna
Doctor of Law, Professor, Professor of the Financial University Under the Government of the Russian Federation, Leading Researcher at the State University of Land Management
125167, Moscow, Leningradsky ave., 49, Russian Federation

Abstract: The article examines traditional values and the role of law in ensuring them, as well as in strengthening social stability.

Keywords: law, traditional values, society, artificial intelligence, digital space, norms, state, functions of law, culture

For citation: Bagreeva E.G. Law and Traditional Values and Their Legal Regulation in the Digital Space = Eurasian Advocacy. 2024;1(66):27. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_27

Существование и стабильное развитие общества становится возможным только при условии наличия упорядочивающего элемента, которым выступает право. Между правом и традициями существует органическая связь, выражающаяся в том, что и право, и традиции имеют один предмет регулирования – общественные отношения. Разница лишь в том, что традиции соблюдаются людьми добровольно, а соблюдение норм права контролируется государством.

В отличие от законов, создаваемых и принимаемых органами государственной власти в соответствии с установленными формальными процедурами, традиции основываются на обычаях и нравственных ценностях, передаваемых из поколения в поколение. Но иногда традиции закрепляются в виде норм права. Например, в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 [1] обозначены следующие традиционные ценности: жизнь, свободы, права и достоинство человека, гражданственность, патриотизм, милосердие, гуманизм, преобладание духовного над материальным, созидательный труд, коллективизм, патриотизм и служение Отечеству, преемственность поколений и историческая память, взаимоуважение и взаимопомощь, справедливость, крепкая семья, высокие нравственные идеалы, единство народов России. Приведенный перечень традиционных ценностей подкрепляется и конституционными нормами (ст. 17–21, 67.1 и др. Конституции РФ) [2]. Для большинства граждан наиболее значимыми традиционными ценностя-

© Багреева Е.Г., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

ми являются следующие: национальная культура, религия – 16 %; гуманность – 17 %; патриотизм – 23 %; семья – 45 %. Такие данные были получены в результате опроса, проведенного в 2023 году Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [3].

Важность сохранения традиционных общественных ценностей осознается не только государством, но и обществом. Так, по данным опроса, проведенного ВЦИОМ в 2020 г., на вопрос о том, должно ли государство всемерно защищать традиции и традиционные ценности, респонденты ответили следующим образом: полностью согласен – 64 чел.; скорее согласен – 24 чел.; скорее не согласен – 6 чел.; полностью не согласен – 4 чел.; затруднились с ответом два респондента [4]. Таким образом, традиционные ценности – это фундамент социальной жизни и культуры общества [5]. Именно на их основе разработаны нормы права, обладающие общеобязательным характером и подкрепляемые средствами государственного принуждения [6, 7].

Для большего понимания того, каким образом право обеспечивает (регламентирует) интересы традиционных общественных ценностей, следует обратить внимание на его функции: воспитательная, информативная, коммуникативная, экономическая, культурная, политическая и др. Также выделяются специально-юридические функции – оценочная, охранительная, регулятивная. Функции права выступают отражением непрерывного стабильного воздействия права на общественные отношения [8]. Целесообразно привести пример того, как проявляются некоторые из функций права в контексте регламентации общественных традиционных ценностей.

Так, наивысшей ценностью в любом цивилизованном обществе признается личность, т. е. сам человек. Средством обеспечения человеческого достоинства, прав и свобод личности, а также создания достойных условий для жизни выступает именно право. Также в число приоритетных задач права входит обеспечение благоприятных условий для каждого члена общества [9].

Связь права с традиционными общественными ценностями проявляется еще и в том, что оно аккумулирует и отражает правила поведения, культурные, национальные, социальные и исторические особенности, присущие определенному региону (стране). Безусловно, во всех правовых системах существуют некие общие положения и принципы, обусловленные общностью происхождения человеческой цивилизации, однако в зависимости от национальных особенностей меняются и некоторые аспекты системы права [10]. Следовательно, право жизненно необходимо для развития общества и сохранения традиционных ценностей. Одним из направлений развития государственной политики должно стать укрепление роли права в обеспечении традиционных общественных ценностей. При этом связь права с традиционными ценностями сегодняшнего дня требует обстоятельного ее исследования с учетом изменений, происходящих в обществе в связи с появлением искусственного интеллекта.

Определение искусственному интеллекту было дано в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (утверждена Указом Президента России от 10 октября 2019 г. с учетом изменений от 15 февраля 2024 г.) [11]. Так, искусственный интеллект – это «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений». Примечательно, что изменения, внесенные 15 февраля 2024 г., исключили из понятия искусственного интеллекта такой признак, как «самообучение», а также установили в качестве критерия возможность превосходства результатов выполнения задач данной технологией над человеческими [12].

Стоит отметить, что технологическое развитие Российской Федерации неминуемо ведет к появлению искусственного интеллекта, который будет превосходить по своим возможностям человеческое мышление. В отсутствие таких биологических ограничений, как скорость мышления и обработки, появление так называемого «сильного» искусственного интеллекта может вызвать общественные потрясения и трансформации. Эксперты прогнозируют указанные последствия уже к концу XXI века. По их мнению, это требует принятия определенных мер по снижению рисков, основанных на ценностях общества [13].

Вопросы соотношения ценностей, которые могут быть положены в основу искусственного интеллекта, лежат как в технической, так и в юридической плоскостях. Так, например, Г. Ясон указывает, что набор ценностей должен стать некой «инструкцией» для искусственного интеллекта.

В данном случае человек определяет данный набор, беря ответственность за те действия, которые будут совершены искусственным интеллектом [14].

В свою очередь, В.П. Майкова, Э.М. Молчан, А.И. Майков указывают, что искусственный интеллект обладает способностью усваивать вопросы исторического развития страны, что дает возможность ему понять те ценности, которые сложились в том или ином обществе. В связи с этим алгоритм, заложенный в данной технологии, может препятствовать выполнению действий, которые могут быть трактованы как негативные для человека [15]. Указанное может определять ответственность разработчиков искусственного интеллекта.

В основу алгоритмов, по мнению Н. Берберих и К. Дипольд, может быть положена этика добродетели, которая должна определять моральное ядро технологии [16]. Данная идея коррелирует с суждениями С. Рассела. Он указывает, что перед искусственным интеллектом стоит одна задача – в максимальной степени реализовать предпочтения (замысел) разработчика с учетом человеческого поведения, выступающего единственным источником информации [17]. В связи с этим можно говорить о том, что искусственный интеллект может обладать лишь теми ценностями, которые присущи человеку.

Более того, этот набор ценностей определяется тем обществом, в котором он «набирается». Так, например, в «Руководстве по этике для надежности искусственного интеллекта» утверждается, что система искусственного интеллекта должна безусловно уважать многообразие ценностей, включая верховенство закона, демократию, уважение прав человека [18]. Учитывая существующее многообразие ценностей и норм морали, нужно выработать такие этические принципы, на которых можно будет выстроить «ядро» искусственного интеллекта.

В заключение отметим, что к настоящему моменту человечеством создана специфическая техногенная форма жизни – искусственный интеллект. С точки зрения условий социальной реальности искусственный интеллект обладает элементами субъектности. Ученые полагают, что формирующаяся субъектность автономна относительно человека. Источник развития искусственного интеллекта следует рассматривать как некую совокупность данных, в автоматическом режиме считываемую с миллиардов жителей вне зависимости от их воли и желания [19]. Таким образом, искусственный интеллект латентно не только обобщает наши сегодняшние идеи и традиции, интересы и потребности, их реализацию, но также способен влиять на наше сознание, корректируя его. Зададимся вопросом: где же в этой реальности право? Ответ очевиден – его нет. Пока эта сфера не имеет правового регулирования. И более того, искусственный интеллект, влияя на правовое сознание и правовую культуру населения, опосредовано может влиять и на основы общественного строя, поскольку прежде всего «пошатнутся» ценностные ориентиры и традиции общества.

Таким образом, самыми уязвимыми и беззащитными вне правового поля станут базовые ценности людей, являющиеся фундаментом устойчивого развития любого государства. Одной из важнейших задач для юристов на ближайшую перспективу является правовое регулирование распространения искусственного интеллекта с целью сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей России. Решение данной задачи выступает важнейшим условием безопасности страны.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «О сохранении и укреплении традиционных духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru.

3. Традиции в эпоху перемен [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen.

4. ВЦИОМ-Навигатор. База данных ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/c82a8888-9e30-465d-8f48-2e3179085a0e/total/97ef2e1d-e56a-4786-a2b3-6b2e33aeea6e.

5. Иванов А.А., Малахова С.С. Традиционные духовно-нравственные ценности и правовые принципы: сравнительный анализ юридических категорий // Теология. Философия. Право. 2022. № 2 (18). С. 49–56.

6. Петрова Е.А. Роль права в сохранении традиционных ценностей // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачевские научные чтения, Санкт-Петербург, 9–10 июня 2022 года. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2022. С. 583–584.

7. Бабенко А.Н. Аксиологические подходы к изучению правовых явлений // Социальная ценность права в современном обществе: Материалы шестого Всероссийского симпозиума, Екатеринбург, 3–4 июня 2021 года / отв. ред. В.Д. Перевалов. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. С. 32–41.

8. Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004.

9. Колоткина О.А., Морозова А.С., Ягофарова И.Д. Теория государства и права. М: Проспект, 2020.

10. Корнев В.Н. Традиционные конституционные ценности как духовно-нравственная основа единения российского общества и государства // Правосудие. 2023. № 1. С. 8–15.

11. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. Утверждена Указом Президента России от 10 октября 2019 г. (подп. а) п. 5).

12. Указ Президента РФ от 15.02.2024 № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402150063.

13. Fjeld J., Achten N., Hilligoss H., Nagy A.C., Srikumar M. Principled artificial intelligence: mapping consensus in ethical and rights-based approaches to principles for AI // Berkman Klein Center Research Publication. 2020. № 1. P. 1–71.

14. Gabriel I. Artificial intelligence, values, and alignment // Minds and Machines. 2020. № 30. P. 411–437.

15. Майкова В.П., Молчан Э.М., Майков А.И. Проблемы выбора ценностей для искусственных интеллектуальных систем // Гуманитарный вестник. 2021. № 2 (88). С. 3–5.

16. Berberich N., Diepold K. The virtuous machine – old ethics for new technology? // ArXiv. 2018. P. 1–25.

17. Russell S. Human Compatible. AI and the Problem of Control. London: Penguin Books, 2019. P. 37.

18. EU Commission Ethics Guidelines for Trustworthy AI // Официальный сайт Европейской Комиссии [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/futurium/en/ai-alliance-consultation.

19. Астапенко П.Н. Искусственный интеллект ценности общества: воздействие и формирование правовых нарративов // История государства и права. 2024. № 1. С. 44–49.

References

1. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022 № 809 «O soxranenii i ukreplenii tradicionny`x duxovno-nravstvenny`x cennostej» // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii [E`lektronny`j resurs]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019.

2. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.pravo.gov.ru.

3. Tradicii v e`poxu peremen [E`lektronny`j resurs]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen.

4. VCIOM-Navigator. Baza danny`x VCIOM [E`lektronny`j resurs]. URL: https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/c82a8888-9e30-465d-8f48-2e3179085a0e/total/97ef2e1d-e56a-4786-a2b3-6b2e33aeea6e.

5. Ivanov A.A., Malaxova S.S. Tradicionny`e duxovno-nravstvenny`e cennosti i pravovy`e principy`: sravnitel`ny`j analiz yuridicheskix kategorij // Teologiya. Filosofiya. Pravo. 2022. № 2 (18). S. 49–56.

6. Petrova E.A. Rol` prava v soxranenii tradicionny`x cennostej // Global`ny`j konflikt i kontury` novogo mirovogo poryadka: XX Mezhdunarodny`e Lixachevskie nauchny`e chteniya, Sankt-Peterburg, 9–10 iyunya 2022 goda. SPb.: Sankt-Peterburgskij gumanitarny`j universitet profsoyuzov, 2022. S. 583–584.

7. Babenko A.N. Aksiologicheskie podxody` k izucheniyu pravovy`x yavlenij // Social`naya cennost` prava v sovremennom obshhestve: Materialy` shestogo Vserossijskogo simpoziuma, Ekaterinburg, 3–4 iyunya 2021 goda / otv. red. V.D. Perevalov. Ekaterinburg: Ural`skij gosudarstvenny`j yuridicheskij universitet, 2021. S. 32–41.

8. Cybulevskaya O.I. Nravstvenny`e osnovaniya sovremennogo rossijskogo prava: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Saratov, 2004.

9. Kolotkina O.A., Morozova A.S., Yagofarova I.D. Teoriya gosudarstva i prava. M: Prospekt, 2020.

10. Kornev V.N. Tradicionny`e konstitucionny`e cennosti kak duxovno-nravstvennaya osnova edineniya rossijskogo obshhestva i gosudarstva // Pravosudie. 2023. № 1. S. 8–15.

11. Nacional`naya strategiya razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 g. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossii ot 10 oktyabrya 2019 g. (podp. a) p. 5).

12. Ukaz Prezidenta RF ot 15.02.2024 № 124 «O vnesenii izmenenij v Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 10 oktyabrya 2019 g. № 490 «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii» i v Nacional`nuyu strategiyu, utverzhdennuyu e`tim Ukazom» // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii [E`lektronny`j resurs]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402150063.

13. Fjeld J., Achten N., Hilligoss H., Nagy A.C., Srikumar M. Principled artificial intelligence: mapping consensus in ethical and rights-based approaches to principles for AI // Berkman Klein Center Research Publication. 2020. № 1. P. 1–71.

14. Gabriel I. Artificial intelligence, values, and alignment // Minds and Machines. 2020. № 30. P. 411–437.

15. Majkova V.P., Molchan E`.M., Majkov A.I. Problemy` vy`bora cennostej dlya iskusstvenny`x intellektual`ny`x sistem // Gumanitarny`j vestnik. 2021. № 2 (88). S. 3–5.

16. Berberich N., Diepold K. The virtuous machine – old ethics for new technology? // ArXiv. 2018. R. 1–25.

17. Russell S. Human Compatible. AI and the Problem of Control. London: Penguin Books, 2019. R. 37.

18. EU Commission Ethics Guidelines for Trustworthy AI // Oficial`ny`j sajt Evropejskoj Komissii [E`lektronny`j resurs]. URL: https://ec.europa.eu/futurium/en/ai-alliance-consultation.

19. Astapenko P.N. Iskusstvenny`j intellekt cennosti obshhestva: vozdejstvie i formirovanie pravovy`x narrativov // Istoriya gosudarstva i prava. 2024. № 1. S. 44–49.

Статья поступила в редакцию 13.12.2023; одобрена после рецензирования 23.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 13.12.2023; approved after reviewing 23.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 31.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):31.

Проблемы организации и функционирования адвокатуры

Научная статья
УДК 347.965
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_31

ОБ ОБРАЩЕНИИ ПРАВЛЕНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АДВОКАТОВ И ЮРИСТОВ «ИНИЦИАТИВА 2018» В ОРГАНЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ, К МЕЖДУНАРОДНЫМ АССОЦИАЦИЯМ АДВОКАТОВ И ПРАВОЗАЩИТНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ

РАГУЛИН Андрей Викторович
Адвокат, доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
450006, г. Уфа, ул. Ленина, д.102, оф. 24, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматривается содержание обращения Правления Межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018» в органы Организации Объединенных Наций, к международным ассоциациям адвокатов и правозащитным организациям, опубликованного 18 декабря 2023 года.

Ключевые слова: адвокат, адвокатура, адвокатская палата, Федеральная палата адвокатов Российской Федерации

Для цитирования: Рагулин А.В. Об обращении Правления Межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018» в органы Организации Объединенных Наций, к международным ассоциациям адвокатов и правозащитным организациям // Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 31. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_31

Problems of organization and advocacy profession functioning

Original article

ABOUT THE APPEAL OF THE BOARD OF THE INTERREGIONAL PUBLIC ORGANIZATION OF ADVOCATES AND LAWYERS «INITIATIVE 2018» TO THE UNITED NATIONS BODIES, INTERNATIONAL BAR ASSOCIATIONS AND HUMAN RIGHTS ORGANIZATIONS

RAGULIN Andrey Viktorovich
Doctor of law, Associate Professor, Advocate, Head of the Centre for the Study of the Organization and Operation of the Advocacy of Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, Editor-in-chief of the «Eurasian advocacy» journal
450006, Ufa, Lenina St., 102, office 24, Russian Federation

Abstract: The article discusses the content of the appeal of the Board of the Interregional Public Organization of advocates and lawyers «Initiative 2018» to the United Nations bodies, international bar associations and human rights organizations , published on 18 December 2023.

Keywords: advocate, legal profession, advocacy chamber, Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation

For citation: Ragulin A.V. About the Appeal of the Board of the Interregional Public Organization of Advocates and Lawyers «Initiative 2018» to the United Nations Bodies, International Bar Associations and Human Rights Organizations = Eurasian Advocacy. 2024;1(66):31. (In Russ.). https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2023_66_1_31

Introduction

«Initiative 2018» was created in 2018 by lawyers from 54 regions of the Russian Federation and is a public professional organization of lawyers (advocates) and jurists, carrying out its activities without forming a legal entity. Since its creation, its members have conducted research and organized public events (round tables, conferences and open discussions), collecting and developing proposals aimed to improve legislation on the legal profession and advocacy in the Russian Federation; bring corporate standards and the internal structure of the legal pro-

© Рагулин А.В., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

fession and the system of providing qualified legal assistance in line with international standards; protect the rights of lawyers; and to prepare and publish resolutions and petitions on these issues [1,2,3].

The chairperson of the board of «Initiative 2018», the lawyer Dmitry Talantov, is persecuted by the authorities for his social and professional activities and is held in pre-trial detention since 28 June 2022, facing charges for the alleged public dissemination of «deliberately false information» about the actions of the Russian Armed Forces. He has been recognized by human rights organizations as a political prisoner and prisoner of conscience [4].

In 2023 «Initiative 2018» prepared and published an independent expert opinion «On the Draft Federal Law «On Advocacy and the Bar in the Russian Federation № 301952-8» [16,19], an appeals «In Defense of Russian Attorneys Subjected to Persecution» [21] , «Let's Protect Russia's Advocacy – 2023!» [20], «For a Preventive Action – the Universal Temporary Universal Termination of the Participation of Lawyers in Procedural Actions in All Types of Legal Proceedings» [18], Statements «On Mass Detentions and Searches Against Lawyers», «On the Appeal By Lawyers On the Issue of All-Russian Preventive Action in the Form of Temporary Universal Termination of the Participation of Lawyers in Procedural Actions in All Types of Legal Proceedings and the Statement of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation», «On Inadmissibility of Suppression of Freedom of Speech and Freedom of Expression in Lawyer Profession», «On Introducing the Possibility of Lawyer`s Disbarment When the Fact of His Departure for Permanent Residence Or for a Period of More Than One Year Outside The Russian Federation Is Revealed» [22]. A series of events «Let's Protect the Independence of the Russian Bar!» was also organized (round tables «The Russian Bar: Protection for Defenders» [23], «Legislation on the Bar in Russia: Progressive Development or Degradation?» [24] and the International Scientific and Practical Conference «The Russian Bar: Independence, Self-Governance, Protection» [25].

Publication of the «Appeal of the Board of the Interregional Public Organization of Advocates and Lawyers «Initiative 2018» to the United Nations Bodies, International Bar Associations and Human Rights Organizations» which was developed by Initiative 2018 with the partnership with the «Centre de la Protection Internationale» [5] and «Eurasian Advocacy» international scientific and practical law journal , was carried out on 18 December 2023.

The Appeal : introduction

In an appeal published in journal, on various resources and social networks [6,7,8,9,10,11], it was noted that the UN Special Rapporteur on the independence of judges and lawyers, Leandro Despouy noted in his report (A/HRC/11/41/Add.2), that the 2002 Federal Law «On Advocacy and the Bar in the Russian Federation» [12] had created independent and self-regulatory bodies of the legal profession. Under this law, bar chambers were established in each of the regions, with the Federal Bar (Federalnaya palata advokatov Rossijskoj Federacii) set up as an umbrella organization.

The appeal notes that developments in over twenty years since the adoption of the law show that the hope for the democratization of lawyers' self-government bodies and for accountability and transparency of their activities has not materialized.

According to international standards, set out, first of all, in the UN Basic Principles on the Role of Lawyers and the Universal Declaration on the Independence of Justice («Singhvi Declaration»), bar associations should be independent, self-regulated, provided for by law and have a general mandate to protect the independence of the legal profession and the interests of its representatives. Based on its research and monitoring «Initiative 2018» concludes that the structure, functions and practice of the Federal Bar and the Chambers do not meet international standards. The Federal Bar is not - and cannot be - a professional association of lawyers, since lawyers are not members of this organization, and it is not accountable to lawyers [13].

In an appeal it was noted that its authors are seeing a significant increase in a longstanding pattern of attacks against lawyers. The number of cases of harassment and persecution are growing, including arbitrary criminal and disciplinary charges, and the disbarment and criminal prosecution of lawyers, which requires an urgent response, including from the international community. Lawyers' rights are being violated - to professional independence both from the state and from the corporate bodies of the legal profession; to carry out their professional activities without threats, obstacles, intimidation, unjustified restrictions and interference; to the protection of lawyer-client privilege, to physical integrity, and to the freedoms of association, expression, assembly and movement.

It was noted that successive amendments to the 2002 law have increasingly subordinated the legal profession to the state authorities. Since 2002, the leadership of the Federal Bar and the Chambers have integrated a number of significant changes into the Code of Professional Ethics of Lawyers and accepted the amendments to the Law, which included, inter alia, the transfer of the register of lawyers under the

Ministry of Justice, and the constant expansion of the representation of state bodies in the Federal Bar and the Chambers. The bar associations' unconditional agreeing to the increasing interference of the state in the independence of the legal community has led to a protracted, deep and systemic crisis in the legal profession.

The appeal goes on to provide an extensive list of specific facts, with extensive References to publicly published material confirming their existence in reality.

About authoritarianism, suppression of democracy, intensification of state influence, censorship

The formation of lawyers' self-government bodies takes place on the basis of non-alternative, indirect elections. Presidents of the Chambers are not directly elected by lawyers, but by members of the Council of the Chamber from among its members, through a «rotation» system, in which the same persons, take part in the structures of the chambers, and often lead them for decades. Only when the President is «elected» for a third term can the delegates to the Conference of the Chamber nominate an alternative candidate, and then only from among the persons who are already members of the Council. The composition of the Council is decided by the President, and not through direct election by the lawyers, but elected on the basis of the principles of favoritism and nepotism. Formally, the delegates of the Conference have the right to nominate alternative candidates from among themselves, but the holding of a preferential vote obviously cannot lead to a large-scale renewal of the Council. The Council of the Federal Bar elects the President from among its own members, and the procedures for the formation of the Federal Bar is similar to the procedures of the Chambers. The supreme body of the Federal Bar, the All-Russian Congress of Lawyers, brings together a limited circle of practically irremovable presidents of the Chambers. As a result, several dozens of delegates to the Congress, under the strict control of members of the Council of the Federal Bar, determine the fate of more than 80,000 lawyers. As concerns the right to freedom of association, now it is practically impossible to create new independent public and professional associations of lawyers, under the pretext that this would duplicate the functions of the Federal Bar and Chambers. At the same time, existing independent lawyers' associations have been either closed down or placed under the control of the Federal Bar. As a result, a majority of lawyers are excluded from participating in setting the agenda of the profession.

The media that used to belong to public associations of lawyers were placed under the control of the Federal Bar, which exercises censorship and a ban on publications by certain authors. Propaganda was organized, which imposes the official position of the Federal Bar and the Chambers, self-promotes its leaders and persons close to them, and acts as well-functioning mechanism to discredit undesirable lawyers and their associations. The official position of the Federal Bar is further reinforced by the support of so-called «advisers of the Federal Bar» and organizations of «young lawyers». They also help the Federal Bar in persecuting of lawyers.

Heads of the bodies of the Federal Bar and the Chambers are co-opted for positions in state advisory bodies and associations dependent on the state (such as the Public Chamber of the Russian Federation, the Public Council under the Ministry of Internal Affairs, the Association of Lawyers of Russia) and receive state awards. Having given up the independence of the legal profession and submitted to will of the state, they condone violations of human rights and the rule of law, fail to take action to effectively protect the rights of lawyers, prosecute them at the request of the state bodies, and initiate disciplinary proceedings against them.

About corruption, financial abuses and discriminatory practices

Such practices include:

– Corruption actions against candidates seeking admission to the Bar;

– Non-transparent and groundless spending of funds including disproportionately high remuneration of the heads of the Federal Bar and Chambers, uncontrolled rental payments to persons affiliated with them, excessive expenses for trips, events, receptions and award ceremonies, financing for the «special military operation», etc.), while at the same time public defence lawyers receive minimal remunerations; insurmountable obstacles have been created for lawyers to obtain information about the financial activities of the Federal Bar and the Chambers.

– Discriminatory restrictions for applicants to the bar, based on property and resources, age, «residency» and in some regions, on their legal education;

– Compulsory paid subscriptions to media affiliated with the leadership of the Federal Bar.

About repressive rules and disciplinary persecution of lawyers

The Code of Professional Ethics contains norms that are unclear in terms of content and application, some of which going beyond the scope of the lawyer's professional activities. Moreover, the Code is used as a means to sanction criticism of the bar associations and to restrict freedom of expression by establishing liability for «encroachment on the authority of the

legal profession». It is also forbidden for lawyers to appeal to state bodies regarding crimes and abuses by the heads of the Federal Bar and the Chambers, under the pretext of allegedly violating unwritten "norms of ethics and traditions".

A lawyer's license can be revoked not only upon the complaint of the client, but also at the personal initiative of the leadership of Federal Bar and the Chambers. More and more often, lawyers are disbarred at the request of the Ministry of Justice, the actual initiators of which are law enforcement agencies who act as opponents in court procedures.

Provisions have been introduced that exclude the objective consideration of a disciplinary case against a lawyer by an impartial body in accordance with the right to a fair trial. In particular, instead of the presumption of «good faith of a lawyer», the rules build on the «presumption of good faith of the Chamber» considering a disciplinary case. Thus, the exercise of the right to challenge is prohibited, the case of a lawyer who is absent for a valid reason is allowed to be considered, a re-trial is allowed in the event that the court cancels its earlier decision, making it difficult to appeal against the termination of the status of a lawyer in court. It is however possible to appeal against a decision on disbarment to the Commission on Ethics and Standards of the Federal Bar, through a non-transparent, non-standard and absentee procedure.

Lawyers who were disbarred following disciplinary proceedings are long-term banned from legal representation. The leadership of the Federal Bar and the Chambers are also seeking to impose a ban on legal representation for those lawyers who do not have a status of «advocate», forcing them to join the bar.

The leadership of the Federal Bar and the Chambers abstains from supporting preventive actions initiated by lawyers aimed at protecting the rights of lawyers persecuted for their professional activities [18]. The comprehensive system of protection of the professional rights of lawyers has been replaced by self-defence of lawyers and the selective defence by the Bar of individual lawyers, while other lawyers are not effectively assisted.

As mentioned above, the leadership of the Federal Bar and the Chambers have supported and/or condoned the development of legislation to the detriment of the legal profession and of the protection of lawyers, and continue to do so.

About recent legislative developments detrimental to the legal profession

Legislative changes in 2023 included amendments to the Federal Law on State Secrets and to the 2002 Federal Law «On Advocacy and the Bar in the Russian Federation», which further undermine the independence of lawyers and the legal profession, without any counteraction from the Federal Bar.

In the course of his professional duties in defending or representing a case, a lawyer may be compelled to obtain access to State secrets. According to the provisions of Federal Law No. 312862-8 [14], if a lawyer is granted such access, he/she is obliged to deposit his/her foreign passport with the issuing authority, for a period determined at the discretion of the official of the state body, after which the lawyer has the right to travel outside the Russian Federation only with the permission of the state body. If the lawyer has close relatives living abroad or having residence permits in foreign countries or foreign citizenship, or if he/she has been included in the register of "foreign agents", the lawyer is denied access to state secrets, which then means losing the possibility to work on such a case and the accused losing his/her right to have a lawyer of his/her choice. These restrictions can be imposed by the investigation or the court in any case at their discretion.

The Federal Bar ignored the reasoned objections made by lawyers to the proposed amendments and did not oppose the adoption of Federal Law No. 312862-8.

31 January 2024 this law entered into force, so the rights of lawyers to freely choose their cases, to freedom of movement, and the right of a person to receive qualified legal assistance by concluding an agreement with a lawyer of their choice is infringed, and the independence of lawyers and the legal profession in general undermined.

Along with this the Federal Bar was closely involved with the Ministry of Justice in a totally untransparent manner, in the development of the amendments to the Law, which are currently under consideration in the State Duma (draft Federal Law No. 301952-8 [15]). Despite the fact that the changes apply to all lawyers and their clients, they were not submitted for wide public discussion. The conclusions of the expert examination by the Federal Bar have not been made public to date, which directly contradicts the provisions of article 37, para. 3.7 of the Law.

Moreover, the Federal Bar ignored the critical responses and comments by a number of Chambers (Moscow, St. Petersburg, Novosibirsk and Nizhny Novgorod) to the draft law, as well as expert opinions [16,19] and an open appeal signed by more than a thousand lawyers and human rights defenders [17,20].

The draft law contains provision that threaten the loss of attorney-client privilege, and the disclosure of personal data and information about the private life of both lawyers and their clients.

Notably, it introduces the following provisions:

It makes the status of a lawyer dependent on the «performance of duties» not to the client, as it has always been, but to unnamed interested persons;

The use of a database «Integrated Information System of the Bar of Russia» created by the Federal Bar, which contains a significant amount of data about the lawyer, his/her relatives and clients. This database, which has already been implemented, leads to excessive control over the legal profession and lawyers by the Federal Bar and Chambers and state bodies, including law enforcement. The database is not protected from information leaks, including within the framework of operational search activities;

Provisions establishing admission to the bar depending not on successfully passing the examination and taking the oath, but on the decision of the Ministry of Justice to include the lawyer in the Unified State Register. It is also planned to transfer the maintenance of this register to the Federal Ministry of Justice, in violation of the principles of independence and self-management of the legal profession;

Furthermore, a lawyer could be disbarred in the case of omission (for example delay in presenting the documents) by a bar association's staff when the lawyer moves to another Chamber;

To establish that the regulations on the procedure for passing the qualifying examination and assessing the knowledge of applicants, as well as the procedure for changing a lawyer's membership of the bar association, have to be approved by the Ministry of Justice;

To supplement the composition of the Qualification Commission of the Chamber with a representative from the «scientific community» (additionally to the six representatives of state bodies: two from the judiciary, two from the executive and two from legislative bodies) while it is not specified what formal criteria the person must meet and how he/she would be selected;

The draft also contains other novelties that infringe on the independence of the legal profession and lawyers. These proposals were put forward by the government – and supported by the Federal Bar, such as revoking a lawyer's status if it is revealed that he/she had residence for a long term status or for a period of more than one year outside of the Russian Federation.

Conclusions and recommendations

Initiative 2018, as a professional organization of lawyers (advocates) and jurists practicing in the Russian Federation had formulated conclusions that the general negative actions and omissions of the leadership of the Federal Bar Association and the Chambers run counter to international standards and significantly complicate or make impossible the effective protection by lawyers of both their own rights and the rights and interests of their clients as protected by law.

The recommendations on the establishment of an independent professional association of lawyers, made by the UN Special Rapporteur on the independence of judges and lawyers Leandro Despouy in his 2009 report to the General Assembly (A/64/181) are deliberately ignored by the leadership of the Federal Bar and the Chambers. In such circumstances, the Federal Bar cannot be considered at the national and international level as an organization authorized to represent the interests of Russian lawyers, since it does not adhere to and does not promote the principles of democracy, the rule of law and human rights, does not uphold justice and incorruptibility, and in fact belittles the interests and needs of Russian lawyers and their rights.

At the conclusion of the Appeal «Initiative 2018» had suggested the following proposals:

– to conduct a comprehensive study of the legislation and practice of the functioning of the Russian legal profession and their compliance with generally recognized provisions of international law regarding the role and rights of lawyers;

– to conduct a comprehensive study of the activities of the Federal Bar and the regional bar associations of the Russian Federation for their compliance with recognized norms of international law regarding the role of lawyers;

– to involve the experts of our «Initiative 2018» when conducting research and preparing reports on the obstacles of the organization and activities of the Bar Association;

– to support the creation of a platform for strengthening the independence of the Russian legal profession and bringing its structure and legislation on advocacy and the legal profession in line with international standards;

– to prevent the adoption of the draft Federal Law No. 301952-8 and to initiate changes in the provisions of Federal Law No. 312862-8;

– to take this submission into account when preparing thematic reports within the competence of UN special procedures.

It seems that with the implementation of the above proposals, Russian lawyers and the Bar as an institution have a chance to preserve their independence and, as a consequence, their ability to effectively provide qualified legal assistance to those who need it.

Список источников

1. https://t.me/initiative2018.
2. https://www.youtube.com/channel/UC-eNEW_hHYPW90d1VQh1K0A.
3. https://vk.com/public195284407
4. https://www.frontlinedefenders.org/en/case/pre-trial-detention-human-rights-lawyer-dmitry-talantov-extended.
5. https://cpingo.org/about-us/.
6. http://www.eurasian-advocacy.ru/vse-novosti/2818-obrashchenie-pravleniya-mezhregionalnoj-obshchestvennoj-organizatsii-initsiativa-2018-v-organy-organizatsii-ob-edinennykh-natsij-k-mezhdunarodnym-assotsiatsiyam-advokatov-i-pravozashchitnym-organizatsiyam.
7. https://telegra.ph/Obrashchenie-v-organy-Organizacii-Obedinennyh-Nacij-k-mezhdunarodnym-associaciyam-advokatov-i-pravozashchitnym-organizaciyam-12-20.
8. https://zakon.ru/blog/2023/12/20/obraschenie_pravleniya_mroo_iniciativa_2018v_organy_organizacii_obedinennyh_nacijk_mezhdunarodnym_as.
9. http://www.eurasian-advocacy.ru/6-65-2023g.
10. https://vk.com/@initiative_2018-obraschenie-v-organy-organizacii-obedinennyh-nacii-k-mezhdun.
11. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=58899959.
12. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/.
13. https://www.ohchr.org/en/special-procedures/sr-independence-of-judges-and-lawyers/international-standards#treaties.
14. http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308040022?index=1.
15. https://sozd.duma.gov.ru/bill/301952-8.
16. https://sciup.org/nezavisimoe-jekspertnoe-zakljuchenie-na-proekt-federalnogo-zakona-o-vnesenii-140298597?ysclid=lsl4o63b26758888143.
17. https://sciup.org/obrashhenie-zashhitim-rossijskuju-advokaturu2023-140298608?ysclid=lsl2hcoujn63970715.
18. https://legalpetition.ru/calltoaction.
19. https://www.eurasian-advocacy.ru/vse-novosti/2801-nezavisimoe-ekspertnoe-zaklyuchenie-na-proekt-federalnogo-zakona-o-vnesenii-izmenenij-v-federalnyj-zakon-ob-advokatskoj-deyatelnosti-i-advokature-v-rossijskoj-federatsii-301952-8.
20. https://legalpetition.ru/protectprofession2023.
21. https://legalpetition.ru/appeal.
22. https://www.eurasian-advocacy.ru/5-64-2023g.
23. https://www.youtube.com/watch?v=dtvVXouJ55k.
24. https://www.youtube.com/watch?v=4YG4AEK8EZ8.
25. https://www.youtube.com/watch?v=fEc6yzs-mfs.

References

1. https://t.me/initiative2018.
2. https://www.youtube.com/channel/UC-eNEW_hHYPW90d1VQh1K0A.
3. https://vk.com/public195284407
4. https://www.frontlinedefenders.org/en/case/pre-trial-detention-human-rights-lawyer-dmitry-talantov-extended.
5. https://cpingo.org/about-us/.
6. http://www.eurasian-advocacy.ru/vse-novosti/2818-obrashchenie-pravleniya-mezhregionalnoj-obshchestvennoj-organizatsii-initsiativa-2018-v-organy-organizatsii-ob-edinennykh-natsij-k-mezhdunarodnym-assotsiatsiyam-advokatov-i-pravozashchitnym-organizatsiyam.
7. https://telegra.ph/Obrashchenie-v-organy-Organizacii-Obedinennyh-Nacij-k-mezhdunarodnym-associaciyam-advokatov-i-pravozashchitnym-organizaciyam-12-20.
8. https://zakon.ru/blog/2023/12/20/obraschenie_pravleniya_mroo_iniciativa_2018v_organy_organizacii_obedinennyh_nacijk_mezhdunarodnym_as.
9. http://www.eurasian-advocacy.ru/6-65-2023g.
10. https://vk.com/@initiative_2018-obraschenie-v-organy-organizacii-obedinennyh-nacii-k-mezhdun.
11. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=58899959.
12. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/.
13. https://www.ohchr.org/en/special-procedures/sr-independence-of-judges-and-lawyers/international-standards#treaties.
14. http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308040022?index=1.
15. https://sozd.duma.gov.ru/bill/301952-8.
16. https://sciup.org/nezavisimoe-jekspertnoe-zakljuchenie-na-proekt-federalnogo-zakona-o-vnesenii-140298597?ysclid=lsl4o63b26758888143.
17. https://sciup.org/obrashhenie-zashhitim-rossijskuju-advokaturu2023-140298608?ysclid=lsl2hcoujn63970715.
18. https://legalpetition.ru/calltoaction.
19. https://www.eurasian-advocacy.ru/vse-novosti/2801-nezavisimoe-ekspertnoe-zaklyuchenie-na-proekt-federalnogo-zakona-o-vnesenii-izmenenij-v-federalnyj-zakon-ob-advokatskoj-deyatelnosti-i-advokature-v-rossijskoj-federatsii-301952-8.
20. https://legalpetition.ru/protectprofession2023.
21. https://legalpetition.ru/appeal.
22. https://www.eurasian-advocacy.ru/5-64-2023g.
23. https://www.youtube.com/watch?v=dtvVXouJ55k.
24. https://www.youtube.com/watch?v=4YG4AEK8EZ8.
25. https://www.youtube.com/watch?v=fEc6yzs-mfs.

Статья поступила в редакцию 21.02.2024; одобрена после рецензирования 24.02.2024; принята к публикации 24.02.2024.

The article was submitted 21.02.2024; approved after reviewing 24.02.2024; accepted for publication 24.02.2024.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 37.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):37.

Проблемы организации и функционирования адвокатуры

Научная статья
УДК 347.965
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_37

РИСКИ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АСПЕКТЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ И ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

МАРЧЕВА Полина Евгеньевна
Кандидат юридических наук, доцент кафедры адвокатуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125993, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9, Российская Федерация

Аннотация: В настоящее время ведется активная работа, направленная на скорейшее введение в эксплуатацию онлайн-платформ и чат-ботов, которые позволят гражданам получать квалифицированную юридическую помощь, в том числе и бесплатную, дистанционно. Использование новых технологий для увеличения доступности квалифицированной юридической помощи сопряжено с новыми рисками, которые возникают в процессе дистанционной коммуникации и при работе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Автор статьи анализирует российский и зарубежный опыт использования новых технологий при оказании квалифицированной юридической помощи с целью выявления рисков для дальнейшего осмысления, каким образом снизить их уровень.

Ключевые слова: информатизация, цифровизация, чат-бот, онлайн-платформа, комплексная информационная система адвокатуры России (КИС АР), квалифицированная юридическая помощь, доступность квалифицированной юридической помощи, риски адвокатской деятельности

Для цитирования: Марчева П.Е. Риски адвокатской деятельности в аспекте информатизации и цифровой трансформации общества // Евразийская адвокатура. 2024. № 1(66). С. 37. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_37

Problems of Organization and Advocacy Profession Functioning

Original article

RISKS OF ADVOCACY IN THE ASPECT OF INFORMATIZATION AND DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

MARCHEVA Polina Evgenyevna
Candidate of Law, Associate Professor of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
125993, Moscow, Sadovaya-Kudrunskaya Str., 9, Russian Federation

Abstract: Nowadays, active work aimed at the most rapid implementation of online platforms and chat bots is carried out. This will allow citizens to receive qualified legal assistance, including pro bono legal assistance, remotely. The use of new technologies to increase the availability of qualified legal assistance is associated with new risks that arise in the process of remote communication and work in the Internet. The author of the article analyzes Russian and foreign experience in using new technologies for provision of qualified legal assistance in order to identify risks and find ways to reduce them.

Keywords: informatization, digital transformation, chat bot, online platform, integrated information system of Russian advocacy (CIS AR), availability of qualified legal assistance, risks of advocacy

For citation: Marcheva P.E. Risks of Advocacy in the Aspect of Informatization and Digital Transformation of Society = Eurasian Advocacy. 2024;1(66):37. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_37

Информатизация «как явление, связанное с проникновением компьютеров и телекоммуникаций во все сферы экономики и общества» [4, с. 46], а также повсеместная цифровая трансформация, коренным образом изменила многие процессы, в том числе и процессы, происходящие в адвокатуре. Так, например, была создана и функционирует Комплексная информационная система адвокатуры России (КИС АР), которую планируется интегрировать с информационными системами

© Марчева П.Е., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

органов юстиции, судов, правоохранительных органов, образовав часть экосистемы цифровой экономики России [2].

Подробная информация о КИС АР, а также об иных проектах в цифровой среде с участием адвокатуры содержится в Отчете Совета ФПА РФ, который размещен на сайте ФПА РФ. В частности, в п. 7.2 Отчета повествуется об онлайн-платформе «СберПраво», созданной стратегическим партнером ФПА РФ в сфере цифровизации юридических услуг и правовой помощи ПАО «СберБанк России» осенью 2021 года. Онлайн-платформа «СберПраво» предоставляет возможность гражданам дистанционно получить типовую юридическую услугу по фиксированной стоимости, например консультацию адвоката без анализа документов доверителя, а также договориться с адвокатом о более сложной и объемной по времени и трудозатратам квалифицированной юридической помощи и о ее стоимости. ПАО «СберБанк России» при такой коммуникации адвоката и доверителя обеспечивает безопасность персональных данных, сохранение банковской и адвокатской тайны.

Еще один цифровой проект, осуществляемый при поддержке ФПА РФ, о котором было заявлено в Отчете Совета ФПА РФ, – «АГ-Эксперт». «АГ-Эксперт» представляет собой площадку, где также происходит дистанционное взаимодействие граждан и адвокатов. Граждане имеют возможность получить бесплатную юридическую помощь общего характера, заполнив специальную форму и направив свой вопрос, ответ на который публикуется в газете «АГ-Эксперт», а также они могут получить индивидуальное разъяснение, которое направляется на электронный адрес, указанный при заполнении формы.

Создание и функционирование таких онлайн-платформ полезно как для граждан, заинтересованных в получении квалифицированной юридической помощи, так и для адвокатов, которые могут эту помощь предоставить. Для граждан полезность выражается в увеличении доступности квалифицированной юридической помощи и ее своевременности, так как помощь оказывается дистанционно и в ряде случаев бесплатно. Адвокаты, в свою очередь, могут размещать информацию о себе (о специализации и опыте профессиональной деятельности) на своих интернет-страницах. Безусловно, информацию адвокатам следует размещать с учетом Разъяснений Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам [6, 7].

В настоящее время также ведется работа по созданию чат-бота для оказания бесплатной юридической помощи. Чат-бот предназначен для граждан, но он также может существенно облегчить работу любого юриста, так как способен генерировать юридические тексты (договоры, процессуальные документы) и анализировать уже готовые, искать судебную практику, а также поддерживать разные способы коммуникации с пользователем, как текстовые, так и слуховые.

Утвержденные решением Совета ФПА РФ Правила поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [5] содержат в том числе правила безопасности, которые следует соблюдать адвокатам при работе с использованием новых технологий. Например, п. 2.4.2 обязывает адвокатов постоянно проверять свои интернет-ресурсы на наличие посторонней информации; п. 2.4.3 предупреждает адвокатов, что использование параметров максимальной защиты конфиденциальности любой учетной записи в сети «Интернет» не гарантирует полную защиту размещенной информации. Вместе с тем видится, что даже безукоризненное соблюдение указанных правил не защищает адвокатов от рисков, с которыми сопряжена их деятельности в сети «Интернет».

Таким образом, несмотря на явные преимущества, которые дает использование новых технологий, нельзя игнорировать и технологические риски, с которыми могут столкнуться как граждане, так и адвокаты в процессе дистанционной коммуникации.

Ранее неизвестным технологическим риском стало использование чат-ботов на базе искусственного интеллекта для подготовки документов, в частности ChatGPT. Польза от этой технологии огромна, а ее способность выдавать технически грамотные и оригинальные тексты весьма необычна. Новая технология способна распознавать и анализировать слова, а также мгновенно генерировать текст, что небезосновательно может создать иллюзию готовности и способности ChatGPT выполнять задачи, которые являются основным занятием юристов. Однако риски использования ChatGPT, с точки зрения практикующего адвоката, включают возможные неточности, проблемы конфиденциальности, предвзятость и дискриминацию, этические проблемы и потенциальную ответственность. Важно осознавать эти риски и снижать их. Так, ChatGPT формирует свое понимание фактов на основе огромного количества данных, которые в него заложены. Однако специфические пристрастия и предвзятость данных, которые могли быть заложены техническим специалистом, несомненно, могут привести к тому, что бот будет выдавать необъективные результаты.

С риском предвзятости связан и риск неточностей. Быстрый поиск в Google позволяет найти бесчисленное количество примеров, когда ChatGPT давал неверные ответы. Неверно указываются размеры стран, выдумываются судебные дела, даются ссылки на несуществующие научные статьи. Склонность программных моделей к уверенному придумыванию фактов вызывает тревогу и может стать поводом для судебных исков в связи с недобросовестной практикой – в профессии, основанной на поиске и оценке фактов.

В целях выявления и минимизации рисков при использовании новых технологий исследовательский интерес представляет обращение к международному опыту.

К примеру, в США судебной системе все чаще приходится сталкиваться с использованием искусственного интеллекта в юридических документах, включая случай, произошедший в июне 2023 года, когда два адвоката из Нью-Йорка были наказаны после того, как выяснилось, что они представили суду записку, содержащую шесть выдуманных цитат. Еще один адвокат из Колорадо был отстранен от адвокатской практики за аналогичные действия в ноябре 2023 года. В феврале 2024 года адвокат из Нью-Йорка оказалась под угрозой наложения дисциплинарного взыскания после того, как выяснилось, что дело, на которое она ссылалась в своем исковом заявлении, было сгенерировано искусственным интеллектом и на самом деле не существовало. 2-й окружной апелляционный суд США направил дело адвоката в Комиссию Ассоциации юристов Нью-Йорка по рассмотрению жалоб на недобросовестную практику после того, как выяснилось, что она использовала систему ChatGPT для поиска прецедентов при подготовке иска о медицинской халатности, но не подтвердила, существовало ли дело, на которое она ссылалась, в действительности. Адвокат включила фиктивное решение суда штата также и в апелляционную жалобу по иску своего доверителя, утверждающего, что врач из Квинса некачественно произвел аборт [14].

Также, хотя объем информации, на основе которой действует ChatGPT, постоянно обновляется, он все равно отстает по времени. Данное ограничение следует принимать во внимание тем, кто использует продукт для получения информации о текущих или последних событиях. Это особенно важно при необходимости использования наиболее поздних судебных решений. К примеру, адвокаты английской юридической фирмы Penningtons Manches Cooper в середине 2023 года обратились к ChatGPT с вопросом о деле The Harpur Trust v Brazel, касающемся трудового права, и бот выдал точное резюме решения Апелляционного суда от 2022 года, но полностью проигнорировал тот факт, что Верховный суд в 2023 году уже рассмотрел жалобу на это решение. Для адвокатов слепое доверие к результатам работы данного продукта может привести к репутационному ущербу и риску судебных разбирательств по поводу профессиональной халатности [8].

На новые технологические риски, с которыми сталкиваются адвокаты, обращают внимание юристы и адвокаты не только за рубежом, но и в Российской Федерации. Так, например, вице-президент ФПА РФ Елена Авакян в этой связи указывала на то, что «в последнее время приходится с сталкиваться с большим числом проявлений цифровой неосмотрительности адвокатов, которые могут послужить основанием для возбуждения уголовного дела» [1] по причине того, что адвокаты не объясняют доверителям особенности общения посредством новых технологий, в том числе не рассказывают о рисках, которые сопряжены с таким общением. В качестве примера Елена Авакян привела новые технологические продукты, основанные на нейросетях, позволяющие не только «перевести речь практически с любого языка на другой язык, причем нужным голосом», но и смоделировать нужный голос.

Таким образом, принимая во внимание описанные риски, видится целесообразным использовать новые технологии ограниченно, с проверкой окончательного продукта (сгенерированного процессуального документа или подобранной судебной практики) на соответствие реальности, действующему законодательству и актуальность.

Дистанционная коммуникация адвоката со своим доверителем сопряжена с рисками не только из-за использования новых технологических возможностей, но и при использовании уже привычных каждому способов общения, в том числе электронной почты.

Серьезным и нередким примером ошибок во взаимоотношениях между адвокатом и доверителем является переписка по электронной почте с доверителем, который находится на своем рабочем месте. Например, в Калифорнии адвокат разрешил своему доверителю, вовлеченному в судебный процесс против своего работодателя, обсуждать дело, факты и стратегию с рабочего места, используя оборудование работодателя [12]. Политика компании содержала предупреждение о том, что учетная запись электронной почты «должна использоваться только для служебных целей, что электронная почта не является част-

ной, и что компания будет выборочно и периодически контролировать свои технологические ресурсы для обеспечения соблюдения этой политики» [13]. Сотрудница получила руководство компании и подписала, что ознакомилась с его условиями, но, как и любой другой, она не стала задумываться над этим и впала в распространенную иллюзию, что рабочая электронная почта является частной. Вместе с тем суд решил, что электронные письма не являются частными, и поэтому они не защищены адвокатской тайной [12]. Работодатель мог использовать против нее любую информацию, которую он обнаружил.

Адвокатам следует предупреждать доверителей не только о том, что, коммуницируя дистанционно, рискованно использовать рабочую почту, но и о том, что в целом использование оборудования, особенно если оно принадлежит компании, а не доверителю, сопряжено с рисками.

Увольняющийся сотрудник может вернуть устройство с сохраненной на нем цифровой информацией, даже если он пытался ее стереть. Если сотрудник не удалил пароли или не вышел из учетных записей, то на устройстве, которое теперь находится у другого владельца или бывшего работодателя, могут появиться конфиденциальные сообщения адвоката. Ассоциация юристов Флориды, являющаяся лидером в области решения технологических вопросов, выпустила этическое заключение по поводу того, как правильно обращаться с жесткими дисками от списанного компьютерного оборудования для защиты конфиденциальной информации клиента [11]. Ассоциация юристов Флориды рассмотрела обязанности адвокатов в отношении информации, хранящейся на жестких дисках, в надежде предотвратить утечку конфиденциальной информации. В своем заключении по этике Ассоциация заявила, что «жесткие диски от высокоскоростных сканеров и другого подобного компьютерного оборудования» могут сохранять записи отсканированных документов, к которым можно получить доступ после того, как оборудование будет выброшено [11]. «[Адвокаты]... должны предпринимать разумные шаги для обеспечения сохранения конфиденциальности информации клиента и очистки устройства перед утилизацией» [11]. Видится, что соблюдение несложных правил, внимательность и аккуратность могут минимизировать рассмотренные риски.

Отдельные группы рисков образуют риски, источником которых являются киберпреступники [3], и риски, связанные с человеческими ошибками при работе с новыми технологиями. Подавляющее большинство атак с использованием социальной инженерии и фишинга направлено на то, чтобы обманом заставить пользователей, которыми могут быть как доверители, так и адвокаты, открыть файл или нажать на кнопку мыши с целью заражения их сетей и систем. В штате Род-Айленд юридическая фирма Moses Afonso Ryan предположительно потеряла около 700 000 долларов дохода в результате заражения компьютерной сети фирмы вирусом-вымогателем [10]. Вирус был неосторожно занесен в сеть фирмы, поскольку один из юристов кликнул на зараженное вложение в электронном письме, которое загрузило вирус и заблокировало компьютерную сеть фирмы на три месяца, пока не был выплачен выкуп в размере 25 000 долларов за разблокировку сети [10].

Адвокатам следует помнить и о том, что при дистанционном коммуницировании посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» создается неоправданная иллюзия анонимности и приватности. Безусловно, специалисты по шифрованию и другие опытные пользователи современных технологий способны скрыть источник и содержание некоторых сообщений, а также отследить IP-адрес источника сообщения и идентификационный номер компьютера, с которого было отправлено сообщение, поэтому обычный пользователь Интернета не может рассчитывать на конфиденциальность и анонимность. Кроме того, многие адвокаты до сих пор крайне небрежно относятся к созданию надежных и необычных паролей и их последующему сохранению в тайне. Оставлять конфиденциальное письмо или непродуманную записку на столе или в доступном для посторонних месте – неразумно. Если же отойти от компьютера, на котором осуществлен вход во внутреннюю систему фирмы, возникает риск обнародовать не только то, что находится на экране, но и все остальное, что может обнаружить поиск на компьютере или просмотр истории браузера [9].

Ввиду того, что границы реальной и виртуальной жизни многих пользователей Интернета часто весьма размыты, в том числе из-за широкого использования в настоящее время социальных сетей, растет обеспокоенность по поводу того, что сотрудники адвокатских образований, а также сами адвокаты могут раскрывать конфиденциальную информацию в социальных сетях. «Усугубляет ситуацию опасение, что социальные сети сделали людей невосприимчивыми к факту раскрытия ранее конфиденциальной информации, поскольку многие из них делают это добровольно – и так легко. Если принять во внимание тенденцию

пользователей социальных сетей – особенно молодых – к размыванию границы между социальной жизнью в Интернете и работой, важнейшая служебная информация может оказаться за дверью практически раньше, чем сотрудник об этом узнает. Концепция конфиденциальности информации – любой информации – для многих уже практически устарела. Если у них есть к ней доступ, то что плохого в том, что она есть у других?» [13]. В этой связи видится целесообразным размещать в социальных сетях только личную информацию о себе, не связанную с профессиональной деятельностью. Что касается профессиональной деятельности адвоката, то любая информация о ней, а также о возможности предоставления квалифицированной юридической помощи должна быть размешена только на сайтах адвокатского образования.

Современные возможности позволяют оказывать квалифицированную юридическую помощь большому количеству граждан, но нельзя забывать о том, что дистанционная коммуникация сопряжена с дополнительными рисками, которые следует предвидеть и учитывать адвокатам, чтобы предупреждать о них своих доверителей с целью минимизации этих рисков.

Таким образом, информатизация и цифровизация, с одной стороны, упростили процесс коммуникации адвоката с доверителем, позволив коммуницировать, обмениваясь информацией и документацией в кратчайшие сроки, даже если адвокат и доверитель находятся в разных странах, а с другой – создали новые риски. Сложившаяся ситуация, безусловно, налагает на адвокатов дополнительные обязанности помимо следования правилам предоставления квалифицированной юридической помощи посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а именно: предупреждать доверителей о рисках, связанных с дистанционной коммуникацией, и выстраивать порядок дистанционной коммуникации.

Список источников

1. Авакян Е. Адвокатура. Государство. Общество [Электронный ресурс]. URL: https://fparf.ru/online/ advokatura-gosudarstvo-obshchestvo-2023/vitse-prezident-fpa-rf-elena-avakyan/.
2. Комплексная информационная система адвокатуры России (КИС АР) [Электронный ресурс]. URL: https://fparf.ru/cisar.
3. Марчева П.Е. Способы снижения рисков в адвокатской деятельности, возникших в цифровую эпоху // Теория и практика общественного развития. 2024. № 2.
4. Нарыжкин Н.А. Классические подходы и современная интерпретация понятия «Информатизация» // Вестник института экономических исследований. 2020. № 2 (18). С. 45–52.
5. Правила поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утверждены решением Совета ФПА РФ от 28 сентября 2016 г. (протокол № 7) [Электронный ресурс]. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/rules-of-conduct-for-lawyers-in-the-information-telecommunication-network-internet/.
6. Разъяснение Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам по вопросу применения пункта 1 статьи 17 Кодекса профессиональной этики адвоката от 17 апреля 2019 года [Электронный ресурс]. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/dokumenty-kes/interpretation-no-01-19/.
7. Разъяснение Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения статьи 17 Кодекса профессиональной этики адвоката от 15 декабря 2022 года [Электронный ресурс]. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/dokumenty-kes/razyasnenie-kes-fpa-rf-po-voprosam-primeneniya-stati-17-kodeksa-professionalnoy-etiki-advokata/.
8. Charlotte Hill, Uncovering the Risks of ChatGPT: A Litigator's Perspective [Электронный ресурс]. URL: https://www.penningtonslaw.com/news-publications/latest-news/2023/uncovering-the-risks-of-chatgpt-a-litigator-s-perspective.
9. Cheryl B. Preston, Lawyers' Abuse of Technology, 103 Cornell Law Review (2018). p. 16 [Электронный ресурс]. URL: http://www.med.a51.nl/sites/default/files/pdf/SSRN-id3037079.pdf.
10. Debra Cassens Weiss, Victimized by Ransomware, Law Firm Sues Insurer for $700K in Lost Billings, A.B.A. J. (May 2, 2017 11:09 AM CDT).
11. Fla. Bar, Opinion 10-2, Sept. 24, 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.floridabar.org/TFB/TFBETOpin.nsf/b2b76d49e9fd64a5852570050067a7af/b3861cd80f9b3c0b852577f8006ea7cf!OpenDocument (discussed in Jake Schickel, A Report from the Florida Bar Board of Governors Meeting, FIN. NEWS & DAILY REC. (June 7, 2010), http://www.jaxdailyrecord.com/showstory.php?Story_id=531175).
12. Holmes v. Petrovich Dev. Co., 119 Cal. Rptr. 3d 878 (Cal. Ct. App. 2011).
13. Michael C. Smith, Social Media Update, 58 THE ADVOC. (TEXAS) 2, 4 (2012).
14. Michael Lee, Lawyer in hot water after using AI to present made up information: «incompetent» [Электронный ресурс]. URL: https://www.foxnews.com/us/lawyer-hot-water-after-using-ai-present-made-up-information-incompetent.

References

1. Avakyan E. Advokatura. Gosudarstvo. Obshhestvo [E`lektronny`j resurs]. URL: https://fparf.ru/online/advokatura-gosudarstvo-obshchestvo-2023/vitse-prezident-fpa-rf-elena-avakyan/.

2. Kompleksnaya informacionnaya sistema advokatury` Rossii (KIS AR) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://fparf.ru/cisar.

3. Marcheva P.E. Sposoby` snizheniya riskov v advokatskoj deyatel`nosti, voznikshix v cifrovuyu e`poxu // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2024. № 2.

4. Nary`zhkin N.A. Klassicheskie podxody` i sovremennaya interpretaciya ponyatiya «Informatizaciya» // Vestnik instituta e`konomicheskix issledovanij. 2020. № 2 (18). S. 45–52.

5. Pravila povedeniya advokatov v informacionno-telekommunikacionnoj seti «Internet», utverzhdeny` resheniem Soveta FPA RF ot 28 sentyabrya 2016 g. (protokol № 7) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/rules-of-conduct-for-lawyers-in-the-information-telecommunication-network-internet/.

6. Raz``yasnenie Komissii FPA RF po e`tike i standartam po voprosu primeneniya punkta 1 stat`i 17 Kodeksa professional`noj e`tiki advokata ot 17 aprelya 2019 goda [E`lektronny`j resurs]. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/dokumenty-kes/interpretation-no-01-19/.

7. Raz``yasnenie Komissii po e`tike i standartam Federal`noj palaty` advokatov Rossijskoj Federacii po voprosam primeneniya stat`i 17 Kodeksa professional`noj e`tiki advokata ot 15 dekabrya 2022 goda [E`lektronny`j resurs]. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/dokumenty-kes/razyasnenie-kes-fpa-rf-po-voprosam-primeneniya-stati-17-kodeksa-professionalnoy-etiki-advokata/.

8. Charlotte Hill, Uncovering the Risks of ChatGPT: A Litigator's Perspective [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.penningtonslaw.com/news-publications/latest-news/2023/uncovering-the-risks-of-chatgpt-a-litigator-s-perspective.

9. Cheryl B. Preston, Lawyers' Abuse of Technology, 103 Cornell Law Review (2018). r. 16 [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.med.a51.nl/sites/default/files/pdf/SSRN-id3037079.pdf.

10. Debra Cassens Weiss, Victimized by Ransomware, Law Firm Sues Insurer for $700K in Lost Billings, A.B.A. J. (May 2, 2017 11:09 AM CDT).

11. Fla. Bar, Opinion 10-2, Sept. 24, 2010 [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.floridabar.org/TFB/TFBETOpin.nsf/b2b76d49e9fd64a5852570050067a7af/b3861cd80f9b3c0b852577f8006ea7cf!OpenDocument (discussed in Jake Schickel, A Report from the Florida Bar Board of Governors Meeting, FIN. NEWS & DAILY REC. (June 7, 2010), http://www.jaxdailyrecord.com/showstory.php?Story_id=531175).

12. Holmes v. Petrovich Dev. Co., 119 Cal. Rptr. 3d 878 (Cal. Ct. App. 2011).

13. Michael C. Smith, Social Media Update, 58 THE ADVOC. (TEXAS) 2, 4 (2012).

14. Michael Lee, Lawyer in hot water after using AI to present made up information: «incompetent» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.foxnews.com/us/lawyer-hot-water-after-using-ai-present-made-up-information-incompetent.

Статья поступила в редакцию 18.02.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2024; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 18.02.2024; approved after reviewing 22.02.2024; accepted for publication 22.02.2024.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 43.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):43.

Профессиональная этика и дисциплинарная ответственность адвоката

Научная статья
УДК 347.965.6
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_43

О НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АДВОКАТА В КОДЕКСЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ АДВОКАТА

БУНИН Олег Юрьевич
Кандидат юридических наук, доцент, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы
119002, г. Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43, Российская Федерация

Аннотация: Законодательное регулирование отношений участников уголовного процесса должно быть справедливым, и адвокат-защитник в своей деятельности по уголовному делу должен находиться в приближенном к равному положению с прокурором (его заместителем, помощником), осуществляющим обвинение. Отсюда важным критерием законодательного и внутрикорпоративного установления дисциплинарной ответственности адвоката должна являться справедливая относимость с такой же ответственностью прокурора (работника прокуратуры).

Ключевые слова: адвокат, прокурор, защита, обвинение, уголовное судопроизводство, состязательность, равноправие, справедливость, дисциплинарная ответственность, прекращение статуса, увольнение

Для цитирования: Бунин О.Ю. О несправедливости установления дисциплинарной ответственности адвоката в Кодексе профессиональной этики адвоката // Евразийская адвокатура. 2024. № 1(66). С. 43. https:// doi.org/ doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_43

Professional Ethics and Disciplinary Responsibility of Advocate

Original article

ON THE UNFAIRNESS OF THE ESTABLISHMENT OF DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF THE LAWYER IN THE CODE OF PROFESSIONAL ETHICS OF LAWYER

BUNIN Oleg Yurievich
Candidate of Law, Associate Professor, Attorney-at-Law of the Moscow City Bar Association
119002, Moscow, lane. Sivtsev Vrazhek, 43, Russian Federation

Abstract: Legislative regulation of relations of participants of criminal proceedings should be fair, and the lawyer-defender in his activities in criminal cases should be in a near equal position with the prosecutor (his deputy, assistant), who carries out the prosecution. Hence, an important criterion of legislative and intra-corporate establishment of disciplinary responsibility of the lawyer should be fair relativity with the same responsibility of the prosecutor (prosecutor's office employee).

Keywords: advocate, prosecutor, defense, prosecution, criminal proceedings, adversarial, equality, fairness, disciplinary liability, termination of status, dismissal

For citation: Bunin O.Yu. On the Unfairness of the Establishment of Disciplinary Responsibility of the Lawyer in the Code of Professional Ethics of the Lawyer = Eurasian Advocacy. 2024;1(66):43. (In Russ.). https://doi.org/ doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_43

Адвокатам-защитникам хорошо знакома проблема постоянно висящей над ними угрозы привлечения к дисциплинарной ответственности, вплоть до лишения статуса адвоката, за дисциплинарный проступок, связанный с осуществлением ими надлежащей (активной, местами даже креативной) защиты обвиняемых (подозреваемых, подсудимых и осужденных лиц) в уголовном деле. Также нам хорошо известны уголовно-процессуальные принципы и нормы о состязательности сторон уголовного процесса, их равноправии, а нахождении при этом непредвзятого суда – «над

© Бунин О.Ю., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

схваткой» (в частности, ст. 15 УПК РФ и др.), которые недалеко ушли от формально-декларативного характера.

Основой реализации прав адвоката-защитника (а в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ он имеет право использовать иные, а значит любые не запрещенные УПК РФ средства и способы защиты) должна являться его уверенность, прежде всего, в своей защищенности от специального давления на него локомотива стороны обвинения – прокурора, а также следователя и суда, имеющего даже не столько обвинительный уклон, сколько соблазн «выбить зубы» защите с целью нивелировать правовую активность (подача жалоб, частых ходатайств, заявления отводов и т. д.).

Вряд ли найдутся примеры привлечения к дисциплинарной ответственности помощника прокурора (не говоря уже о прокуроре или его заместителях) за неявку в судебное заседание, тогда как судьи неявку адвоката зачастую именуют «срывом судебного заседания». С трудом представляется возможной реализация дисциплинарной ответственности прокурора (заместителя, помощника), вплоть до возможного увольнения, за «срывы судебного заседания», за «неуважение к суду», за «неэтичное поведение в уголовном процессе», за «оскорбление свидетелей защиты» и прочие дисциплинарные проступки, связанные с деятельностью в уголовном судопроизводстве.

Та же неявка адвоката-защитника в судебное заседание, которую суд сочтет неуважительной, грозит ему дисциплинарной ответственностью, включая лишение статуса адвоката. В то время как неявка в судебное заседание государственного обвинителя, во-первых, легко решается с помощью его замены на любого другого его коллегу из этого органа прокуратуры (как правило, участвующего в это время в этом суде по другому делу). Во-вторых, случаи представлений судей (их письменных сообщений) в органы прокуратуры о неявке государственного обвинителя не встречались, но если таковое и бывает, то увольнение за это может последовать по трудовому кодексу, а не по этическому (например, в случае уже накопившихся умышленных прогулов данным работником).

В связи с этим кратко рассмотрим в сравнении законодательные и внутрикорпоративные установления видов дисциплинарной ответственности прокурора (работника прокуратуры) и адвоката.

В соответствии с п. 5.1 Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации (Приложение № 1 к приказу Генпрокуратуры РФ от 17.03.2010 № 114) к прокурорскому работнику могут быть применены следующие меры воздействия:

– устное замечание;

– предупреждение о недопустимости неэтичного поведения;

– требование о публичном извинении.

Таким образом, за нарушение определенных этических норм прокурору, помимо устного замечания и предупреждения, грозит «суровая» дисциплинарная ответственность в виде требования о публичном извинении. Тогда как над адвокатом довлеет кара в виде увольнения из профессии по любому направленному в палату письменному сообщению судьи (п. 4 ч. 1 ст. 20 КПЭА).

Сколько и какие меры дисциплинарной ответственности прокурорских работников установлены законодательно? Их восемь, включая увольнение (ст. 41.7 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»), а если не считать двух установленных мер лишения нагрудных знаков (ведь не у всех прокурорских работников они имеются), то шесть: замечание; выговор; строгий выговор; понижение в классном чине; лишение нагрудного знака «За безупречную службу в прокуратуре Российской Федерации»; лишение нагрудного знака «Почетный работник прокуратуры Российской Федерации»; предупреждение о неполном служебном соответствии; увольнение из органов прокуратуры.

Таким образом, перед тем как уволить любого прокурорского работника (как локомотив стороны обвинения), его можно «пожурить» тремя видами ответственности по кодексу прокурорской этики:

– сделать устное замечание;

– сделать предупреждение о недопустимости неэтичного поведения;

– потребовать публично извиниться.

И привлечь к пяти видам дисциплинарной ответственности по Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации»:

– объявить замечание;

– объявить выговор;

– объявить строгий выговор;

– понизить в классном чине;

– вынести предупреждение о неполном служебном соответствии.

У адвоката же до увольнения (и не просто увольнения, а увольнения из профессии) есть только два вида дисциплинарной ответственности (и оба указаны не в законе, а в Кодексе профессиональной этики адвоката): замечание и предупреждение. Итого: восемь видов против двух.

Таким образом, прокурор в четыре раза больше адвоката защищен только установленной дисциплинарной ответственностью. Прибавить сюда, что, участвуя в уголовном судопроизводстве, государственный обвинитель защищен подменой своих коллег «24 на 7» в любом процессе. И что судьи не позволяют вести себя с прокурорами так же, как с адвокатами, поскольку очевидным является обстоятельство принадлежности прокурора к очень властному правоохранительному госоргану, в отличие от принадлежности адвоката к «профессиональному сообществу» (согласно ч. 1 ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

При этом даже одно только количество жалоб на адвоката может просто перерасти в их «качество», когда повторный в течение года дисциплинарный проступок, «тянущий» по своей тяжести на замечание или предупреждение, может гарантированно явиться основанием для применения лишения адвокатского статуса.

В связи со всеми приведенными сравнительными обстоятельствами с целью установления основ для более полной и надлежащей реализации адвокатских прав и возможностей, в особенности по уголовной защите, необходимо:

1) использовать критерий справедливого (соразмерного) законодательного и внутрикорпоративного установления дисциплинарной ответственности относительно работника прокуратуры;

2) проанализировать и обоснованно предложить справедливо расширить по аналогии с дисциплинарной ответственностью работника прокуратуры перечень видов дисциплинарной ответственности адвоката, установив: вместо одного имеющегося замечания – устное замечание и дисциплинарное замечание; вместо одного (не выраженного, о чем именно) имеющегося предупреждения – предупреждение о недопустимости неэтичного поведения и предупреждение о неполном соответствии статусу адвоката.

Таким образом, мерами дисциплинарной ответственности адвоката могли бы явиться:

– устное замечание;

– предупреждение о недопустимости неэтичного поведения;

– дисциплинарное замечание;

– предупреждение о неполном профессиональном соответствии;

– прекращение статуса адвоката.

Также необходимо отдельно проработать и обоснованно предложить соответствующие справедливые законодательные и внутрикорпоративные изменения, направленные на закрепление возможности применения к адвокату-защитнику лишения статуса адвоката в связи с осуществлением им защиты по уголовному делу только в крайних этических случаях, которые явно и неоднократно направлены самим адвокатом против самой сути и содержания адвокатской деятельности.

Вспоминается случай лишения статуса мордовского адвоката за его летний свободный стиль одежды в судебном заседании – короткие брюки типа шорты и платочный головной убор. В 2017 г. адвокат пришел в судебное заседание Президиума Верховного Суда Республики Мордовия по уголовному делу в шортах, жилетке, бандане и с повязанным на шее шарфом. Поскольку адвокат таким образом нарушил порядок в судебном заседании, а требование председательствующего переодеться не выполнил, заседание было отложено. Президиум ВС Республики Мордовия вынес в отношении адвоката частное постановление, на основании которого было возбуждено дисциплинарное производство в связи с нарушением п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, предусматривающего, в частности, что адвокат должен «придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению». При этом суд первой инстанции, посчитав, что такая мера дисциплинарной ответственности, примененная в отношении адвоката, не соответствует тяжести его проступка, принял решение об удовлетворении его исковых требований в части восстановления адвокатского статуса. Однако с решением суда первой инстанции не согласился… президент АП Республики Мордовия, который подал апелляционную жалобу. Апелляция признала, что Совет адвокатской палаты обоснованно пришел к выводу о грубом нарушении КПЭА и применил соответствующую ему меру дисциплинарного взыскания в виде прекращения адвокатского статуса. В передаче к рассмотрению кассационной жалобы было отказано [1]. В этой связи Г.М. Резник справедливо отметил, что «адвокатуре не нужно печься об уважении правосудия больше самого суда» [2].

Как напомнил Конституционный Суд Российской Федерации в своем Определении от 13 октября 2009 г. № 1302-О-О, установление оснований, поводов и порядка привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности прямо отнесено законодателем к компетенции органов адвокатского сообщества (подп. 9 п. 3, п. 7 ст. 31 и п. 7 ст. 33 Закона об адвокатуре). Это, даже по

мнению КС РФ, вызвано необходимостью соблюдения принципов независимости и самоуправления адвокатуры, а также тем, что предполагается более полное и четкое регулирование вопросов адвокатской деятельности самим адвокатским сообществом.

А к какой ответственности за аналогичный поведенческий, «одежный» проступок мог бы быть привлечен прокурор (заместитель, помощник)? Требование придерживаться делового стиля одежды, соответствующего статусу государственного служащего, а также соблюдать разумную достаточность в использовании ювелирных изделий и иных украшений, установлено подп. 2.1.17 п. 2 Кодекса этики прокурорского работника, а согласно вышеупомянутому п. 5.1 данного Кодекса за нарушение положений настоящего Кодекса руководителем органа прокуратуры к прокурорскому работнику могут быть применены следующие меры воздействия: устное замечание; предупреждение о недопустимости неэтичного поведения; требование о публичном извинении. Подобная правовая несправедливость должна исправляться установлением равных или приближенных к равным мер дисциплинарной ответственности прокуроров и адвокатов (либо в сторону их смягчения к адвокатам, либо в сторону их ужесточения к прокурорам).

В заключение также отметим относительно недавнее изменение содержащегося в ч. 5 ст. 18 КПЭА пресекательного срока привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности с шести месяцев до двух лет со дня обнаружения проступка, не считая времени болезни или отпуска (принято решением состоявшегося 15 апреля 2021 г. X Всероссийского съезда адвокатов).

При этом в соответствии с положениями частей 6 и 8 ст. 41.7 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» дисциплинарное взыскание на работника прокуратуры налагается не позднее одного месяца со дня его обнаружения, не считая времени болезни работника или пребывания его в отпуске, но при этом оно не может быть наложено позднее шести месяцев со дня совершения проступка, а по результатам ревизии или проверки финансово-хозяйственной деятельности – двух лет со дня его совершения.

Таким образом, общий пресекательный срок привлечения прокурора (заместителя, помощника) к дисциплинарной ответственности составлял и составляет шесть месяцев, в него засчитывается время его болезни или отпуска (буквально это время не засчитывается, если взыскание налагается не позднее одного месяца со дня его обнаружения). Зачем же понадобилось самой адвокатской корпорации изменить справедливо установленный срок давности привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности на срок, несправедливо ухудшающий статус адвоката, остается вопросом.

Список источников

1. «Дело адвоката в шортах и бандане». Может ли адвокат быть лишен статуса за срыв процесса после отказа выполнить просьбу суда соблюсти дресс-код? // Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.advgazeta.ru/diskussii/delo-advokata-v-shortakh-i-bandane.

2. Не нужно заботиться об уважении правосудия больше самого суда. О соразмерности наказания тяжести дисциплинарного проступка // Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/ne-nuzhno-zabotitsya-ob-uvazhenii-pravosudiya-bolshe-samogo-suda/.

References

1. «Delo advokata v shortax i bandane». Mozhet li advokat by`t` lishen statusa za sry`v processa posle otkaza vy`polnit` pros`bu suda soblyusti dress-kod? // Advokatskaya gazeta. Organ Federal`noj palaty` advokatov RF [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.advgazeta.ru/diskussii/delo-advokata-v-shortakh-i-bandane.

2. Ne nuzhno zabotit`sya ob uvazhenii pravosudiya bol`she samogo suda. O sorazmernosti nakazaniya tyazhesti disciplinarnogo prostupka // Advokatskaya gazeta. Organ Federal`noj palaty` advokatov RF [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/ne-nuzhno-zabotitsya-ob-uvazhenii-pravosudiya-bolshe-samogo-suda/.

Статья поступила в редакцию 10.12.2023; одобрена после рецензирования 15.12.2023; принята к публикации 15.12.2023.

The article was submitted 10.12.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 15.12.2023.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 47.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):47.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 347.92
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_47

СВИДЕТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ КАК ГАРАНТ ДОСТОВЕРНОСТИ ПОКАЗАНИЙ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

ЛОБАНОВ Николай Станиславович
Аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского финансово-юридического университета (МФЮА), адвокат
115191, г. Москва, ул. Серпуховский вал, д. 17, к. 1, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассмотрены основные положения действующего законодательства, регламентирующие свидетельский иммунитет в цивилистическом процессе Российской Федерации. Рассмотрено значение данного института с точки зрения теории доказательств, борьбы со лжесвидетельством и улучшения достоверности свидетельских показаний в рамках цивилистического процесса. Сделан вывод о необходимости модернизации данного института как путем унификации положений о свидетельском иммунитете в гражданском и арбитражном процессах, так и путем внесения необходимых изменений в действующее правовое регулирование.

Ключевые слова: свидетельский иммунитет, иммунитет, гражданский процесс, лжесвидетельство, доказывание, достоверность, достоверность доказательства, арбитражный процесс, тайна исповеди, адвокатская тайна

Для цитирования: Лобанов Н.С. Свидетельский иммунитет как гарант достоверности показаний в цивилистическом процессе // Евразийская адвокатура. 2024. № 1(66). С. 47. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_47

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

WITNESS IMMUNITY AS A GUARANTOR OF THE RELIABILITY OF TESTIMONY IN THE CIVIL PROCESS

LOBANOV Nikolay Stanislavovich
Postgraduate Student of the Department of Civil Law Disciplines of Moscow University of Finance and Law (MFUA), advocate
115191, Moscow, Serpukhovski Val str., 17, к.1, Russian Federation

Abstract: The article examines the main provisions of the current legislation regulating witness immunity in the civil process of the Russian Federation. The importance of this institution is considered from the point of view of the theory of evidence, the fight against perjury and improving the reliability of testimony within the framework of the civil process. It is concluded that it is necessary to modernize this institution both by unifying the provisions on witness immunity in civil and arbitration proceedings, and by introducing the necessary changes to the current legal regulation.

Keywords: witness immunity, immunity, civil process, perjury, evidence, reliability, reliability of evidence, arbitration process, confidentiality of confession, advocate confidentiality

For citation: Lobanov N.S. Witness Immunity as a Guarantor of the Reliability of Testimony in the Civil Process = Eurasian Advocacy. 2024;1(66):47. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_47

Одним из ключевых принципов рассмотрения дел в рамках цивилистического процесса является принцип полного и всестороннего исследования доказательств и установления фактических обстоятельств дела (ст. 12 ГПК РФ, ст. 9 АПК РФ). Исходя из вышеизложенного принципа, суд, исключая соображения процессуальной экономии, должен максимально полно и детально установить все обстоятельства, являющиеся предметом доказывания в рамках спора. Вследствие вышеизложенного, по общему правилу, любое доказательство, если оно соответствует критериям относимости, допустимости и достоверности, должно быть рассмотрено судом в рамках процесса доказывания, что и представляет собой реализацию принципа полного рас-

© Лобанов Н.С., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

смотрения дела в рамках цивилистического процесса.

Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на доминирование принципа полноты рассмотрения дела в рамках цивилистического процесса, законодатель установил также некоторые ограничения на реализацию такого принципа, одним из которых и является институт свидетельского иммунитета.

Рассматривая правовую природу иммунитета как института права, Е.А. Яковенко констатирует, что иммунитет по своей правовой природе близок к понятиям «льгота» и «привилегия» [1]. Как отмечает А.Г. Репьев, в научной литературе существует следующее представление об основных отличиях иммунитета от льгот и привилегий:

– иммунитет имеет отрицательный характер. Таким образом, он не дает каких-либо преимуществ лицу, обладающему иммунитетом, однако освобождает от ответственности либо ограничивает ответственность лица, пользующегося соответствующим иммунитетом;

– иммунитет распространяется на конкретный, неперсонализированный круг лиц, определенный в соответствующих актах законодательства;

– цель иммунитета состоит в том, чтобы лицо, которое пользуется соответствующим иммунитетом, имело возможность выполнять свои общественные, государственные или международно-правовые функции [2, с. 13].

Рассматривая вышеуказанную концепцию иммунитета применительно к свидетельскому иммунитету, необходимо констатировать, что свидетельский иммунитет действительно имеет отрицательный характер, так как предоставляет лицу, наделенному соответствующим иммунитетом, право не быть свидетелем в суде без каких-либо негативных правовых последствий для себя. Также верно, что свидетельский иммунитет в цивилистическом процессе распространяется не на конкретное лицо, а на определенную группу лиц.

Вместе с тем спорным представляется утверждение относительно того, что свидетельский иммунитет связан с выполнением государственных либо иных общественно важных функций. Ведь к категории лиц, наделенных свидетельским иммунитетом, относятся как лица, выполняющие определенные государственные или общественные функции (например, судьи, адвокаты), так и лица, не наделенные такими функциями (например, близкие родственники стороны по делу).

Очевидно, что цель иммунитета состоит не только в том, чтобы защитить определенные категории лиц от юридической ответственности, но также и в том, чтобы исключить судебную ошибку путем обеспечения достоверности получаемых в ходе процесса доказательств в виде показаний свидетеля через защиту от лжесвидетельства. Так, в отсутствие свидетельского иммунитета родственники будут часто обманывать суд, что снизит качество доказательной базы по делу, может привести к принятию необоснованного и незаконного судебного акта по делу. Именно поэтому суд отступает от принципа формального равенства, предоставляя свидетельский иммунитет определенным категориям лиц [3, с. 44].

Необходимо отметить, что лжесвидетельство является одной из основных проблем определения подлинности доказательств. Как справедливо отмечает Р.С. Кузнецов, лжесвидетельство деформирует сам процесс доказывания, так как не позволяет отличить истинное доказательство от поддельного [4, с. 479].

Общественная опасность лжесвидетельства, посягающая на правоотношения в сфере нормального осуществления правосудия, очевидна, что стало причиной для криминализации данного деяния. Вместе с тем, несмотря на то, что уголовно-правовое регулирование представляет собой самый жесткий вид юридической ответственности, очевидно, что только лишь установление санкций неспособно решить проблему лжесвидетельства в рамках судебного процесса.

Исходя из вышеизложенного, борьба со лжесвидетельством в рамках судебного процесса не может ограничиваться исключительно карательными мерами за нарушение данного закона, особенно учитывая то обстоятельство, что далеко не во всех случаях существует реальная возможность для привлечения лица к уголовной ответственности за лжесвидетельство. Не менее важной, с точки зрения обеспечения достоверности доказательств в рамках цивилистического процесса, является борьба с причинами лжесвидетельства.

Одна из ключевых причин лжесвидетельства состоит в том, что субъект лжесвидетельства пытается создать более благоприятную, по сравнению с действительностью, картину для той или иной стороны судебного процесса. При этом причины такого лжесвидетельства могут различаться: в одних случаях лицо осуществляет эти действия ради собственной выгоды (и в этом случае, безусловно, нарушение общественного интереса ничем невозможно оправдать), однако в иных случаях причиной лжесвидетельства является вполне оправданное желание защитить близкого человека. И именно в этих случаях законодатель, с од-

ной стороны, не желая создавать неразрешимый конфликт между моралью свидетеля и правом, а с другой – с целью улучшения качества доказательств в судебном процессе, ввел институт свидетельского иммунитета.

В контексте свидетельского иммунитета законодатель выделяет две группы лиц: лица, которые в принципе не подлежат допросу в качестве свидетелей, и лица, которые вправе не свидетельствовать против себя и иной, закрепленной в законе, категорий лиц (ст. 69 ГПК РФ, ст. 56 АПК РФ). При этом, в строгом смысле слова, иммунитетом обладает лишь первая категория лиц, которая таким образом освобождается от ответственности за отказ от дачи показаний. Следует отметить, что такая позиция имеет место в правовой науке, но не является доминирующей [5].

Рассмотрим некоторые категории лиц, которые обладают свидетельским иммунитетом, в разрезе того, насколько наделение данных лиц свидетельским иммунитетом будет способствовать улучшению доказательной базы в гражданском процессе и уменьшению количества случаев лжесвидетельства.

Так, в соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 69 ГПК РФ не подлежат допросу в гражданском процессе представители по гражданскому или административному делу, или защитники по уголовному делу, делу об административном правонарушении, или медиаторы, судебные примирители – об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением обязанностей представителя, защитника или медиатора, судебного примирителя.

В качестве ремарки относительно поименованной нормы закона стоит заметить, что буквальное толкование данного перечня позволяет сделать вывод, что допросу как свидетели по делу подлежат представители, принимающие участие в рассмотрении дела в рамках конституционного судопроизводства в порядке ФКЗ «О Конституционном Суде РФ». Также не урегулирован вопрос относительно возможности допроса в качестве свидетелей представителей, осуществляющих свою деятельность в рамках рассмотрения дел в международных арбитражах и третейских судах. Предполагается, что вышеуказанная формулировка является неудачной, и представляется правильным ее замена на формулировку «представители или защитники при рассмотрении дел в государственных судах всех инстанций, международных коммерческих и иных арбитражах».

Очевидно, что свидетельский иммунитет представителя в суде, даже если он не является адвокатом, составляет важную гарантию обеспечения процессуальной независимости сторон, создания доверительных отношений между представителем и представляемым.

Что же касается профессионального представителя – адвоката, то, более того, в соответствии с ч. 2.1 ст. 17 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» нарушение адвокатом адвокатской тайны является основанием для привлечения такого адвоката к дисциплинарной ответственности.

Если бы адвокат-представитель не обладал свидетельским иммунитетом, то, очевидно, перед ним стоял бы выбор между нарушением адвокатской тайны, что потенциально влечет дисциплинарную ответственность вплоть до лишения права на профессию, и уголовной ответственностью за отказ от дачи показаний. В подобной ситуации с высокой долей вероятности можно предположить, что, дабы не навредить ни себе, ни своему доверителю, адвокат бы выбрал лжесвидетельство. Указанное подтверждает позицию о том, что свидетельский иммунитет является важной защитой от лжесвидетельства для большинства категорий лиц, наделенных таким иммунитетом [6].

В контексте подлинности свидетельских показаний представителя как доказательства в суде следует отметить, что в силу норм АПК РФ и ГПК РФ представитель в рамках цивилистического процесса фактически отождествлен с представляемым. Таким образом, в отсутствие свидетельского иммунитета обязанность представителя свидетельствовать в суде фактически бы равнялась обязанности стороны свидетельствовать против самого себя. При этом очевидно, что показания представителя в судебном процессе были бы крайне ненадежным, с точки зрения подлинности, источником доказательств. Именно поэтому законодатель, по мнению автора, справедливо, установил абсолютный (императивный) запрет на использование показаний такого свидетеля.

Следующую рассматриваемую категорию лиц, не подлежащую допросу в гражданском процессе, составляют священнослужители. ГПК РФ выдвигает три требования для абсолютного иммунитета такого лица:

– лицо должно быть священнослужителем, то есть занимать определенную должность в религиозной организации;

– лицо должно быть священнослужителем зарегистрированной в соответствии с законодательством религиозной организации;

– сведения должны быть получены на исповеди.

Как отмечает И.А. Бурмейстр, свидетельский иммунитет священника в гражданском и уголовном производстве отличается: так, в уголовном производстве тайна исповеди устанавливается в отношении любого священника, вне зависимости от того, зарегистрирована ли его организация в установленном законодательством порядке [7, с. 4].

Отдельной проблемой в данном случае является то, что понятие «исповедь» является христианским и, как указывает В.А. Коллантай, не характерна для иных религий, где имеют место быть иные формы покаяния [8]. По мнению автора, государство не может и не должно вникать в подробности каждой из религий, признавая исповедью, в понимании процессуального законодательства, любой конфиденциальный разговор между священнослужителем и иным лицом, если сам священнослужитель заявляет о невозможности разглашения данной информации по своей религиозной доктрине.

Как отмечает А.В. Лошкарев, в научной доктрине существуют серьезные замечания относительно наделения свидетельским иммунитетом священников, так как Российская Федерация является светским государством, и, следовательно, церковь отделена от государства [9].

Разрешая описанную коллизию, следует отметить, что на уровне конституционно-правового регулирования закреплена такая привилегия, как право лица заменить военную службу альтернативной службой в соответствии со своими религиозными воззрениями (ч. 3 ст. 59 Конституции РФ), что, в свою очередь, не считается нарушением принципа светского государства. Исходя из вышеизложенного, установление и закрепление свидетельского иммунитета священника представляется соответствующим действующему конституционно-правовому регулированию.

Итак, говоря об иммунитете священнослужителя, представим ситуацию, при которой свидетель-священнослужитель не был бы наделен свидетельским иммунитетом. Положения религии прямо запрещают священнослужителю давать показания относительно сведений, полученных на исповеди. При этом открытый отказ от дачи показаний приведет к уголовной ответственности священнослужителя. В такой ситуации, при отсутствии свидетельского иммунитета, священнослужитель с высокой вероятностью также может дать неправдивые показания.

Следует заметить, что, в отличие от ГПК РФ, нормы АПК РФ, в частности ст. 56, вовсе не содержат запрета на допрос священника в отношении обстоятельств, ставших ему известными на исповеди, что следует рассматривать в качестве одного из недостатков действующего правового регулирования. Безусловно, можно предположить не настолько широкий круг ситуаций, в рамках которых священнослужитель может быть вызван в арбитражный суд в качестве свидетеля (особенно учитывая, что показания свидетелей в арбитражных судах имеют намного меньшую роль, чем в судах общей юрисдикции), однако очевидно, что в данном случае имеет место быть несовершенство действующего законодательства, которое должно быть устранено.

Рассматривая же вопрос подлинности показаний, полученных священником, отметим, что нет оснований считать, что священнослужитель, находясь перед выбором, между, с одной стороны, возможностью получения свидетельского иммунитета, а с другой – юридической ответственностью за дачу заведомо ложных показаний, будет массово выбирать более рискованный для себя вариант, осуществляя лжесвидетельство.

Таким образом, в отношении свидетельского иммунитета священнослужителя можно предложить:

– наделить свидетельским иммунитетом священнослужителей всех конфессий при рассмотрении дела в арбитражном процессе;

– установить, что таким иммунитетом наделяются как священнослужители зарегистрированных религиозных организаций, так и иные священнослужители. При этом необходимо установить право суда ограничивать свидетельский иммунитет священнослужителей незарегистрированных религиозных организаций в том случае, если речь идет о явном злоупотреблении правом.

Бесспорным основанием для наделения лица свидетельским иммунитетом является отношение близкого родства. В пункте 5 Постановления Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П провозглашено, что освобождение лица от обязанности давать показания, могущие ухудшить положение его самого или его близких родственников либо привести к разглашению доверенной ему охраняемой законом тайны, т. е. наделение этого лица свидетельским иммунитетом, является одной из важнейших и необходимых предпосылок реального соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Великий российский юрист А.Ф. Кони писал, что «Закон щадит те чувства, которые даже при сознании свидетелем виновности подсудимого или наличности изобличающих его факторов заставляли бы нередко сердце дающего показания

обливаться слезами и кровью или искать облегчения своего тяжелого положения во лжи» [10]. Таким образом, свидетельский иммунитет близких родственников издавна рассматривался как способ борьбы со лжесвидетельством. Отсутствие у родственников свидетельского иммунитета при этом с крайне высокой долей вероятности приведет к тому, что, опираясь на семейные узы, на нравственные категории совести, морали и милосердия, их показания будут ложными, что, в свою очередь, существенно снизит качество доказывания и, как результат, приведет к росту необоснованных, незаконных судебных актов.

Вместе с тем необходимо отметить, что суды не всегда верно понимают свидетельский иммунитет родственников. Так, например, по делу № А10-1084/2021 Арбитражный суд Республики Бурятия отказал в допросе родственников как свидетелей по делу со ссылкой на судебный иммунитет, указав, что «такие свидетели могут иметь родственную заинтересованность в исходе дела, данные обстоятельства влияют на достоверность полученных доказательств». Признавая право суда на критическую оценку таких доказательств по делу, следует отметить, что суд не выслушал такие показания в принципе, что является нарушением принципов диспозитивности и полноты рассмотрения дела судом.

Как для священнослужителей, так и для близких родственников определенного лица, свидетельский иммунитет обуславливается прежде всего моральными представлениями. Заметим, что некоторые исследователи предлагают расширить данную группу лиц. Так, как отмечает Л.И. Малахова, в некоторых традиционных этнических общностях считается недопустимым содействовать представителям власти. Нарушение таких «негласных правил» влечет для соплеменника негативные последствия со стороны общины, вплоть до смерти. Исходя из вышеизложенного, исследователь предлагает наделить свидетельским иммунитетом членов общины в отношении других соплеменников [11, с. 70].

Вышеуказанная позиция, по мнению автора, представляется спорной и избыточной. Очевидно, что границы свидетельского иммунитета, основанного на моральных соображениях, должны ограничиваться моральными принципами общества в целом, а не его отдельных групп. Иное бы привело к злоупотреблению подобными отдельными группами процессуальными правами через призму свидетельского иммунитета и сжало границы доказывания в процессе. С другой же стороны, в отсутствие свидетельского иммунитета в отношении описываемых отдельных групп в ходе допроса свидетеля, состоящего в такой группе лиц, с большой долей вероятности суду будут изложены искаженные факты.

В схожем неустойчивом положении находится обоснованность наделения свидетельским иммунитетом лиц, фактически совместно проживающих без регистрации брака. Не вызывает сомнений, что, хотя при традиционном понимании брак и влечет, прежде всего, возникновение взаимных имущественных прав и обязанностей сторон, но именно с фактом регистрации брака, а не с фактом совместного проживания и ведения общего хозяйства (сожительства) законодательство связывает возникновение близкой родственной связи и, как следствие, возможность распространения свидетельского иммунитета на таких лиц [12]. Рассматривая же показания сожителей (бывших сожителей), официально не зарегистрировавших брачные отношения, в контексте достоверности таких показаний, Ю.О. Чебыкина отмечает, что данные лица бывают ближе, чем самые близкие родственники, и зачастую могут быть необъективными, что существенно снижает качество показаний этой группы лиц [13, с. 78]. С другой же стороны, по мнению Е.В. Силиной, наделение сожителей свидетельским иммунитетом может также привести к существенным злоупотреблениям правом, учитывая, что практически любые мужчина и женщина могут договориться не давать показания в суде, заявив о фактическом сожительстве [14, с. 216]. Учитывая наличие такого риска и в то же время необходимость защитить законные интересы сожителей, представляется целесообразным наделение суда полномочиями относительно возможности либо невозможности наделения сожителя свидетельским иммунитетом в каждом конкретном случае.

Как итог следует заключить, что институт свидетельского иммунитета в цивилистическом процессе является важнейшим институтом доказывания, позволяющим достичь сразу нескольких целей. С одной стороны, данный институт позволяет гармонизировать право и мораль, отступая от принципа формального равенства и позволяя определенным категориям лиц не быть свидетелями без риска наступления негативных юридических последствий. С другой стороны, институт свидетельского иммунитета существенным образом улучшает качество свидетельских показаний, являясь гарантом достоверности данного вида доказательства. Исходя из вышеизложенного, при рассмотрении конкретных свидетельских иммунитетов в цивилистическом процессе, их форм и

пределов применения необходимо руководствоваться именно двумя вышеуказанными целями имплементации данного института в процессуальное право.

Список источников

1. Яковенко Е.А. К вопросу о правовой природе иммунитетов. Соотношение категорий «Иммунитет», «Привилегия», «Льгота» // Вестник ЧелГУ. 2010. № 33 (214). С. 10–15.
2. Репьев А.Г. Правовые категории «Иммунитет», «Привилегия», «Льгота»: грани соприкосновения // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 2 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-kategorii-immunitet-privilegiya-lgota-grani-soprikosnoveniya.
3. Ильина К.Е. Свидетельский иммунитет в гражданском процессуальном праве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 4-3 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svidetelskiy-immunitet-v-grazhdanskom-protsessualnom-prave-1.
4. Кузнецов Р.С. Предпосылки установления уголовно-правовых запретов на совершение заведомо ложного доноса и лжесвидетельства // Вестник науки. 2023. № 12 (68). С. 476–481.
5. Ананьина А.В. Свидетельский иммунитет // Вестник магистратуры. 2019. № 3-1 (90). С. 80–81.
6. Назаренко А.Е. Актуальные вопросы свидетельского иммунитета в российском гражданском процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12-4. С. 18–20.
7. Бурмейстер И.А. Тайна исповеди: теоретико-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. 2010. № 2. С. 3–7.
8. Коллантай В.А., Копыстко П.П. Допрос священнослужителя в доказательственном судебном процессе // Вопросы теологии. 2022. № 2. С. 275–282.
9. Лошкарев А.В., Багдасарян Д.Г. Свидетельский иммунитет в гражданском процессуальном праве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 3-1 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svidetelskiy-immunitet-v-grazhdanskom-protsessualnom-prave.
10. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Собр. соч.: в 8 т. М.: Юрид. лит., 1967. Т. 4.
11. Малахова Л.И. Моральные основы пределов свидетельского иммунитета // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 4. С. 67–71.
12. Волос А.А. Слабая сторона брачного договора // Нотариус. 2018. № 4. С. 26–29.
13. Чебыкина Ю.О. Проблемы использования свидетельских показаний в качестве средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе // Наука без границ. 2017. № 5 (10). С. 76–81.
14. Силина Е.В., Колесникова М.М. Вопросы реализации свидетельского иммунитета в гражданском процессе // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 4 (46). С. 212–217.

References

1. Yakovenko E.A. K voprosu o pravovoj prirode immunitetov. Sootnoshenie kategorij «Immunitet», «Privilegiya», «L`gota» // Vestnik ChelGU. 2010. № 33 (214). S. 10–15.
2. Rep`ev A.G. Pravovy`e kategorii «Immunitet», «Privilegiya», «L`gota»: grani soprikosnoveniya // Izvestiya vuzov. Povolzhskij region. Obshhestvenny`e nauki. 2012. № 2 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-kategorii-immunitet-privilegiya-lgota-grani-soprikosnoveniya.
3. Il`ina K.E. Svidetel`skij immunitet v grazhdanskom processual`nom prave // Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2022. № 4-3 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svidetelskiy-immunitet-v-grazhdanskom-protsessualnom-prave-1.
4. Kuzneczov R.S. Predposy`lki ustanovleniya ugolovno-pravovy`x zapretov na sovershenie zavedomo lozhnogo donosa i lzhesvidetel`stva // Vestnik nauki. 2023. № 12 (68). S. 476–481.
5. Anan`ina A.V. Svidetel`skij immunitet // Vestnik magistratury`. 2019. № 3-1 (90). S. 80–81.
6. Nazarenko A.E. Aktual`ny`e voprosy` svidetel`skogo immuniteta v rossijskom grazhdanskom processe // Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2020. № 12-4. S. 18–20.
7. Burmejster I.A. Tajna ispovedi: teoretiko-pravovoj aspekt // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2010. № 2. S. 3–7.
8. Kollantaj V.A., Kopy`stko P.P. Dopros svyashhennosluzhitelya v dokazatel`stvennom sudebnom processe // Voprosy` teologii. 2022. № 2. S. 275–282.
9. Loshkarev A.V., Bagdasaryan D.G. Svidetel`skij immunitet v grazhdanskom processual`nom prave // Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2021. № 3-1 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svidetelskiy-immunitet-v-grazhdanskom-protsessualnom-prave.
10. Koni A.F. Nravstvenny`e nachala v ugolovnom processe // Sobr. soch.: v 8 t. M.: Yurid. lit., 1967. T. 4.
11. Malaxova L.I. Moral`ny`e osnovy` predelov svidetel`skogo immuniteta // Sudebnaya vlast` i ugolovny`j process. 2019. № 4. S. 67–71.
12. Volos A.A. Slabaya storona brachnogo dogovora // Notarius. 2018. № 4. S. 26–29.
13. Cheby`kina Yu.O. Problemy` ispol`zovaniya svidetel`skix pokazanij v kachestve sredstva dokazy`vaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom processe // Nauka bez granicz. 2017. № 5 (10). S. 76–81.
14. Silina E.V., Kolesnikova M.M. Voprosy` realizacii svidetel`skogo immuniteta v grazhdanskom processe // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2016. № 4 (46). S. 212–217.

Статья поступила в редакцию 08.02.2024; одобрена после рецензирования 13.02.2024; принята к публикации 13.02.2024.

The article was submitted 08.02.2024; approved after reviewing 13.02.2024; accepted for publication 13.02.2024.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 53.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):53.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 343.342.3; 81-114.2
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_53

СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ МОДЕЛЕЙ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ПОВЕДЕНИЯ И ХАРАКТЕРИСТИК ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК[1]

ЕМЕЛИН Сергей Михайлович
Доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, директор Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
450077, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 6, Российская Федерация

САЛИХОВА Эльвина Ахнафовна
Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела этнополитологии, ученый секретарь Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
450077, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 6, Российская Федерация

Аннотация: Цель работы – кратко охарактеризовать потенциал социально-антропологического и когнитивного подходов в числе известных в юриспруденции и юрислингвистике при описании классических моделей экстремистского поведения и при выявлении идеологических установок в конфликтных текстах. Использовались формально-юридический, сопоставительный, структурно-функциональный метод, отдельные приемы лингвоэкспертологического, психолингвистического инструментария. Из избранных методологических принципов отобраны объективность оценки фактов и событий, нейтральность исследовательской позиции, учёт социально-политического контекста. Обобщенно представлены имеющиеся в арсенале различных концепций подходы, исследованы заявленные в теме с акцентом на их возможностях в разработке адекватной системы противодействия экстремизму. Значимость работы заключается также в том, что в ней рассмотрена специфика моделей поведения и мышления экстремистов как жестко прагматичных и мотивированных соответствующими идеологемами, обусловленных когнитивными искажениями.

Ключевые слова: антропологический подход, когнитивный подход, экстремизм, когнитивные искажения, социальные системы

Для цитирования: Емелин С.М., Салихова Э.А. Социально-антропологический и когнитивный подходы к анализу моделей экстремистского поведения и характеристик идеологических установок // Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 53. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_53

Actual problems of advocacy practice

Original article

SOCIO-ANTHROPOLOGICAL AND COGNITIVE APPROACHES TO THE ANALYSIS OF EXTREMIST BEHAVIOR MODELS AND CHARACTERISTICS OF IDEOLOGICAL ATTITUDES

EMELIN Sergei Mikhailovich
Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Director of the R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
450077, Ufa, st. K. Marksa, 6, Russian Federation

SALIKHOVA Elvina Akhnafovna
Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher Department of Ethnopolitical Sciences, academic secretary of the R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
450077, Ufa, st. K. Marksa, 6, Russian Federation

1 Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы по государственному заданию ИЭИ УФИЦ РАН № АААА-А21-121012290084-6.

© Емелин С.М., Салихова Э.А., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

Abstract: The purpose of the work is to briefly characterize the possibilities of socio-anthropological and cognitive approaches, among those known in jurisprudence and jurislinguistics, in describing classical models of extremist behavior and in identifying the ideological settings of conflict texts and reconstructing social rituals. Formal-legal, comparative, structural-functional methods, and individual techniques of linguo-expertological and psycholinguistic tools were used. Of the selected methodological principles, the most important are the objectivity of the assessment of facts and events, the neutrality of the research position, and consideration of the socio-political context. The article summarizes the approaches available in the arsenal of various concepts and examines those stated in the topic with an emphasis on their capabilities in developing an adequate system for countering extremism. The significance of the work also lies in the fact that it examines the specifics of extremist behavior patterns and thinking as strictly pragmatic and motivated by corresponding ideologies, due to the normal functioning of the psyche and cognitive distortions.

Keywords: anthropological approach, cognitive approach, extremism, cognitive distortions, social systems

For citation: Emelin S.M., Salikhova E.A. Socio-anthropological and Cognitive Approaches to the Analysis of Models of Extremist Behavior and Characteristics of Ideological Attitudes = Eurasian Advocacy. 2024;1(66):53. (In Russ.). https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_53

Введение. Во все более увеличивающемся числе работ, посвященных проблемам экстремизма, освещаются различные аспекты его изучения – от возникновения, факторов развития деструктивных тенденций, методологии исследований до формирования принципов и поисков технологий противодействия [7]. Вне юридической, социально-антропологической и когнитивной интерпретации остается специфика реализации экстремистских идей, игнорирование которой может привести к неверной оценке рисков, усилению насильственных тенденций. Адекватное описание указанного феномена представляется весьма проблематичным, поскольку внедрение радикалистских идей тесно сопряжено с постоянно меняющейся социально-политической составляющей.

С целью разработки эффективных управленческих решений при профилактике и нейтрализации экстремистских тенденций в поликонфессиональных и полиязычных республиках авторы статьи обращаются к описанию социально-антропологического и когнитивного подходов к изучению экстремизма. Многогранность рассматриваемой проблемы позволяет авторам сосредоточиться на обозначенных методологических приемах с учетом функционирующих в практике правоприменительных, экспертных процедур, внушительного количества способов и обратиться к характеристике таких ресурсов, что апробированы при теоретическом и эмпирическом изучении экстремизма как «эффекта дезорганизации социальной системы» [8, с. 256]. На последнее безусловное воздействие оказывает «системная дезорганизация социума как на социетальном, так и на микроуровне» [10, с. 256]. Модели «радикализации мыслительных и поведенческих сценариев» идентичны в различных экстремистских организациях, отличны в них только идеологические установки [4, с. 107].

Методы исследования. В предпринятом исследовании понимание экстремистских сообществ описывается посредством социально-антропологического и когнитивного инструментария, а их деятельность характеризуется авторами в современном историческом контексте и в рамках действующего законодательства. Рассматривая естественную когнитивную систему человека как ранее социализированное поведение, авторы квалифицируют привнесение экстремистских идей в эту систему извне как дисфункциональный процесс, который обусловлен когнитивными искажениями. Под «естественной когнитивной системой» человека понимается «сложившаяся в ходе его интеллектуального становления система знаний об окружающей действительности, формирующая в его сознании целостную картину мира» [8, с. 255]. В психологии социальной сферы считается, что качество функционирования когнитивной системы человека обеспечивается уровнем развития его психоэмоциональной сферы за счёт взаимодействия высших психических функций, социальных по происхождению, опосредствованных по психологическому строению и произвольных по способу своего осуществления [5; 7].

Результаты исследования и их обсуждение. По А.А. Тимченко, зачатки экстремистских идей возникают при совокупном проявлении следующих факторов:

– при образовании духовно-правового вакуума, кризиса ценностно-нормативной системы на фоне криминализации сознания и т. д. (социально-культурные причины);

– при низком уровне заработной платы, слабом социальном обеспечении населения, поляризации доходов разных слоев населения (экономические);

– при недостаточной вертикальной мобильности, кризисе социализации и сбоев в воспита-

нии подрастающего поколения, при незаконной миграции, организованной преступности, коррупции (социальные);

– при ограничении возможностей для выражения собственных политических взглядов, регламентации митинговой активности в современном российском законодательстве, радикализирующей политические протесты (социально-политические);

– в случае, когда государством и социумом не найдены действенные способы регуляции и управления медиапространством, прежде всего Интернетом (социально-коммуникативные) [8, с. 254–255].

Проблема экстремизма в современных условиях РФ и ее субъектов осложнена тем, что бóльшей части населения присуще криминализированное сознание, следствием чего становятся подмена понятий и непонимание сущности экстремизма, доходящее до толерантного отношения к данному явлению. Криминализация сознания неразрывно связана с низким уровнем правовой культуры, под которой целесообразно понимать «общий уровень знаний и объективное отношение общества к праву» [2, с. 120]. Отмечается господство социально-мифологических установок и стереотипов в картинах мира современных россиян, формированию которых в значительной степени способствует специфика массовой коммуникации (в том числе Интернет).

Теоретическая платформа научных изысканий в этом направлении базируется на определенных концепциях, выдвигающих на первый план тот или иной аспект проблемы [4]: так, ориентирующийся на ненормативное поведение подход [13] рассматривает экстремизм в контексте отклоняющегося (девиантного) поведения. Ч. Винтер и У. Хасан дополняют подобную трактовку Р. Пруса [16], подразумевая под экстремизмом деятельность отделившейся от социума группы, сознательно отвергающей традиционные культурные нормы, негативно относящейся к представителям иных взглядов и тем самым нарушающей социальное равновесие. Рассуждая в этом же русле, В.П. Кириленко и Г.В. Алексеев обращают внимание на криминологический аспект рассматриваемого явления: подчеркивается радикальный характер этой идеологии, к основным преступлениям причисляются террористические акты, бандитизм и даже массовые беспорядки, отражающие «агрессивные настроения определённых радикалов по отношению к политическому классу и доминирующей идеологии» [7, с. 565]. Выделяют критерии классификации экстремизма по методам и целям воздействия; по использованию вида оружия; по политическому характеру [3, с. 118] и т. д.

Привлекает внимание позиция, опирающаяся на особенности функционирования когнитивной системы, принципы работы психики. Когнитивное мышление, как известно, формируется и развивается под влиянием социальной среды, которая непосредственно может влиять на выстраивание порой иллюзорных представлений о бессмертии (например, экстремистские интерпретации «джихада меча» из исламской риторики), разумном замысле себя и символических значениях явлений, в том числе о вере в сверхъестественные силы и о сакральном значении некоторых коммуникативных связей (Дж. Беринг [12]). Через умелое манипулирование когнитивными структурами экстремистская идеология получает статус «естественной», в результате чего участники таких организаций принимают решение как свободное волеизъявление. Лингвоэкспертологический опыт одного из авторов показывает, что рассуждения о джихаде часто формируют у адресатов исключительно узкое представление об этом понятии – только в связи с вооруженной борьбой с «неверными», чем оправдывается их уничтожение религиозными предписаниями: *Джихад – это война и не более; берешь меч и воюешь против кяфиров; все мухаджиды делают джихад; джихад, как сказал Посланник (да благословит его Аллах и приветствует), на пути Аллаха воевать против кяфиров* (из материалов экспертиз и досудебных исследований).

Экстремизм проявляется в «противодействии социально-политическому и экономическому положению противоправными действиями с опорой на идеи исключительности и избранности» [4; 5]. Радикальный экстремизм с применением насилия подразумевает наличие соответствующего знания, мотивации и идеологического обоснования насилия как единственного средства достижения цели (Г. Тичини и Дж. Ламоте [15]). Подобная концепция основывается на мировоззренческой оппозиции «сакрализованные «свои» ↔ демонизированные «чужие». Психологи полагают, что данное состояние является плодотворной основой для развития экстремистских / террористических идей при соответствующей идеологической обработке и социальном влиянии.

Обратимся к получившему в свое время распространение в социальных сетях 35-секундному видеообращению запрещенного на территории России «NOGAY DJAMAAT» (террористическое ваххабитское структурное подразделение Кавказ-

ского фронта вилаята «Ногайская степь» (Ставропольский край) Кавказского эмирата (организация включена в «Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими») [17]), ставшему предметом внимания правоохранительных органов:

«Дорогие братья и сестры! Мы, муджахиды «Ногайского Джамаата» делаем Вам очередное видеообращение. Я обращаюсь к вам, мужчинам этой «уммы», сколько можно отсиживаться и терпеть нападки, унижения кафиров? Как вы можете смотреть на унижение наших сестер и братьев, ведь «джихад» – это приказ Аллаха, и посланник Аллаха говорил, что «джихад» до самого судного дня. Хватит сидеть и бояться, братья, пора взяться за оружие и разбить козни кафиров. Вставайте, братья! Вставайте!».

Рассматривая экстремизм как психологический конструкт, форму агрессивного поведения, обозначим когнитивные принципы, которые составляют основу таких действий: получение знания («*ведь «джихад» – это приказ Аллаха*»), его активация посредством внешних раздражителей («*пора взяться за оружие и разбить козни кафиров*») и избирательное внимание («*Как вы можете смотреть на унижение наших сестер и братьев*»). Следствием такого процесса является «мотивационный дисбаланс между желаемым и должным», при котором подтверждение личной значимости как доминирующая потребность снимает морально-этические ограничения, позволяя проявлять агрессию при удовлетворении желаемого [4, с. 108–109]. Главная цель джамаатов – активная террористическая деятельность. Для этого экстремисты проходят специальную диверсионную подготовку. Согласно идеологии экстремистов, их душам как жертвам «священной войны» уготовано попасть в рай [10, с. 84].

Сравним с действием такого же алгоритма воздействия на аудиторию, лежащим в основе следующего текста:

«*…те, кто призывает к европеизации…* ***хотят вывести женщину из законоположений ислама****, одеть ее в одеяние запада и лишить её стыдливости и скромности,* ***чтобы она стала как неверующая женщина****…из-за этого они говорят о хиджабе (запрещают, внушают негатив), говорят о смешивании (мужчин и женщин, т.е.* ***хотят уравнять права женщин****), говорят о (свободном сафаре) путешествии женщин,* ***которых Законодатель (Всевышний) обязал и ограничил в этом****. Они хотят* ***освободить женщин от всех постановлений шариата****, который хранит её, охраняет и оберегает её. Хотят,* ***чтобы она стала, как западная женщина, как неверующая, ни нрава, ни религии, ни стыда, ни целомудрия, как животное****…* (из материалов социальных сетей (заблокированных в настоящее время правоохранительными органами), представленных на психолого-лингвистическую экспертизу специалистам. Орфография и пунктуация оригинала текста сохранены).

Фрагменты приведенных экстремистских постов иллюстрируют, каким образом когнитивные системы, сформированные под влиянием суеверий и предрассудков, вызывают ложные причинно-следственные связи, чувство вины за бездействие. Для оправдания современного джихада фундаменталисты часто используют исторические аргументы, указывая, что Пророк воевал бóльшую часть своей жизни. Последнее возможно внушить на уровне формирования эмоций за счет так называемого эффекта «заражения» посредством звукового (речевого) компонента.

Представляя мотивационную сферу психической деятельности индивида, эмоции участвуют в формировании смыслов, структурируя их и обеспечивая выбор средств для их репрезентации. Выступая обязательным элементом смыслообразования, эмоции тем самым закрепляются в смысловой структуре речевого произведения, образуя эмоциональный компонент личностного смысла говорящего. Исследования Н.И. Витт, Е.И. Винарской [1] позволили выявить выражение отдельных видов эмоциональных состояний – настроений, аффектов и эмоций – в значениях акустических параметров звучащей речи. В качестве ведущих акустических параметров были приняты значения основного тона и интенсивности говорения. Изменения интенсивности произнесения (в сторону увеличения или уменьшения) – явления субъективные. Спектральный анализ отношения «интенсивность–частота» указывает на ограниченность роли интенсивности. Поэтому в фоноскопических экспертизах учитывают совокупность характеристик, в том числе и других. Считаем, что этих указанных признаков достаточно для рассмотрения проявления когнитивных составляющих в упомянутом выше видеообращении на русском языке (здесь не учитывается национально-культурная специфика иноязычных фрагментов), что определяют предрасположенность мыслить, интерпретировать и реагировать определенным образом и находятся вне сознательного осмысления.

Концепция Е.Н. Винарской позволяет авторам выделить паралингвистические средства эмоциональной выразительности, в частности,

тембровые характеристики русских гласных. Те из них, которые связаны с ростом эмоционального напряжения, называются мажорными (гласные переднего ряда), связанные с падением напряжения (гласные заднего ряда) – минорные. Таким образом складывается «тембровая специфика эмоциональных значений русской речи, в которой **И**-тембры выражают нарастание эмоционального напряжения, а **У**-тембры – его спад» [1, с. 17]. В теории Н.И. Витт было выделено 11 зон эмоционального состояния (в работе Е.И. Винарской – радость / горе / гнев): радость, испуг, нежность, удивление, равнодушие, гнев (ненависть), печаль, презрение, уважение, стыд, обида. Каждой зоне соответствует устойчивая комбинация из определенных значений этих характеристик. Опуская в данном контексте описание всех зон, остановимся на следующих актуальных для характеристики звучащей речи говорящего в видеотексте (знаком ↑ обозначена восходящая интонация, ↓ – нисходящая).

Дорогие **И↑** *братья и сестры* **У↓***! Мы, муджахиды "Ногайского Джамаата"* **У↓** *делаем Вам очередное видеообращение*↓*. Я обращаюсь к вам* **И↑**, *мужчинам этой "уммы"* **У↓**, ***сколько можно*↑**И *отсиживаться и терпеть* ***нападки*** **И↑**, ***унижения кафиров*↑***? Как вы можете смотреть* ***на унижение наших сестер и братьев*** **И↑**, *ведь* ***"джихад"*** **И↑** *– это* ***приказ Аллаха*** *и посланник Аллаха* **У↓** *говорил, что* ***"джихад"*** **И↑** *до самого* ***судного дня*** **У↓**. *Хватит* **И↑***сидеть и бояться* **У↓**, *братья,* ***пора взяться за оружие*** **И↑** *и разбить* ***козни кафиров*** **И↑**. *Вставайте, братья* **И↑***!* ***Вставайте*** **И↑***!*

Восходяще-нисходящие направления, которые также совпадают и с общим интонационным рисунком произнесения текста жанра обращения, характеризуют в нем скрытый гнев / презрение, в некотором смысле и пренебрежение говорящего к субъектам осуждения. Выделенная нами зона – та же структура, что и у зоны «гнева», но с заметным тембровым усилением в центральном участке и в завершающей части. Повышенная четкость артикуляционных движений, уменьшение ударных слогов, усиление признаков согласных фонем, «сужение» звучности гласных в ударных слогах важных по смыслу (выделенных нами жирным курсивом) слов. Вся структура близка к коммуникативному типу структуры интонации, соответствующей вопросу. Короткий спад, являющийся частью данной зоны (о кафирах), удлиняется в отдельных реализациях, которые выражают «презрение / пренебрежение», что приближает структуру к завершающему типу интонации. Наблюдаемый при прослушивании признак ударных гласных в значимых по смыслу словах играет особую роль в комплексе экспрессивных средств в видеотексте на русском языке [8]. Вслед за Е.В. Винарской мы обозначаем его как «звучность гласного». Этот признак имеет тембральный характер. При эмоциональном состоянии гнева происходит сужение «звучности гласного», т. е. перцептивно воспринимаемое уменьшение диапазона звучания, артикуляционно восходящее к уменьшению резонатора полости рта (при выражении радости отмечается повышение тона голоса на ведущих слогах [1]).

Нельзя не сказать о коммуникативном эффекте речевого воздействия присутствующих в тексте обращения, завершающегося призывами к вооруженной борьбе (джихаду), и имеющих целью: а) пропагандировать исключительность, превосходство группы лиц (здесь – мусульман над кафирами) перед другими людьми по признаку их отношения к религии; б) возбуждать ненависть либо вражду к лицам-немусульманам посредством тактик презрения, ненависти в прямых и косвенно-производных формах; в) унижать достоинство человека либо группы лиц по признаку принадлежности *к кафирам* – группе всех тех, кто не исповедует ислам [7]. Направленность воздействия определяется их нацеленностью на формирование «коммуникативного эффекта неприятия, выражаемого в форме противопоставления, а значит, – неприязни и презрения / пренебрежения, для реализации которого способствуют условия, центральными из которых являются обобщение как образа группы и связанный с ней негатив, воплощенный в приемах типизации (*кафиры* по своей семантике обобщенно характеризуют лиц, к которым они обращены, относят его к классу неодобряемых лиц, дают обобщенную информацию о принадлежности называемой говорящим группы лиц к осуждаемому типу людей, сообщают об эмоциональной неприязни к номинируемым им лицам), тактиках поляризации («мы» (хорошие) ◎ «они»(плохие))» [7, с. 59–60]. Как видно, социально-политический контекст интерпретируется с позиции идеологии.

Для определения конструктивности мер профилактики и дерадикализации востребованным стал статистический подход, разработанный М. Сантопрете [14] на основе математической модели. Поэтапный процесс развития экстремизма и эффективного противодействия ему моделируются по образу эпидемических. Профилактика экстремизма приравнивается к вакцинации, а дерадикализация – реабилитации. Строго статическое моделирование дает возможность рассчи-

тать динамику экстремизма в заданный период с учётом смертности экстремистов, скорости их реабилитации, среднего тюремного срока (за преступления) и определить степень устойчивости социально-политической системы [4; 15–17].

Заключение. Использование социально-антропологического подхода позволяет изучать «социальные процессы сквозь призму жизнедеятельности» среднестатистического человека [9, с. 9]. Среди многочисленных критериев исследования при использовании указанного подхода выступают прежде всего «человек, социальные системы, период, условия проживания, мотивация и построение целостного образа об окружении и мире, эффективность деятельности и актуальные правовые и этические регуляторы поведения» [8, с. 256]. Специалист таким образом реконструирует индивидуальный жизненный опыт, визуализирует и объективизирует его через систему фото- и видеоматериалов, компьютерных технологий и прочих «нарративов включённого типа» (термин М.Н. Чистанова [11]). У человека как объекта социальной системы ментальность под её влиянием подстраивается под принятые модели поведения и распространенные нормы. Экстремистское поведение (в том числе речевое) обусловливается картиной мира, заложенной в сознании посредством языка, религии, воспитания, этностереотипов и социальной коммуникации. Речевые правонарушения – это действия, сопряженные с криминогенной речевой агрессией и представляющие угрозу общественным отношениям. Для реконструкции этого поведения важно, помимо выявления мотивации, воззрений, эмоций и чувств, определять специфику мышления и аксиологические положения.

Как указывалось, экстремистские организации – это сообщества объединённых идеологическими положениями людей, которые осуществляют организованную противоправную деятельность, обосновывая ее проводимой ангажированными политиками и духовными деятелями нежелательной трансформацией социально-политической и культурно-исторической жизни людей. Внимание специалистов на психологической (когнитивной) составляющей, социальном окружении и его влиянии на отклоняющееся от нормативного поведение, а также на его политико-правовой оценке позволяет говорить о жесткой прагматике действий экстремистов. На наш взгляд, сочетание социально-антропологического, когнитивного и иных успешно апробированных в профилактике и борьбе с экстремизмом подходов с учётом правовой оценки позволяет комплексно подойти к его многоаспектному исследованию, которое способствовало бы формированию адекватного объяснения его как формы организованной деятельности рационально мыслящих людей, совершающих действия, классифицируемые государством как противоправные.

Список источников

1. Винарская Е.Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). Воронеж: ВГУ, 2003.
2. Емелин С.М., Семенов С.Н. Современные технологии правового обеспечения этнических процессов // Высокотехнологичное право: современные вызовы. Красноярск, 2023. С. 119–123.
3. Заврина Е.Е., Чернышов Г.Н., Макурин П.С. Экстремизм – актуальность проблемы // Инновационная экономика и право, 2017. № 3. С. 115–119.
4. Излученко Т.В. Методология изучения экстремизма в современном научном дискурсе // Humanitarian Vector, 2020. Vol. 15. № 4. С. 105–113.
5. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов, СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / под ред. проф. М.В. Горбаневского. 2-е изд. М.: Юридический Мир, 2006.
6. Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Актуальные проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 4. С. 561–571.
7. Салихова Э.А. Экспертиза конфликтогенного текста: об отдельных лингвистических и о лингвосемиотических признаках экстремистского текста // Евразийская адвокатура, 2016. № 3 (22). С. 58–63.
8. Тимченко А.А. Экстремизм как эффект дезорганизации социальной системы: социологический анализ // Общество и право. Вопросы философии, социологии, политологии. 2017. № 4 (62). С. 254–257.
9. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983.
10. Фатхутдинов Р.Р. Джамааты на Северном Кавказе: институциональные факторы формирования // Философия права, 2015. № 5 (72). С. 82–86.
11. Чистанов М.Н. К вопросу о визуализации исторического нарратива // Гуманитарный вектор. 2019. № 3. С. 121–127.
12. Bering J. The folk psychology of souls // Behavioral and Brain Sciences. 2006. Vol. 29. P. 453–498.
13. Prus R. Terrorism, tyranny and religious extremism as collective activity: Beyond the deviant, psychological, and power mystiques // The American Sociologist. 2005. Vol. 36. Is. 1. P. 47–74.
14. Santoprete M. Countering violent extremism: A mathematical model // Applied Mathematics and Computation. 2019. Vol. 358. P. 314–329.
15. Tischinin G., Lamote Th. The Process of Radicalization in the Prison Environment: From Criminogenesis to Radicalogenesis // L'Evolution Psychiatrique. 2019. Vol. 84. Is. 3. P. 59–69.
16. Winter Ch., Hasan U. The Balanced Nation: Islam and the Challenges of Extremism, Fundamentatism, Islamism and Jihadism // Philosophia. 2016. Vol. 44. Is. 3. P. 667–688.

17. http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html.

References

1. Vinarskaya E.N. Vy`razitel`ny`e sredstva teksta (na materiale russkoj poe`zii). Voronezh: VGU, 2003.
2. Emelin S.M., Semenov S.N. Sovremenny`e texnologii pravovogo obespecheniya e`tnicheskix processov // Vy`sokotexnologichnoe pravo: sovremenny`e vy`zovy`. Krasnoyarsk, 2023. S. 119–123.
3. Zavrina E.E., Cherny`shov G.N., Makurin P.S. E`kstremizm – aktual`nost` problemy` // Innovacionnaya e`konomika i pravo, 2017. № 3. S. 115–119.
4. Izluchenko T.V. Metodologiya izucheniya e`kstremizma v sovremennom nauchnom diskurse // Humanitarian Vector, 2020. Vol. 15. № 4. S. 105–113.
5. Kak provesti lingvisticheskuyu e`kspertizu spornogo teksta? Pamyatka dlya sudej, yuristov, SMI, advokatov, prokurorov, sledovatelej, doznavatelej i e`kspertov / pod red. prof. M.V. Gorbanevskogo. 2-e izd. M.: Yuridicheskij Mir, 2006.
6. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. Aktual`ny`e problemy` protivodejstviya prestupleniyam e`kstremistskoj napravlennosti // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2018. № 4. S. 561–571.
7. Salixova E`.A. E`kspertiza konfliktogennogo teksta: ob otdel`ny`x lingvisticheskix i o lingvosemioticheskix priznakax e`kstremistskogo teksta // Evrazijskaya advokatura, 2016. № 3 (22). S. 58–63.
8. Timchenko A.A. E`kstremizm kak e`ffekt dezorganizacii social`noj sistemy`: sociologicheskij analiz // Obshhestvo i pravo. Voprosy` filosofii, sociologii, politologii. 2017. № 4 (62). S. 254–257.
9. Te`rner V. Simvol i ritual. M.: Nauka, 1983.
10. Fatxutdinov P.P. Dzhamaaty` na Severnom Kavkaze: institucional`ny`e faktory` formirovaniya // Filosofiya prava, 2015. № 5 (72). S. 82–86.
11. Chistanov M.N. K voprosu o vizualizacii istoricheskogo narrativa // Gumanitarny`j vektor. 2019. № 3. S. 121–127.
12. Bering J. The folk psychology of souls // Behavioral and Brain Sciences. 2006. Vol. 29. P. 453–498.
13. Prus R. Terrorism, tyranny and religious extremism as collective activity: Beyond the deviant, psychological, and power mystiques // The American Sociologist. 2005. Vol. 36. Is. 1. P. 47–74.
14. Santoprete M. Countering violent extremism: A mathematical model // Applied Mathematics and Computation. 2019. Vol. 358. P. 314–329.
15. Tischinin G., Lamote Th. The Process of Radicalization in the Prison Environment: From Criminogenesis to Radicalogenesis // L'Evolution Psychiatrique. 2019. Vol. 84. Is. 3. P. 59–69.
16. Winter Ch., Hasan U. The Balanced Nation: Islam and the Challenges of Extremism, Fundamentatism, Islamism and Jihadism // Philosophia. 2016. Vol. 44. Is. 3. P. 667–688.
17. http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.01.2024; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 04.01.2024; approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 10.01.2024.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 60.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):60.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 346
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_60

ОТКАЗ ОТ ДОГОВОРА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СВЯЗИ С ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИЕЙ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

ВАСИЛЬЕВА Оксана Николаевна
Кандидат юридических наук, доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49, Российская Федерация

СТАРИКОВА Елена Игоревна
Магистрант юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49, Российская Федерация

Аннотация: В настоящей статье приводится анализ действующего правового регулирования отказа от договора в предпринимательской деятельности. Делается вывод о необходимости дополнения ГК РФ пунктом 8 ст. 450.1, указывающим на действительность заключенного договора в случае, если одной из сторон направлено уведомление о прекращении договора, но обоюдное исполнение обязательств продолжается.

Ключевые слова: отказ от договора, обязательства, уведомление, расторжение договора

Для цитирования: Васильева О.Н., Старикова Е.И. Отказ от договора в предпринимательской деятельности в связи с деловой репутацией юридического лица // Евразийская адвокатура. 2024. № 1(66). С. 60. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_60

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

WITHDRAWAL FROM THE CONTRACT AND (OR) ITS IMPLEMENTATION IN BUSINESS ACTIVITIES

VASILYEVA Oksana Nikolaevna
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University Under the Government of the Russian Federation
125993, Moscow, Leningradsky Prospekt, 49, Russian Federation

STARIKOVA Elena Igorevna
Undergraduate Student of the Faculty of Law of the Financial University Under the Government of the Russian Federation
125993, Moscow, Leningradsky Prospekt, 49, Russian Federation

Abstract: In this article, the author provides analysis of the current legal regulation of the refusal of a contract in entrepreneurial activity. It is concluded that it is necessary to supplement the Civil Code of the Russian Federation with paragraph 8 of Article 450.1, indicating the validity of the concluded contract if one of the parties has been notified of the termination of the contract, but the mutual fulfillment of obligations continues.

Keywords: withdrawal from the contract, obligations, notification, termination of the contract

For citation: Vasilyeva O.N., Starikova E.I. Withdrawal From the Contract and (or) its Implementation in Business Activities= Eurasian Advocacy. 2024;1(66):60. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_60

По общему правилу, установленному ст. 310 Гражданского кодекса Российской Федерации, односторонний отказ от исполнения обязательств в рамках осуществления предпринимательской деятельности не допускается. Однако с 2015 года в ГК РФ, после вступления в силу Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Россий-

© Васильева О.Н., Старикова Е.И., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

ской Федерации», односторонний отказ от обязательств стал допустим в установленных законом случаях [9].

Деловая репутация юридического лица играет важную роль в рамках предпринимательских отношений, поскольку стороны во многом ориентируются именно на данный фактор при заключении договоров. Однако существует объективный риск, связанный со значительным снижением деловой репутации контрагентов в ходе исполнения обязательств.

Как в рамках теоретического, так и в рамках практического воплощения, право на отказ от договора сопряжено с некоторыми проблемами, что обуславливает актуальность данной статьи.

Пункт 1 статьи 450.1 ГК РФ устанавливает уведомительный характер отказа от договора. Это означает, что для расторжения договора одной из его сторон необходимо предпринять соответствующие действия для ознакомления другой стороны с фактом расторжения договора. Таким образом, с позиции теории гражданского права направление уведомления о прекращении договора является правопрекращающим юридическим фактом, который приводит к прекращению договорных отношений сторон.

Данная правовая позиция закрепилась с момента издания Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09.09.2008 № 5782/08 по делу № А19-9645/07-26. В данном документе ВАС РФ не обосновывает указанное положение, однако отмечает причинно-следственную связь, возникающую между направлением уведомления о расторжении договора и его фактическим расторжением [6].

Мы полагаем, что данная трактовка не является в достаточной степени верной, так как, согласно ст. 453 ГК РФ, при расторжении договора гражданско-правовые обязательства его сторон считаются прекратившимися, если иное не вытекает из непосредственного существа обязательства. Таким образом, презюмируя то, что при направлении уведомления о прекращении договора их обязательства прекращаются, она не учитывает достаточно большой спектр ситуаций, связанных, к примеру, с оплатой фактически поставленного на момент получения соответствующего уведомления товара.

Более верной, по нашему мнению, является формулировка, выраженная через возможность признания уведомления о расторжении договора правопрекращающим юридическим фактом, так как она затрагивает большее количество различных возможных ситуаций. Также в рамках отношений, связанных с изменением деловой репутации юридических лиц, данный фактор будет играть весомую роль, так как не всегда понижение уровня репутации будет свидетельствовать о необходимости расторжения договора и рисках сторон. Пункт 2 той же статьи указывает, что «в случае одностороннего отказа от договора (исполнения договора) полностью или частично, если такой отказ допускается, договор считается расторгнутым или измененным» [2]. При этом момент, с которого договор считается расторгнутым, непосредственно связан с моментом получения другой стороной уведомления о расторжении договора. Таким образом, в период с направления уведомления до его получения договорные обязательства сторон не изменяются.

Необходимо учитывать, что сам факт направления и получения уведомления о расторжении договора не может являться безусловным фактом, свидетельствующим о прекращении договорных отношений.

Так, если одна из сторон договора направила такое уведомление, а в дальнейшем своими волевыми действиями подтвердила намерения состоять в договорных отношениях, направление и получение уведомления о расторжении договора не будут иметь правовой силы.

Примером из судебной практики, подтверждающим данный вывод, может служить Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 02.07.2015 № 305-ЭС15-2415 по делу № А40-28123/2014 [5]. В рамках данного дела истец (арендодатель) требовал от ответчика освобождения нежилого помещения, ссылаясь на тот факт, что первым было направлено уведомление о расторжении договора из-за неуплаты арендных платежей.

Истец в обоснование своей позиции указывал, что после получения досудебной претензии о погашении долга и освобождении помещения ответчик оплатил задолженность в полном объеме, однако арендуемое помещение им освобождено не было. При этом ответчик не переставал оплачивать арендные платежи на условиях, предусмотренных договором.

Отказывая в удовлетворении требований, суд обосновал это тем, что после направления уведомления об отказе от договора стороны продолжали сохранять прежние договорные отношения и даже заключили дополнительный протокол к договору. Таким образом, несмотря на отправку и получение уведомления о расторжении договора, его стороны не приняли фактических действий для прекращения договорных отношений.

Данный случай позволяет выделить следующую правовую проблему, связанную с односторонним отказом от договора в рамках осуществления предпринимательской деятельности. Так, возникает закономерный вопрос, в случае если уведомление о расторжении договора формально прекращает правоотношения между сторонами, но при этом стороны продолжают исполнение длящихся обязательств, можно ли считать, что они заключили новый договор?

Исходя из анализа вышеуказанного дела, можно сделать вывод, что нет, договор может действовать, даже несмотря на тот факт, что ст. 450.1 непосредственно указывает, что договор прекращается с момента получения уведомления о расторжении [3]. Однако с учетом прямого указания закона можно предположить, что предыдущий договор считается расторгнутым, и между сторонами возникают новые договорные правоотношения на условиях, аналогичных предыдущим.

К тому же необходимо учитывать, что деловая репутация сторон является достаточно динамичным показателем, который может значительно изменяться каждый день и зависит от новостной повестки, которая не всегда верно интерпретирует факты.

С целью решения данного парадокса мы предлагаем внести изменения в ст. 450.1 ГК РФ и дополнить ее п. 8, содержание которого должно устанавливать, что в случае, если фактические договорные правоотношения сторон, сопряженные с обоюдным исполнением обязательств, продолжают действовать, договор считается нерасторгнутым. Данное изменение закона позволит закрепить сложившуюся судебную практику и привести ее к единообразию.

Пункт 5 статьи 450.1 ГК РФ указывает, что в случаях, если при присутствии оснований для отказа от договора сторона, имеющая в соответствии с законом право на такой отказ, «своими действиями подтверждает действие договора, в том числе путем принятия от другой стороны указанного договора исполнения обязательства, последующий отказ от договора по тем же основаниям не допускается» [2].

Необходимо понимать, что наличие данного пункта Гражданского кодекса не отменяет выявленной проблемы, связанной с продлением или отменой договора, заключенного сторонами до направления уведомления о расторжении.

Данный момент, по нашему мнению, является одним из проявлений принципа эстоппеля в гражданском праве, который выражается, по общему правилу, в том, что сторона не может ссылаться в обоснование недействительности сделки на те ее пороки, которые были известные ей на момент ее заключения [1]. К примеру, покупая в магазине вещь с уценкой, произошедшей ввиду наличия не всех пуговиц, покупатель не сможет сдать ее назад, ссылаясь на отсутствие пуговиц как на дефект вещи, ввиду того, что ему до момента заключения договора было известно об этом дефекте [4].

В случае с отказом от договора действует похожая логика законодателя – принимая исполнение обязательств, сторона выражает свою волю, направленную на соблюдение договора, ввиду чего лишается права от него отказываться. Указанное также иллюстрирует принцип приоритета воли сторон, который выражается в том, что суды руководствуются не только формальными юридическими фактами, но и волеизъявлением сторон.

Примером реализации данных положений на практике может служить Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.03.2023 № Ф01-6022/2022 по делу № А17-8554/2021 [7] о взыскании задолженности по договору поставки, неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами.

Основным аргументом истца выступал тот факт, что поставленный ответчиком товар не соответствовал условиям договора, ввиду чего заказчик (истец) отказался от исполнения договора и потребовал вернуть ему сумму внесенного аванса. Ответчик возражал против удовлетворения иска, ссылаясь на тот факт, что, несмотря на неполное соответствие условиям договора, истец принял доставленный товар и в дальнейшем использовал его для осуществления собственной предпринимательской деятельности.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суды первой, апелляционной и кассационной инстанции указывали на тот факт, что основания для признания договора расторгнутым отсутствуют ввиду того, что фактически установленными являются обстоятельства, из которых следует, что на момент наличия таких оснований заказчик не намеревался прекратить договорные отношения и подтвердил действие договора, приняв товар на условиях договоренности с поставщиком. То есть, несмотря на то, что формально истец имел право отказаться от договора, он утратил его в момент принятия исполнения обязательств, чем выразил направленность своей воли на сохранение договорных правоотношений.

Аналогичные трактовки положения закона можно встретить в практике не только арбитражных судов, но и третейских. Примером этого яв-

ляется Решение коллегии арбитров МКАС при ТПП РФ от 18.01.2021 по делу № М-116/2019 [8].

В рамках данного дела между российским акционерным обществом и немецкой компанией был заключен договор купли-продажи товара с поставкой. Истец (акционерное общество) перевел предоплату за товар, поставляемый ответчиком (компанией), однако последняя осуществила поставку меньшего количества товара, которое было принято истцом. В дальнейшем истец направил уведомление о расторжении договора в одностороннем порядке в связи с нарушением его условий, однако принял дополнительную партию товара, направленную ответчиком.

Суд указал, что истец на момент наличия оснований от отказа от договора в действительности не имел намерения прекратить договорные отношения с компанией-ответчиком и подтвердил действие заключенного договора, приняв дальнейшее исполнение обязательств ответчика по нему. Тем самым, как указывает МКАС при ТПП, истец не использовал свое право на отказ от договора и исключил для себя возможность последующего отказа от него по тем же самым основаниям.

Ввиду того, что в рассматриваемых случаях правоотношения сторон строятся на осуществлении предпринимательской деятельности, необходимо указать, что неисполнение контрагентом условий договора является риском предпринимателя, который он несет самостоятельно, и принимая частичное исполнение обязательств, имея возможность отказаться от договора, лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, рассчитывает получить большую экономическую выгоду при больших экономических рисках, что обуславливает запрет на отказ от договора при принятии исполнения обязательств.

Также данное положение закона применимо и к отношениям, связанным с деловой репутацией юридического лица, поскольку если в случае снижения ее уровня у одной из сторон договора вторая сторона подтверждает действие договора, через значительный промежуток времени снижение деловой репутации не сможет являться фактором, на основе которого договор может быть расторгнут.

Необходимо понимать, что в случае недостаточности товара или его ненадлежащего качества предпринимателю необходимо выстраивать собственные действия, связанные с судебным процессом, не отказываясь от договора, а требуя соразмерного уменьшения его цены и компенсации убытков в порядке, предусмотренном Гражданским кодексом. В таком случае, как показывает проведенный анализ судебной практики, вероятность удовлетворения иска больше.

При этом, используя право на отказ от договора, но в дальнейшем продолжая действовать в соответствии с ним, сторона теряет право на такой отказ в дальнейшем на тех же основаниях, что может причинить ей существенный ущерб.

В качестве выводов нами предлагается дополнение ст. 450.1 ГК РФ пунктом 8, содержание которого должно устанавливать, что в случае, если фактические договорные правоотношения сторон, сопряженные с обоюдным исполнением обязательств, продолжают действовать, договор может считаться расторгнутым. Также важно понимать, что сам факт снижения деловой репутации контрагента не может в достаточной степени свидетельствовать о наличии оснований для досрочного расторжения договора.

Список источников

1. Вострикова К.А., Хабичев Р.Х. Эстоппель в гражданском праве России // Скиф. 2021. № 5 (57). С. 17–22.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. 5 декабря. № 32. Ст. 3301.
3. Кархалев Д.Н. Гражданско-правовые формы охранительных отношений // Сибирское юридическое обозрение. 2023. № 1. С. 55–62.
4. Лужина А.Н. Эстоппель в гражданских правоотношениях // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Государство и право. 2021. № 2. С. 45–57.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 02.07.2015 № 305-ЭС15-2415 по делу № А40-28123/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 09.09.2008 № 5782/08 по делу № А19-9645/07-26 // Вестник ВАС РФ. 2008. № 11.
7. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.03.2023 № Ф01-6022/2022 по делу № А17-8554/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Решение коллегии арбитров МКАС при ТПП РФ от 18.01.2021 по делу № М-116/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. 9 марта. № 10. Ст. 1412.

References

1. Vostrikova K.A., Xabichev R.X. E`stoppel` v grazhdanskom prave Rossii // Skif. 2021. № 5 (57). S. 17–22.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1994. 5 dekabrya. № 32. St. 3301.

3. Karxalev D.N. Grazhdansko-pravovy`e formy` oxranitel`ny`x otnoshenij // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2023. № 1. S. 55–62.

4. Luzhina A.N. E`stoppel` v grazhdanskix pravootnosheniyax // Social`ny`e i gumanitarny`e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Gosudarstvo i pravo. 2021. № 2. S. 45–57.

5. Opredelenie Sudebnoj kollegii po e`konomicheskim sporam Verxovnogo Suda RF ot 02.07.2015 № 305-E`S15-2415 po delu № A40-28123/2014. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

6. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 09.09.2008 № 5782/08 po delu № A19-9645/07-26 // Vestnik VAS RF. 2008. № 11.

7. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 07.03.2023 № F01-6022/2022 po delu № A17-8554/2021. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

8. Reshenie kollegii arbitrov MKAS pri TPP RF ot 18.01.2021 po delu № M-116/2019. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

9. Federal`ny`j zakon ot 08.03.2015 № 42-FZ «O vnesenii izmenenij v chast` pervuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2015. 9 marta. № 10. St. 1412.

Статья поступила в редакцию 13.12.2023; одобрена после рецензирования 23.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 13.12.2023; approved after reviewing 23.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 65.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):65.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве
Научная статья
УДК 340.1
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_65

ДЕФИНИЦИЯ «СУБЪЕКТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ» В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

ПОПОВ Алексей Павлович
Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин и судебно-экспертной деятельности Юридического института Пятигорского государственного университета
357532, г. Пятигорск, ул. Калинина, д. 9, Российская Федерация

Аннотация: В статье в критическом плане анализируются доктринальные подходы к определению понятия «субъекты доказывания», высказанные в современной теории уголовного процесса. Выявляется его взаимосвязь с дефиницией «бремя доказывания». Уделено внимание причинам возникновения принципиальных противоречий во взглядах ученых, касающихся определения анализируемого понятия.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное доказательственное право, доказывание, структура доказывания, субъекты доказывания, обязанность доказывания

Для цитирования: Попов А.П. Дефиниция «субъекты доказывания» в уголовно-процессуальном праве // Евразийская адвокатура. 2024. № 1(66). С. 65. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_65

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space
Original article

THE DEFINITION OF «SUBJECTS OF PROOF» IN THE CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION

POPOV Aleksey Pavlovich
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines and Forensic Expert Activities at Law Institute of the Pyatigorsk State University
357532, Pyatigorsk, Kalinina str., 9, Russian Federation

Abstract: The article critically analyzes the doctrinal approaches to the definition of the concept of «subjects of proof», expressed in the modern theory of the criminal process. It reveals its relationship with the definition of «burden of proof». Attention is paid to the causes of fundamental contradictions in the views of scientists regarding the definition of the analyzed concept.

Keywords: criminal procedural law of evidence, proof, structure of proof, subjects of proof, duty of proof

For citation: Popov A.P. The Definition of «Subjects of Proof» in the Criminal Procedural Legislation = Eurasian Advocacy. 2024;1(66):65. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_65

Категории теории доказывания и доказательственного права пребывают в развитии. Уточняются, совершенствуются формулировки дефиниций «доказательство», «источник доказательств», «доказывание», «предмет и пределы доказывания», «заключения и показания специалиста» и многих других. Результаты научных изысканий с большей или меньшей успешностью отражаются и в изменяющемся уголовно-процессуальном законодательстве. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации обновлено содержание многих дефиниционных норм, сосредоточенных как в его разделе III «Доказательства и доказывание», так и за его пределами, содержащих определения понятий, обозначенных перечисленными и другими терминами. Зарождаются и развиваются неведомые ранее доказательственному праву категории – «преюдиция», «электронные носители доказательственной информации». Вместе с ними существуют дефиниции, внимание к которым в теории доказывания относительно невелико, они как бы законсервированы. При этом исследователями порой незаслуженно игнорируются проблемы как их надлежащей нормативной регламента-

© Попов А.П., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

ции, так и правоприменительной практики. На наш взгляд, к их числу следует отнести и такую категорию, как «субъекты доказывания». Однако в современной теории уголовного процесса сложилась парадоксальная ситуация, касающаяся формулировки и толкования соответствующей дефиниции. Авторитетными учеными-процессуалистами, стоящими на, казалось бы, единой методологической платформе (материалистической диалектики) и основывающимися на одних и тех же предписаниях уголовно-процессуального законодательства, высказываются принципиально несовпадающие определения данного понятия и вытекающие из него следствия.

Тематика, определяемая субъектным составом и законодательными формами уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих, развивающихся и прекращающихся в деятельности «доказывание», достаточно обширна. Ее составляют: распределение (или перераспределение) бремени доказывания; взаимосвязь соответствующих нормативных положений с процессуально-правовыми и уголовно-правовыми презумпциями, а также идеями и правилами состязательности и др. В рамках настоящей статьи нас привлекают те положения, которые обусловлены правовыми критериями отбора лиц, являющихся субъектами доказывания. Они позволяют признать таковыми одних участников уголовного судопроизводства и отвергнуть других, принципиально изменяя их статус.

Относительно специфики правового положения субъектов доказывания возникает немало непростых, но важных вопросов, носящих как общетеоретический, так и сугубо прикладной характер. Какова, например, его взаимозависимость и взаимосвязь с такими принципами уголовно-процессуального права, как публичность и презумпция невиновности? Должны ли существующие для данных субъектов правовые предписания быть равнозначными применительно к производству в досудебных и судебных стадиях уголовного производства? Можно ли признать субъектом доказывания лицо, наделенное правами и обязанностями не на всех этапах доказательственной деятельности, а лишь на одном или нескольких из них? Каково соотношение понятий «субъект доказывания» и «субъект, на котором лежит бремя доказывания»? Правомерна ли в принципе постановка проблемы о перераспределении обязанности доказывания между его участниками, и если да, то в каких пределах? И наконец, какой должна быть оптимальная форма (конкретная редакция) уголовно-процессуальных норм, регламентирующих статус субъектов доказывания? Для ответа на ряд из этих вопросов плодотворным также может оказаться обращение к аналогичным правилам, закрепленным в законодательстве постсоветских государств, имевшем в эпоху существования Союза ССР единую правовую основу с российским законодательством.

В авторитетных литературных источниках, а к таковым мы, прежде всего, относим современные учебники по курсу «Уголовный процесс», в которых, как принято считать, излагаются наиболее устоявшиеся и проверенные концепции, анализируемая нами тематика представлена двумя основными несовпадающими мнениями. Первое из них в самых общих чертах можно охарактеризовать как позицию, отождествляющую понятия «субъекты доказывания» и «субъекты, несущие обязанность доказывания».

Суть этой точки зрения состоит в том, что к анализируемым субъектам могут быть причислены только те лица, которым законом предоставлено право осуществлять хотя бы один из элементов процесса доказывания. В большинстве же ситуаций они реализуют все три входящие в него элемента – собирание, проверку и оценку доказательств. Кто же эти лица? К числу таковых сторонники этой позиции, а наиболее отчетливо и последовательно она изложена в учебнике «Курс уголовного процесса», подготовленном коллективом авторов под общей редакцией проф. Л.В. Головко, причисляют лишь дознавателя, следователя и суд [3, с. 483]. Именно они совершают следственные и судебные действия по собиранию доказательств, проверяют их установленными в законе способами, принимают решения о приобщении к материалам уголовного дела предметов и документов, об оглашении в суде показаний различных категорий допрашиваемых лиц. Лишь они дают собранным и проверенным доказательствам юридически значимую оценку, исходя в этой работе исключительно из принципов всесторонности, объективности и беспристрастности.

Данная точка зрения находит поддержку и у других авторов, также отстаивающих мнение о том, что доказывание – это урегулированная законом деятельность лишь «компетентного должностного лица по собиранию, проверке и оценке доказательств» [см., напр.: 2, с. 205–214].

В ситуации господства инквизиционной модели уголовного судопроизводства приведенная концепция, а она имеет глубокие исторические корни в предшествующих доктринальных подходах и в законодательстве, успешно выполняла свою служебную роль. Однако в условиях все

большего проникновения в уголовный процесс состязательных начал акценты могут и должны меняться. Обсуждая представленную точку зрения, хотелось бы обратить внимание на следующие обстоятельства:

1) ее создатели в определенной мере допускают смешение понятий «субъект доказывания», «органы и лица, ведущие уголовный процесс» и «лица, на которых возложена обязанность (бремя) доказывания». Возможно, причина такого подхода кроется в том, что круг лиц, охватываемых этими дефинициями, в традиционных представлениях, как правило, совпадает. Однако смысловые оттенки, акценты в данном случае неоднозначны. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на неоднозначную роль суда в доказательственных процессах. Но существуют и другие аргументы, например, вопрос об органах и лицах, ведущих уголовный процесс, целесообразно раскрывать при анализе уголовного судопроизводства как вида государственной деятельности. Обязанность доказывания, как правило, исследуется применительно к характеристике положений, образующих принцип презумпции невиновности. Осевое содержание этого бремени зачастую толкуется не столько в необходимости установления всех обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, сколько в обязанности доказать виновность обвиняемого. Подобная трактовка, казалось бы, имеет право на существование, но, согласимся, при таком подходе вне поля зрения исследователей остается значительная часть обстоятельств, входящих в предмет, а уж тем более в пределы доказывания, в том числе и нашедших отражение в законодательстве. В качестве примера можно сослаться хотя бы на ст. 108 УПК РФ, в ч. 1 которой закреплена обязанность суда обосновать решение о заключении под стражу подозреваемого или обвиняемого конкретными фактическими обстоятельствами (суть – доказательствами).

Что же касается характеристики понятия «субъекты доказывания», то здесь на первое место выходят правоотношения, урегулированные нормами уголовно-процессуального доказательственного права. При всем этом сама терминологическая эквилибристика в определенном контексте, возможно, могла бы и не вызывать особых нареканий, если бы не влекла за собой определенные последствия. Ведь из числа субъектов доказывания незаслуженно исключаются многочисленные участники уголовного судопроизводства, прежде всего, лица, имеющие в уголовном деле самостоятельный правовой интерес, а также лица, представляющие или отстаивающие права и законные интересы лиц, входящих в названную группу. Ситуация, согласимся, парадоксальная: субъектами доказывания не признаются субъекты правоотношений, возникающих в процессе деятельности, именуемой доказыванием;

2) авторы анализируемой концепции проявляют, на наш взгляд, излишне жесткую привязку субъектов доказывания к зафиксированной в ст. 85 УПК РФ его структуре. Здесь уместно озаботиться вопросом: можно ли гипотетически допустить исключение из УПК РФ нормы, содержащей определение понятия «доказывание» и закрепляющей его структуру? Ответ вполне может быть положительным. Как мы уже отмечали ранее, «нет никакого резона продолжать удерживать в нормативном акте условную юридическую конструкцию, подменяя ею гносеологию и логику, составляющие природу реального доказывания» [4, с. 334]. К этому выводу нас подталкивает и опыт законотворчества государств ближнего зарубежья. Например, из УПК Грузии и Эстонской Республики дефиниция «доказывание» исключена. В ст. 123 УПК Латвийской Республики отсутствует перечень элементов, составляющих деятельность доказывания (надо полагать, он должен быть уделом криминалистической теории), а субъекты доказывания именуются в данной статье «вовлеченными в уголовный процесс лицами». Согласно установленной в данном Кодексе терминологии, данным словосочетанием охватываются все участники уголовного судопроизводства. В структуре ст. 91 УПК Украины «Обстоятельства, подлежащие доказыванию в уголовном производстве» дефиниция «доказывание» спрятана так глубоко (в ее ч. 2), что правоприменителям и исследователям права найти ее среди десятка других норм, а тем более использовать не просто. В кодексах постсоветских государств встречаются и терминологические новации. Так, в ст. 99 УПК Республики Молдовы и в ст. 132 УПК Туркменистана в структуру уголовно-процессуального доказывания, наряду с собиранием, проверкой и оценкой, включен такой элемент, как «использование доказательств». В ст. 123 УПК Республики Казахстан и ст. 92 УПК Кыргызской Республики слово «проверка» заменено термином «исследование» доказательств. Таким образом, содержательный подход к одному и тому же правовому феномену в странах, относящихся с Российской Федерацией к одной правовой системе, существующих в рамках одной и той же модели уголовного процесса, весьма разнороден. Нелишне отметить и то обстоятельство, что правовое установление,

закрепленное в ст. 85 УПК РФ, не выполняет никаких регулятивных функций;

3) учебник, изданный под редакцией и с авторством Л.В. Головко, выбран нами среди других аналогичных изданий не случайно. Он единственный из имеющихся в нашем распоряжении источников, в котором из числа субъектов доказывания исключены прокурор и руководитель следственного подразделения. Хотя авторы и оговаривают это обстоятельство, отмечая существование ограниченных возможностей прокурора в доказательственном процессе, их убежденность в правильности своих выводов остается неизменной. Обосновывается эта неординарная позиция тем, что в соответствии с внесенными в 2008 г. изменениями в УПК РФ прокурор утратил основные полномочия, позволявшие ранее ему принимать непосредственное участие в доказывании по уголовным делам в досудебном производстве. Главное же заключается в лишении прокурора полномочий по самостоятельному собиранию доказательств [3, с. 483–484].

Действительно, статус прокурора в обозначенной части в 2008 г. претерпел существенные преобразования. Из ст. 37 УПК были исключены такие его полномочия, как возбуждение уголовных дел и принятие их к своему производству, личное выполнение отдельных следственных и иных процессуальных действий (заметим попутно, ни в одном другом из УПК государств ближнего зарубежья подобные изменения, воспринимаемые нами отрицательно, не проводились). Тем не менее значение надзорных полномочий прокурора, оказывающих влияние на процедуры, связанные с доказательственной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, остается весьма значительным. Обосновывать этот факт – для нас он бесспорен – в рамках настоящей статьи представляется излишним. К сказанному же добавим, что не находим внятного объяснения и ответу на вопрос, почему авторы критикуемой точки зрения ограничились обращением к полномочиям прокурора лишь в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, оставив в стороне его участие в суде первой и апелляционной инстанции.

В качестве еще одного веского аргумента сторонники этой концепции обращают внимание на то, что ни потерпевший, ни обвиняемый или его защитник, ни, тем более, иные лица доказательства собирать не вправе. Содержащиеся в полученных ими материалах (предметах, документах) сведения, которые они вправе представить следователю либо суду, могут обрести значение доказательств лишь после их принятия, проверки и оценки лицами, ведущими процесс [2 с. 107 –108]. В соответствии с основанными на нормативных требованиях понятийными подходами, сложившимися в отечественном уголовном процессе, действительно, только лица, наделенные полномочием осуществлять производство по уголовному делу, вправе формировать доказательства. Но, во-первых, к этой непростой проблеме могут быть и иные концептуальные подходы, в которых наличествуют безусловные преимущества, а, во-вторых, одним лишь формированием доказательств многогранный процесс доказывания не исчерпывается.

Разве реализация права на представление доказательственных сведений, активное участие в следственных, судебных и иных процессуальных действиях, нацеленных на собирание, проверку и оценку доказательств, не означает причастность субъекта к доказательственной деятельности? По мере развития состязательных начал уголовного производства полномочия лиц, имеющих в уголовном деле самостоятельный правовой интерес или представляющих законные интересы этих лиц, неминуемо будут расширяться. Этот вывод, прежде всего, касается производства в судебных стадиях уголовного процесса.

На основании изложенного мы приходим к выводу о том, что наиболее прагматичным и реалистичным является принципиально иной подход к определению понятия субъектов доказывания. В нем таковыми признается широкий круг участников уголовного судопроизводства. Согласно этой точке зрения, доказывание как регулируемую законом деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств, во-первых, осуществляют дознаватель, следователь, руководитель следственного органа, прокурор, судья и суд, с целью установления обстоятельств, имеющих значение для законного и обоснованного разрешения уголовных дел. Во-вторых, право на участие в этой деятельности принадлежит лицам, имеющим в уголовном деле самостоятельный правовой интерес (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, общественный обвинитель, гражданский истец и гражданский ответчик), а также их защитникам и представителям. В-третьих, к участию в собирании и проверке (но не оценке) доказательств в определенном законом порядке привлекаются эксперты, специалисты, понятые и другие лица [6, с. 320–321].

В предложенном подходе к определению круга субъектов доказывания выявляются следующие специфические черты:

1) в нем содержится не определение понятия субъектов доказывания, а реестр субъектов, наделяемых таковым статусом;

2) совершенно очевидно, что вопрос о бремени доказывания, понимаемом как обязанность доказать виновность обвиняемого, в нем не рассматривается, более того, рассматриваться не может. Он как бы выводится из предмета обсуждения в отдельную тему;

3) авторами концепции допускается, что субъектами доказывания могут реализовываться не все элементы, составляющие деятельность «доказывание», поскольку такой ее элемент, как оценка доказательств, исключен из характеристики субъектов, составляющих вторую и третью группу участников уголовного производства. При этом оценка доказательств понимается ими не как мыслительный процесс, сопровождающий любую познавательную деятельность. Она определяется как юридически значимая оценка фактических данных, предшествующая принятию процессуальных решений;

4) не проводится «непримиримого» разграничения между теми участниками уголовного процесса, для которых деятельность «доказывание» является обязанностью, и теми, для кого участие в доказывании есть форма реализации субъективных прав. Таким образом, в предложенном подходе к числу субъектов доказывания отнесены все участники уголовного судопроизводства, в той или иной мере вовлеченные в правоотношения, обусловленные нормами уголовно-процессуального доказательственного права.

Реалистичность данного похода подтверждают содержащиеся в нормах уголовно-процессуального законодательства правила, допускающие распределение пусть не обязанности, но полномочия на участие в доказывании между публичными и частными лицами [1, с. 15 –16]. Выражение этого правового явления мы находим в равенстве сторон перед судом, закрепленном в ч. 4 ст. 15 и ст. 244 УПК РФ. В частности, сторона защиты наделена такими же правами на представление суду доказательств и участие в их исследовании, как и сторона обвинения. Названные нормы не просто декларативны. Они находят свое непосредственное воплощение при проведении конкретных процессуальных действий, свидетельствующих о реализации состязательных начал уголовного производства, например при судебном рассмотрении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого в качестве меры пресечения заключения под стражу (ст. 108 УПК РФ). Вместе с тем законом допускается и перераспределение обязанности доказывания. Так, ч. 3 ст. 113 УПК РФ презюмирует, что не явившийся по повестке в назначенный срок обвиняемый, подозреваемый или иной участник обязан обосновать (иными словами, доказать) органу, его вызывавшему, уважительность причины своей неявки. Иначе он может быть подвергнуты приводу. Фактически же без активности в доказывании защитника далеко не всегда результативно удается добиться учета судом всех смягчающих вину и ответственность подсудимого обстоятельств при принятии итогового решения по уголовному делу, а уж тем более постановления оправдательного приговора.

Таким образом, субъекты уголовно-процессуального доказывания могут быть определены как любые физические и юридические лица, вступающие в уголовно-процессуальные правоотношения, регламентированные нормами доказательственного права (заметим, по сути, предложенная формулировка определения анализируемого понятия является нормативным предписанием, закрепленным в ст. 86 УПК Республики Узбекистан «Участники доказывания», базирующимся на правилах, сформулированных ранее в одной из теоретических моделей российского Кодекса [5, с. 121]). Отказать участнику правоотношения в предоставлении ему права быть его субъектом, какой бы малозначительной ни казалась выполняемая им функция, не имеет смысла. Более того, несмотря на существование, казалось бы, бесспорного правила о возложении бремени доказывания на государственные органы и должностные лица, осуществляющие производство по уголовным делам, оно не носит абсолютного характера: закон предусматривает возможность распределения и перераспределения этой обязанности.

Правовой статус субъектов доказывания по содержанию объема их полномочий весьма неоднороден, поэтому их надлежит определенным образом ранжировать. Классификационным основанием в данном случае может служить зависимость того или иного субъекта от степени реализации обязанности доказывания.

Предоставление различным субъектам правоотношений (потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому специалисту и др.) все новых полномочий, касающихся их участия в установлении обстоятельств, имеющих значение для дела, является одной из вполне определенно выраженных тенденций развития уголовно-процессуального права. Именно в этом направлении развиваются и доктринальные представления отечественных ученых-процессуалистов, и российское законода-

тельство. Опыт законотворчества постсоветских государств (Армении, Грузии, Молдовы, Казахстана, Кыргызстана) отчетливо свидетельствует о необходимости и целесообразности расширения форм участия в доказывании защитника обвиняемого. Осуществляемая в рамках нормативных предписаний активность лиц, имеющих в уголовном деле правовой интерес, и лиц, представляющих законные интересы субъектов этой группы, укрепляет возможности принятия законных, обоснованных и справедливых решений по уголовным делам.

Список источников

1. Виноградов В.А. Распределение бремени доказывания в суде первой инстанции в российском уголовном процессе: науч.-практич. пособ. М.: Знание-М, 2022.
2. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: учебник. 2-е изд. М.: Эксмо, 2008.
3. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. 3-е изд. М.: Статус, 2021.
4. Попов А.П., Зинченко И.А. Дефиниция «доказывание» в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации и государств ближнего зарубежья // Библиотека криминалиста. 2018. № 2 (37). С. 328–335.
5. Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель / под ред. и с предисл. В.М. Савицкого. М.: Институт государства и права АН СССР, 1990.
6. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред.: П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. 4-е изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022.

References

1. Vinogradov V.A. Raspredelenie bremeni dokazy`vaniya v sude pervoj instancii v rossijskom ugolovnom processe: nauch.-praktich. posob. M.: Znanie-M, 2022.
2. Grigor`ev V.N., Pobedkin A.V., Yashin V.N. Ugolovny`j process: uchebnik. 2-e izd. M.: E`ksmo, 2008.
3. Kurs ugolovnogo processa / pod red. L.V. Golovko. 3-e izd. M.: Status, 2021.
4. Popov A.P., Zinchenko I.A. Definiciya «dokazy`vanie» v ugolovno-processual`nom prave Rossijskoj Federacii i gosudarstv blizhnego zarubezh`ya // Biblioteka kriminalista. 2018. № 2 (37). S. 328–335.
5. Ugolovno-processual`noe zakonodatel`stvo Soyuza SSR i RSFSR. Teoreticheskaya model` / pod red. i s predisl. V.M. Saviczkogo. M.: Institut gosudarstva i prava AN SSSR, 1990.
6. Ugolovno-processual`noe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik / otv. red.: P.A. Lupinskaya, L.A. Voskobitova. 4-e izd. M.: Norma: INFRA-M, 2022.

Статья поступила в редакцию 09.10.2023; одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted 09.10.2023; approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 20.10.2023.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 71.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):71.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве

Научная статья
УДК 43.2/.73
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_71

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ, ИЗГОТОВЛЕННОГО ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРЕХМЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И ПЕЧАТИ

ПОПОВ Александр Юрьевич
Старший лейтенант полиции, адъюнкт кафедры уголовного права Московского университета Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Российская Федерация

Аннотация: Цель работы – рассмотреть проблему квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, изготовленного посредством использования 3D-печати. Использовались сравнительно-правовой, формально-логический, а также общенаучные методы.

В статье приводится характеристика огнестрельного оружия, изготовленного посредством использования 3D-печати, а также рассматриваются возможность решения вопросов по квалификации преступлений, связанных с признанием подобных предметов оружием, и возможность совершенствования законодательства, регулирующего оборот оружия.

Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток рассмотреть возможности совершенствования законодательства для эффективного противодействия нарастающей угрозе распространения одноразового оружия.

Ключевые слова: 3D-оружие, незаконный оборот оружия, доказательства, стандарты доказывания, цифровые технологии, трансформация законодательства, Даркнет, Тор, 3D-печать, одноразовое оружие

Для цитирования: Попов А.Ю. Особенности квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия, изготовленного посредством использования трехмерного моделирования и печати // Евразийская адвокатура. 2024. № 1(66). С. 71. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_71

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space

Original article

FEATURES OF THE CLASSIFICATION OF CRIMES RELATED TO THE ILLEGAL TRAFFIC OF FIREARMS MANUFACTURED THROUGH THE USE OF 3D MODELING AND PRINTING

POPOV Alexander Yurievich
Senior Police Lieutenant, Adjunct of the Department of Criminal Law at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
117437, Moscow, Akademika Volgina str., 12, Russian Federation

Abstract: The purpose of the article – to consider the problem of qualifying crimes related to the illicit trafficking of weapons made through the use of 3D printing. Comparative legal, formal logical, as well as general scientific methods were used. The article provides characteristics of firearms manufactured using 3D printing, as well as the possibility of resolving issues regarding the classification of crimes related to the recognition of such items as weapons, as well as the possibility of improving legislation regulating the circulation of weapons.

The article has high scientific value, since it is one of the first attempts to consider the possibilities of improving legislation to effectively counter the growing threat of the proliferation of disposable weapons.

Keywords: 3D weapons, illegal weapons trafficking, evidence, standards of proof, digital technologies, transformation of legislation, Darknet, Tor, 3D printing, disposable weapons

For citation: Popov A.Yu. Features of the Classification of Crimes Related to the Illegal Traffic of Firearms Manufactured Through the Use of 3D Modeling and Printing = Eurasian Advocacy. 2024;1(66):71. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_71

© Попов А.Ю., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

С каждым днем наше общество развивается. Появляются новые технологии, делающие повседневную жизнь намного проще. Такой технологией стала и 3D-печать. Эта технология уникальна тем, что любой предмет, будь то деталь механизма или человеческий орган, можно сделать посредством его распечатывания на 3D-принтере. Как правило, при этом используют пластик или иной материал, который необходим для определенного элемента, например металл или металлоглину. 3D-печать сейчас активно используют во многих отраслях, от изготовления мелких игрушек и до сложных хирургических протезов органов в медицине и деталей космических кораблей. Но, как ни странно, эту технологию освоили и в преступном мире. Преступники научились изготавливать некоторые модели оружия посредством такого производства. 3D-оружие уже не кажется таким уникальным, как раньше, сегодня многие умельцы изготавливают различные образцы и пытаются поставить такое производство на поток.

На сегодняшний день число преступлений, совершенных с использованием оружия, возрастает с каждым месяцем. Мы можем наблюдать, что распространяется движение «Колумбайн», расстрел людей в образовательных организациях, причем зачастую отследить оружие, которое является предметом преступления, невозможно в силу его изготовления, переделки или создания самостоятельно посредством проектирования.

Преступники становятся все изобретательнее и уже наладили отработанную схему сбыта оружия через Даркнет, а именно платформу Тор, где без труда можно купить любой экземпляр оружия по ценам ниже рыночных и без всякого разрешения и лицензии. Все анонимно, без посредников и электронного следа [1].

В условиях нашего быстро развивающего общества технологии и прогресс опережают освоение их нормативно-правовой базой, что и является проблемой в уголовном праве и уголовном судопроизводстве. Совсем недавно, 8 июля 2022 года, в результате покушения был застрелен на публичном выступлении бывший премьер-министр Японии Синдзо Абэ. Политик выступал с речью на предвыборном митинге в поддержку кандидата от правящей Либерально-демократической партии Японии (ЛДПЯ). В воскресенье в стране должны были пройти выборы в верхнюю палату парламента [2].

Что примечательно, оружие, из которого политик был застрелен, было изготовлено посредством печати на 3D-принтере. Конструкция была скопирована с модели охотничьего гладкоствольного прототипа, но отсутствовал ударно-спусковой механизм, вместо которого выступал электрический замыкатель токовой цепи, а поражающие элементы боевого заряда были изготовлены из рубленного металла (шляпки гвоздей, перемешанные с дробью). Конструкция оружия злоумышленника сработала штатно, было произведено два выстрела в упор (рисунок 1).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что пластиковое оружие не сработало на ме-

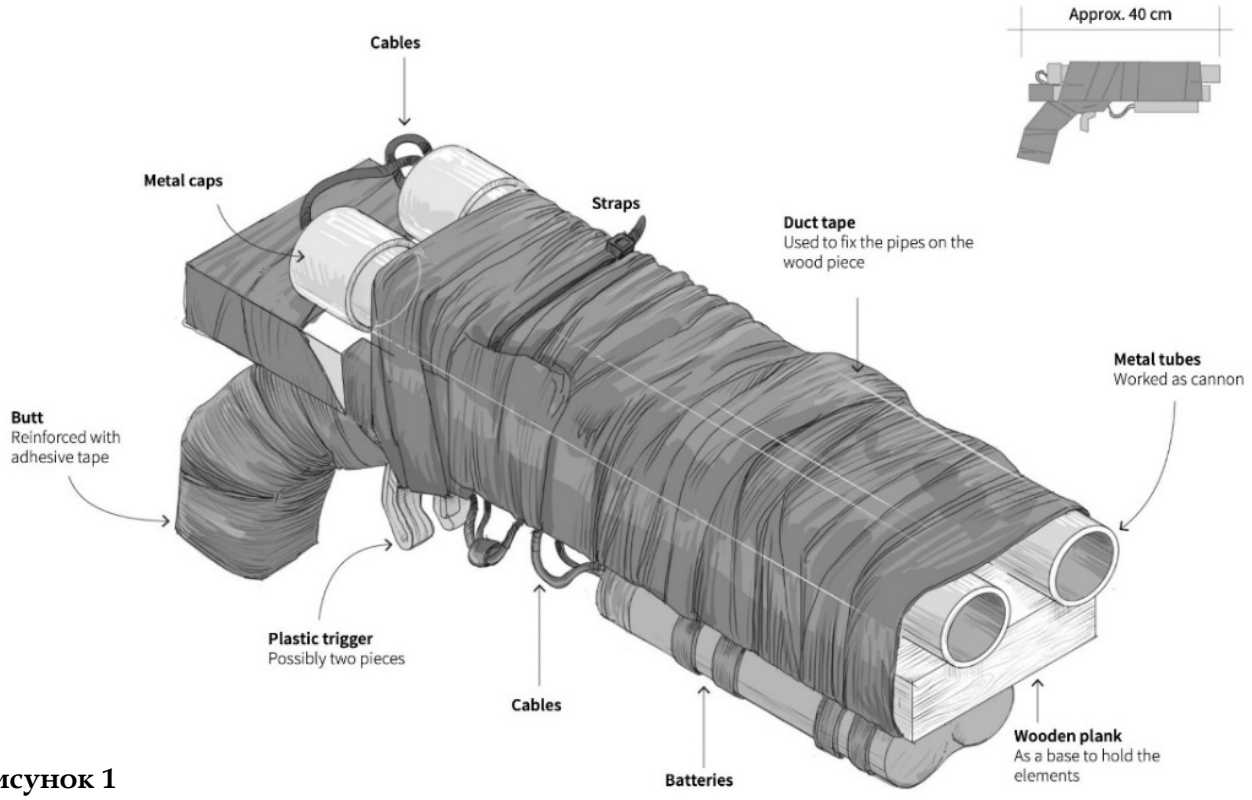

Рисунок 1

таллодетекторе, когда преступник проходил безопасную зону, а также отработало без осечки. Все это указывает на один очень неприятный вывод, что возможность изготовления оружия фактически в домашних условиях позволяет любому лицу совершать свои преступные замыслы. Также одним из негативных факторов, возникающих в ходе производства по уголовному делу, является назначение и производство экспертизы такого оружия.

Особенность 3D-оружия в том, что большинство моделей являются одноразовыми и после применения не пригодны для проведения баллистической экспертизы, а также исследования ручного стрелкового оружия, его основных частей, деталей и механизмов, патронов к оружию и их компонентов, следов их применения и обстоятельств выстрела [3].

Рисунок 2

Если экспертизу невозможно будет провести, то, как следствие, признать данную модель оружием или же использовать как вещественное доказательство преступных действий нельзя. То есть следователь не сможет приобщить это к материалам уголовного дела, а по п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ [4] заключение эксперта является одной из разновидностей доказательств.

Можно предположить, что оружие не деформировалось после отстрела, и целостность конструкции не нарушена, в связи с чем экспертизу можно будет провести, но встает вопрос, как оценивать этот образец, по каким критериям. И вот тут еще один нюанс. Эксперт при оценке оружия опирается на методические рекомендации [5], по которым он делает заключение, но прототип такого оружия не может быть отнесен к классу оружия по одному из самых важных критериев – надежность, а при ответе на вопрос о возможности произвести выстрел из оружия данной конструкции в условиях лаборатории ЭКЦ эксперт вынужден будет ответить, что произвести отстрел невозможно ввиду конструктивной особенности. Исходя из этого, экземпляр не будет признан оружием и не будет являться вещественным доказательством. Следует принимать во внимание, что при классической ситуации, когда у лица выявляется факт хранения или изготовления оружия в традиционном его понимании, сам факт того, что это и есть оружие, не вызывает никаких сомнений, и в дальнейшем действие будет квалифицировано по ст. 222 УК РФ [6]. Но при выявлении моделей, изготовленных посредством 3D-печати, данный экземпляр не будет попадать под действие Федерального закона от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об оружии» [5] (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.01.2024), а следовательно, и под УК РФ, так как подобное изделие оружием не признается.

Помимо этого, подобный экземпляр выдерживает лишь однократное использование, по сути он является одноразовым. И использовать его повторно невозможно, так как сама конструкция деформируется. Это еще раз показывает невозможность проведения баллистической экспертизы после его применения. Для простоты оценки выявленного предмета и отнесения его к классу огнестрельного оружия необходимо ввести в юридический оборот, а также закрепить в ФЗ «Об оружии» [7] следующее понятие: одноразовое оружие – это вид огнестрельного оружия, имеющий полное или частичное конструктивное сходство с действующими образцами ранее разработанного вооружения, или принципиально новое изобретение, специально разработанное и изготовленное для однократного использования, в том числе из композитных материалов, посредством трехмерного моделирования и печати на 3D-принтере.

Список источников

1. Меньшиков М.Д. Современное состояние законодательства в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств // Вестник науки. 2019. № 1 (10). С. 37.

2. Экс-премьер Японии Синдзо Абэ погиб в результате покушения. Как произошло нападение, и кто за ним стоит? [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/brief/2022/07/08/assasination_abe/.

3. Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 30.05.2022) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации») (Зарегистрировано в Минюсте России 23.08.2005 № 6931) // Российская газета. 2005. № 191.

4. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. 24 декабря. № 52. Ч. I. С. 4921.

5. Методика установления принадлежности объекта к огнестрельному оружию. М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2000 [Электронный ресурс]. URL: http://napoleonic.ru/gallery/albums/userpics/10138/методика%20экц.pdf.

6. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Российская газета. 1996. № 113. 18 июня; № 114. 19 июня; № 115. 20 июня; № 118. 25 июня.

7. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об оружии» (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.01.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. 16 декабря. № 51. Ст. 5681.

References

1. Men`shikov M.D. Sovremennoe sostoyanie zakonodatel`stva v sfere nezakonnogo oborota oruzhiya, boepripasov, vzry`vchaty`x veshhestv i vzry`vny`x ustrojstv // Vestnik nauki. 2019. № 1 (10). S. 37.

2. E`ks-prem`er Yaponii Sindzo Abe` pogib v rezul`tate pokusheniya. Kak proizoshlo napadenie, i kto za nim stoit? [E`lektronny`j resurs]. URL: https://lenta.ru/brief/2022/07/08/assasination_abe/.

3. Prikaz MVD Rossii ot 29.06.2005 № 511 (red. ot 30.05.2022) «Voprosy` organizacii proizvodstva sudebny`x e`kspertiz v e`kspertno-kriminalisticheskix podrazdeleniyax organov vnutrennix del Rossijskoj Federacii» (vmeste s «Instrukciej po organizacii proizvodstva sudebny`x e`kspertiz v e`kspertno-kriminalisticheskix podrazdeleniyax organov vnutrennix del Rossijskoj Federacii», «Perechnem rodov (vidov) sudebny`x e`kspertiz, proizvodimy`x v e`kspertno-kriminalisticheskix podrazdeleniyax organov vnutrennix del Rossijskoj Federacii») (Zaregistrirovano v Minyuste Rossii 23.08.2005 № 6931) // Rossijskaya gazeta. 2005. № 191.

4. «Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii» ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 21.11.2022) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2001. 24 dekabrya. № 52. Ch. I. S. 4921.

5. Metodika ustanovleniya prinadlezhnosti ob``ekta k ognestrel`nomu oruzhiyu. M.: GU E`KCz MVD Rossii, 2000 [E`lektronny`j resurs]. URL: http://napoleonic.ru/gallery/albums/userpics/10138/metodika%20e`kcz.pdf.

6. «Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii» ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 21.11.2022) // Rossijskaya gazeta. 1996. № 113. 18 iyunya; № 114. 19 iyunya; № 115. 20 iyunya; № 118. 25 iyunya.

7. Federal`ny`j zakon ot 13.12.1996 № 150-FZ (red. ot 25.12.2023) «Ob oruzhii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 07.01.2024) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1996. 16 dekabrya. № 51. St. 5681.

Статья поступила в редакцию 02.02.2024; одобрена после рецензирования 10.02.2024; принята к публикации 10.02.2024.

The article was submitted 02.02.2024; approved after reviewing 10.02.2024; accepted for publication 10.02.2024.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 75.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):75.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве
Научная статья
УДК 343.9
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_75

МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРОТИВОПРАВНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ

ГАЛЕЦКИЙ Виталий Сергеевич
Кандидат юридических наук, начальник юридического отдела Государственного казенного учреждения города Москвы «Московское экспертное бюро по контролю качества работ на объектах городского хозяйства»
101000, г. Москва, ул. Маросейка, д. 11/4, стр. 3, помещ. 1/2, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, касающиеся особенностей профилактики мошенничеств, связанных с противоправными действиями лиц, оказывающих юридическую помощь, дается криминологическая характеристика таких преступлений, внесены предложения по совершенствованию деятельности по их предупреждению.

Ключевые слова: органы внутренних дел, предупреждение преступлений, мошенничество в сфере оказания юридических услуг, субъекты профилактики, корыстная преступность

Для цитирования: Галецкий В.С. Меры по предупреждению преступлений, связанных с противоправными действиями лиц, оказывающих юридическую помощь // Евразийская адвокатура. 2024. № 1(66). С. 75. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_75

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space
Original article

MEASURES TO PREVENT CRIMES RELATED TO ILLEGAL ACTIONS OF PERSONS PROVIDING LEGAL ASSISTANCE

GALETSKY Vitaly Sergeevich
Candidate of Law, Head of the Legal Department State Government Institution «Moscow Expert Bureau for Quality Control of Works At Municipal Facilities»
101000, Moscow, Maroseika str., 11/4, p. 3, room. 1/2, Russian Federation

Abstract: The article discusses issues related to the specifics of fraud prevention related to illegal actions of persons providing legal assistance, provides a criminological description of such crimes, and makes proposals to improve their prevention activities.

Keywords: Law enforcement agencies, crime prevention, fraud in the provision of legal services, subjects of prevention, mercenary crime

For citation: Galetsky V.S. Measures to Prevent Crimes Related to Illegal Actions of Persons Providing Legal Assistance = Eurasian Advocacy. 2024;1(66):75. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_75

Традиционно корыстная преступность составляет более половины от всех выявленных в Российской Федерации преступлений, при этом различного рода мошеннические действия в общем массиве вышеуказанных деяний по своей распространенности занимают второе место, уступая лидерство только кражам. Например, за 12 месяцев 2022 года зарегистрировано 343,1 тыс. мошенничеств (+ 1 % по отношению к аналогичному периоду 2021 года) [7]. В то же время для мошенничеств характерно причинение значительно большего материального ущерба потерпевшим, нежели от иных видов корыстных преступлений.

Кроме того, мошенничества отличаются большим, по сравнению с иными составами преступлений, разнообразием способов их совершения, среди которых последние несколько лет широкое распространение получили противоправные действия лиц, оказывающих различного рода юридическую помощь гражданам.

© Галецкий В.С., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

Так, согласно информации Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучию человека, за период с 2018 по 2022 год количество обращений в Роспотребнадзор с жалобами на некачественные юридические услуги увеличилось почти вдвое (с 4,5 тыс. до 8 тыс.). При этом недобросовестные практики распространены во всех регионах России. Рискам подвержено даже неплатежеспособное население, поскольку часто такие услуги оказываются в кредит. Реальный совокупный ущерб от подобных действий может превышать несколько миллиардов рублей [3].

Статистические данные Следственного департамента МВД России также свидетельствует о существенном росте числа таких преступлений. За 6 месяцев 2022 года следственными подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации возбуждено 157 (2021 год: за 6 месяцев – 55, за 12 месяцев – 117) уголовных дел данной категории, в суд направлено 13 дел (2021 год: за 6 месяцев – 4, за 12 месяцев – 6). Количество потерпевших – 2426 человек (2021 год: за 6 месяцев – 2026, за 12 месяцев – 2845). Размер ущерба по находящимся в производстве уголовным делам составил более 400 млн рублей (2021 год: за 6 месяцев – 142 млн, за 12 месяцев – 485 млн).

Только в первом квартале 2023 года в органы внутренних дел Российской Федерации поступило 847 заявлений граждан, потерпевших от противоправной деятельности лиц, оказывающих юридические услуги. Наибольшее количество таких заявлений поступило в органы внутренних дел г. Москвы (478), Иркутской (79), Самарской (38) и Кировской областей (28), г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области (29), а также Пермского края (28).

В подавляющем большинстве по итогам проверочных мероприятий принимаются решения об отказе в возбуждении уголовного дела (234 решения) в связи с отсутствием события преступления и в деянии состава преступления. Значительное количество таких решений принималось в органах внутренних дел г. Москвы (96), Кировской области (28), г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области (15), Республики Мордовия (8) [1].

Для указанного вида мошенничества характерно следующее:

1. Использование преступниками в целях личного незаконного материального обогащения общей правовой безграмотности различных слоев населения, в особенности социально незащищенных. Острота проблемы усугубляется тем, что, как правило, потерпевший обращается к мошенникам за помощью «профессионала» в разрешении какой-либо сложной жизненной ситуации, а в результате сталкивается с завуалированным обманом и еще большими трудностями, возникшими в связи с причинением материального ущерба от таких преступных действий и потерянным временем, за которое первоначальная проблема, послужившая причиной обращения, может серьезно усугубиться.

2. Маскировка преступных действий под гражданско-правовые отношения, в связи с чем правоохранительные органы зачастую, рассматривая заявления потерпевших по отдельности, принимают решения об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава (либо события) преступления, не видя всей картины и масштабов подобной деятельности. Это, в свою очередь, негативно сказывается на защите прав и законных интересов потерпевших и дает возможность злоумышленникам не только продолжать свою преступную деятельность, но и расширять ее, причиняя еще больший материальный ущерб.

3. Использование преступниками для привлечения внимания потенциальных потерпевших различных способов психологической «обработки», таких как агрессивная и навязчивая реклама своих услуг, создание собственных колл-центров (или обращение в уже существующие), навязывание дополнительных услуг при обращении за бесплатной консультацией, гарантии 100 % достижения положительного результата решения правовой проблемы. В результате потерпевшие под давлением обмана не только передают мошенникам имеющиеся у них в распоряжении денежные средства, но и берут на себя различные кредитные обязательства.

4. Ориентированность преступных схем на совершение мошенничества в отношении максимально широкого круга лиц, что придает данной преступной деятельности существенные масштабы. Например, по уголовному делу в отношении А. по факту совершения 321 преступления, предусмотренного статьей 159 УК РФ, рассматриваемому Воронежским городским судом, установлено, что подсудимый в составе организованной преступной группы путем обмана и под предлогом оказания правовой помощи похитил у более чем 500 граждан, проживающих в нескольких регионах РФ, денежные средства на общую сумму 20 млн рублей [6].

Все вышеперечисленное, в сочетании с высокой латентностью и сложностью разграничения преступного деяния, совершенного с использованием профессиональных правовых знаний, и

гражданско-правовых отношений, является спецификой современной проблематики борьбы с указанным видом мошенничества. К тому же жертвами таких преступлений зачастую становятся представители самых социально незащищенных слоев общества (пенсионеры, инвалиды, сироты, матери-одиночки и т. д.), что приводит к росту социальной напряженности. В связи с этим вопрос о предупреждении таких деяний 28.09.2022 был вынесен на рассмотрение на заседании межведомственной рабочей группы по противодействию незаконным финансовым операциям [5].

Таким образом, можно констатировать, что на сегодняшний день имеется потребность в выработке действенных мер по предупреждению данного вида мошенничества. При этом, «по мнению большинства криминологов, предупреждение преступности более эффективно, чем другие методы борьбы с ней» [4, с. 76],

Соглашаясь с мнением, высказанным С.И. Долгановым, о том, что «мошенничество будет иметь место только в том случае, если у преступников есть желание совершить мошенничество, если имеется возможность его совершения и если есть возможность уйти от ответственности, избежать наказания» [2, с. 22], выскажем утверждение, что для того чтобы быть эффективными, меры по предупреждению рассматриваемых нами преступлений должны воздействовать на указанные три составляющие.

На общесоциальном уровне в качестве таковых можно предложить:

– внести изменение в действующее законодательство Российской Федерации, обязывающее лицензировать деятельность по оказанию юридических услуг и определяющее квалификационные требования к лицам, их оказывающим. Необходимость этих мер обусловлена тем, что в отношении субъектов, оказывающих бесплатную юридическую помощь, а также адвокатов и нотариусов, государство устанавливает ряд требований, без соблюдения которых данный вид деятельности для них невозможен, в то время как в отношении иных субъектов рынка оказания юридических услуг законодательство не предъявляет каких-либо специальных требований. Следовательно, любое лицо, достигшее 18-летнего возраста, вправе оказывать юридические услуги. Вместе с тем, как показывает анализ сложившейся следственной и судебной практики, именно такими частнопрактикующими специалистами и коммерческими организациями в подавляющем большинстве совершаются рассматриваемые преступления;

– создать реестры лиц, которые имеют право оказывать такие услуги, сделав эти реестры доступными для свободного ознакомления всех граждан;

– разработать универсальные стандарты оказания юридической помощи и повысить эффективность работы государственных органов по контролю за качеством ее оказания;

– выработать и реализовать комплекс мер по повышению юридической грамотности населения на общероссийском уровне.

В качестве мер по совершенствованию деятельности по выявлению таких преступлений и устранению последствий их совершения (специально криминологических мер предупреждения), на наш взгляд, особое значение имеют:

– своевременное выявление фактов совершения данного вида мошенничества, качественное проведение доследственной проверки и принятие решения о возбуждении уголовного дела. К сожалению, в настоящее время сложилась практика проведения таких проверок, при которых критериями наличия состава преступления служат количество заявлений потерпевших, широкий общественный резонанс, требование прокуратуры и т. д. В то время как единичные факты преступлений без должной проверки объявляются гражданско-правовыми отношениями;

– организация эффективного расследования и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности. В том числе принятие исчерпывающих мер по возмещению потерпевшим материального ущерба от преступления;

– публикация в средствах массовой информации и сети «Интернет» сведений о выявлении деятельности организованной группы; возбуждении уголовного дела; о способах совершения указанных преступлений и мерах, как не стать жертвой мошенников; возможности заявить о совершенном в отношении гражданина преступлении;

– проведение в ходе профилактической работы органов внутренних дел бесед с наименее социально-защищенной категорией граждан (пенсионерами, инвалидами, малоимущими, сиротами и т. д.) с целью предупреждения совершения преступлении данной категории и повышения уровня юридической грамотности.

Резюмируя все вышесказанное, отметим, что только путем реализации эффективных мер по предупреждению преступлений, связанных с противоправными действиями лиц, оказывающих юридическую помощь, возможно добиться существенного снижения количества таких деяний.

Список источников

1. Выявление и расследование преступлений, связанных с противоправными действиями лиц, оказывающих юридическую помощь и консультационные услуги по правовым и финансовым вопросам: метод. рек. / Академия управления МВД России. М., 2023. (не публиковались).
2. Долганов С.И. Предупреждение корпоративного мошенничества в сфере банковской деятельности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2021. С. 234.
3. Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2022 году: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/upload/iblock/b9c/drwsqj910f3ye67b93b37mi1t4jmmerz/GDZPP.pdf.
4. Коржев М.А. Понятие и система предупреждения преступности // Инновационная наука. 2015. № 7. С. 76.
5. Протокол заседания МРГ от 28.09.2022 № 48 МВД России совместно с ФСБ России, Генеральной прокуратурой Российской Федерации, СК России, Росфинмониторингом, ФНС России, Банком России (не публиковался).
6. Уголовное дело № 1-300/2023 от 24.03.2023 [Электронный ресурс]. URL: http:// sud-voronezh.ru.
7. Отчет по форме федерального статистического наблюдения 4-ЕГС «Общие сведения о состоянии преступности» за январь–декабрь 2022 [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/analytics.

References

1. Vy`yavlenie i rassledovanie prestuplenij, svyazanny`x s protivopravny`mi dejstviyami licz, okazy`vayushhix yuridicheskuyu pomoshh` i konsul`tacionny`e uslugi po pravovy`m i finansovy`m voprosam: metod. rek. / Akademiya upravleniya MVD Rossii. M., 2023. (ne publikovalis`).
2. Dolganov S.I. Preduprezhdenie korporativnogo moshennichestva v sfere bankovskoj deyatel`nosti: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2021. S. 234.
3. Zashhita prav potrebitelej v Rossijskoj Federacii v 2022 godu: Gosudarstvenny`j doklad. M.: Federal`naya sluzhba po nadzoru v sfere zashhity` prav potrebitelej i blagopoluchiya cheloveka, 2023 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/upload/iblock/b9c/drwsqj910f3ye67b93b37mi1t4jmmerz/GDZPP.pdf.
4. Korzhev M.A. Ponyatie i sistema preduprezhdeniya prestupnosti // Innovacionnaya nauka. 2015. № 7. S. 76.
5. Protokol zasedaniya MRG ot 28.09.2022 № 48 MVD Rossii sovmestno s FSB Rossii, General`noj prokuraturoj Rossijskoj Federacii, SK Rossii, Rosfinmonitoringom, FNS Rossii, Bankom Rossii (ne publikovalsya).
6. Ugolovnoe delo № 1-300/2023 ot 24.03.2023 [E`lektronny`j resurs]. URL: http:// sud-voronezh.ru.
7. Otchet po forme federal`nogo statisticheskogo nablyudeniya 4-EGS «Obshhie svedeniya o sostoyanii prestupnosti» za yanvar`–dekabr` 2022 [E`lektronny`j resurs]. URL: http://crimestat.ru/analytics.

Статья поступила в редакцию 30.01.2024; одобрена после рецензирования 05.02.2024; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted 30.01.2024; approved after reviewing 05.02.2024; accepted for publication 05.02.2024.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 79.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):79.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве
Научная статья
УДК 349.6
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_79

ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРОВ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА УСТРАНЕНИЕ НАРУШЕНИЙ ПРИРОДООХРАННОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ДЁМИНА Елизавета Петровна
Соискатель Юридического института Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассмотрены полномочия прокуроров в рамках природоохранного и экологического законодательства. Автор проанализировал, сколько выявлено и устранено нарушений с 2017 года.

Ключевые слова: природоохрана, экология, прокурорский надзор, прокурор, экологическое законодательство, нарушение

Для цитирования: Дёмина Е.П. Полномочия прокуроров, направленные на устранение нарушений природоохранного и экологического законодательства // Евразийская адвокатура. 2024. № 1(66). С. 79. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_79

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space
Original article

THE POWERS OF PROSECUTORS AIMED AT ELIMINATING VIOLATIONS OF ENVIRONMENTAL AND ENVIRONMENTAL LEGISLATION

DEMINA Elizaveta Petrovna
Postgraduate Student of the P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
117198, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6, Russian Federation

Abstract: The article examines the powers of prosecutors. The author analyzed how many violations have been detected and eliminated since 2017.

Keywords: environmental protection, ecology, prosecutor's supervision, prosecutor, environmental legislation, violation

For citation: Demina E.P. The Powers of Prosecutors Aimed at Eliminating Violations of Environmental and Environmental Legislation= Eurasian Advocacy. 2024;1(66):79. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_79

На сегодняшний день в России создана весьма эффективная структура прокурорского надзора за исполнением природоохранного и экологического законодательства, действует сеть природоохранных прокуратур.

ФЗ «О прокуратуре РФ» содержит исчерпывающий перечень мер прокурорского реагирования на выявленные правонарушения, которые в полном объеме должны применяться по фактам нарушений законов в природоохранной сфере (ст. 23, 24, 25). В первую очередь это акты прокурорского реагирования: протест, постановление, представление прокурора и предостережение о недопустимости нарушения закона.

В 2017 г. прокурорами вскрыто 283 тыс. нарушений законов в сфере охраны природы, принесено почти 10 тыс. протестов, внесено 60 тыс. представлений, в суды предъявлено свыше 28 тыс. исков и заявлений на сумму 8 млрд рублей.

Наиболее распространенным в прокурорской практике актом реагирования является протест. Протест на противоречащий закону правовой акт в соответствии со ст. 23 ФЗ «О прокуратуре» прокурор или его заместитель приносит в орган или должностному лицу, которые издали этот акт, либо в вышестоящий орган или вышестоящему должностному лицу, либо обращается в суд в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством РФ. В п. 4.2 Приказа Генеральной прокуратуры РФ «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражда-

© Дёмина Е.П., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

нина» зафиксировано, что при выборе форм реагирования на выявленные незаконные правовые акты прокурор обязан безотлагательно принести протест на незаконный правовой акт, в случае его отклонения в установленном порядке обратиться с заявлением в суд. Как показывает практика, в большинстве своём нарушаются требования ФЗ «Об экологической экспертизе» и Земельного кодекса РФ, прежде всего это касается процедуры определения категории земель.

Акты органов местного самоуправления, определяющие режим земель, зачастую противоречат законодательству. Стоит подчеркнуть, что это касается не только формы документа, но и его содержания – зачастую документальная принадлежность земельного участка к определенной категории не соответствует действительности. Как правило, причинами такого явления могут служить недостаточная компетентность соответствующих органов или же их непосредственная заинтересованность [7].

Протесты прокурора способствуют отмене правовых актов, которые не отвечают требованиям закона [6, с. 189]. Они подаются вышестоящему должностному лицу или органу. Протест является властным средством прокурорского реагирования. Орган или должностное лицо, которому принесен протест, должны рассмотреть его в установленный законом срок и принять меры по его отмене или изменению, о чем уведомить прокурора в письменной форме.

Так, например, в 2019 г. Департаментом природных ресурсов, экологии и агропромышленного комплекса Ненецкого автономного округа по результатам рассмотрения предложений прокуратуры округа, направленных в порядке ст. 9 ФЗ «О прокуратуре РФ», внесены изменения в восемь Положений об особо охраняемых природных территориях регионального значения в части организации природоохранной и туристической деятельности. В целях защиты прав коренных и малочисленных народов Севера прокуратурой округа было акцентировано внимание Департамента на необходимости указания в Положениях об особо охраняемых природных территориях, созданных в 2017 г., что «объявление территории заказника не влечет за собой изъятие земельных участков у пользователей, владельцев и собственников земельных участков».

Следующий акт прокурорского реагирования – представление. Стоит подчеркнуть, что представления направлены на устранение не только нарушений в природоохранной сфере, но и их причин, а также способствующих им условий. Как правило, особенностью представлений можно считать то, что в них ставится вопрос об устранении экологических правонарушений, допускаемых в форме бездействия, в отличие от протестов.

Представление должно быть рассмотрено тем органом или тем должностным лицом, в адрес которого оно внесено. По итогам процедуры должно быть принято решение об определённых мерах по устранению экологических правонарушений, указанных прокурором. Соответствующий уполномоченный орган или же должностное лицо должны сообщить прокурору о принятом решении и о реализуемых мерах в письменном виде [3, с. 69].

Кроме того, существует ещё одна форма представления прокурора. Исходя из имеющихся материалов, касающихся наиболее частых нарушений в природоохранной сфере, а также на основе анализа исполнения законов в рассматриваемой сфере, прокуроры обладают правом вносить обобщенные представления в органы представительной и исполнительной власти, а также в вышестоящие органы, компетенция которых предусматривает формирование нормативно-правой базы в природоохранной сфере [2, с. 95].

Как правило, подобные представления имеют рекомендательный характер; в большинстве своём они направлены на предупреждение, предотвращение подобных нарушений впредь, а не на пресечение определённого нарушения в экологической сфере.

Например, прокуратурой Ненецкого автономного округа в 2017 г. были приняты меры к ликвидации загрязнений земли. Так, МУП «Амдермасервис» допустило разлив дизельного топлива на грунт при перекачке. По результатам проверки данное предприятие привлечено к административной ответственности по ст. 9.1 КоАП РФ. Руководителю предприятия внесено представление об устранении нарушений закона, по результатам рассмотрения которого приняты меры к устранению нарушений, виновное должностное лицо привлечено к дисциплинарной ответственности.

В Кодексе об административных правонарушениях отдельная глава, состоящая из 41 статьи, посвящена ответственности за нарушение экологического законодательства.

Согласно ст. 28.4 КоАП РФ, в ситуациях, когда появляется необходимость привлечения виновных должностных лиц за правонарушения в природоохранной сфере к административной ответственности, и данный вопрос не был поставлен в другом акте реагирования, прокурор выносит постановление о возбуждении дела об административном

правонарушении. В постановлении прокурор даёт правовую квалификацию содеянного. За совершение административных экологических правонарушений, как правило, предусмотрен административный штраф. В качестве дополнительного наказания также применяется конфискация.

Стоит отметить, что подобное постановление может выноситься не только в отношении должностных лиц, но и юридических лиц и граждан [2, с. 95]. Важно подчеркнуть, что прокурор обладает правом вынесения постановления о возбуждении дела об административном правонарушении, однако не имеет права самостоятельно рассматривать его; этим занимается соответствующий орган государственной власти.

В ситуации, когда деяние содержит признаки преступления, предусмотренного Уголовным кодексом, прокурор должен вынести постановление о направлении в органы предварительного расследования соответствующих материалов для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства. В УК РФ имеется целая глава, состоящая из 18 статей, посвященная экологическим преступлениям [4].

Специфика прокурорского реагирования на совершение экологических преступлений состоит в том, что оно должно быть быстрым [5, с. 7]. Дело в том, что подобные правонарушения могут нанести большой вред окружающей среде, а он, в свою очередь, может негативно воздействовать на людей.

В декабре 2017 г. Волгоградская межрайонная природоохранная прокуратура провела проверку исполнения водоохранного законодательства в деятельности комитета природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Волгоградской области. По итогам проверки было установлено, в нарушение требований закона региональный орган власти не исполнил обязательства в части установления границ водоохранных зон и прибрежных защитных полос водного объекта.

С целью устранения нарушений закона природоохранный прокурор внёс представление председателю комитета природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Волгоградской области. В связи с неустранением нарушений закона прокурор обратился с иском в суд об обязании регионального органа власти определить ширину водоохранной зоны и прибрежной защитной полосы реки Ахтуба. Решением суда требования прокурора удовлетворены в полном объеме. Таким образом, только после вмешательства природоохранного прокурора нарушения закона устранены: в настоящее время описаны и отображены на картографическом материале границы водоохранной зоны и прибрежной защитной полосы реки.

Как правило, основными причинами для обращения прокурора в суд являются: причинение вреда природным объектам; невыполнение органами публичной власти определенных мероприятий, предписанных законодательством; незаконное использование организациями, предприятиями природных ресурсов; нарушение требований при использовании природных ресурсов [1, с. 360].

Еще одним средством прокурорского реагирования при осуществлении прокурорского надзора за исполнением природоохранного и экологического законодательства является предостережение о недопустимости нарушения закона. По сути оно является самой мягкой правовой формой прокурорского реагирования.

Применяя предостережение и, таким образом, напрямую обращаясь к правонарушителям, прокурор обладает широким кругом возможностей для осуществления профилактической работы в индивидуальном порядке. При этом он разъясняет требования соответствующих норм, нарушенных этим лицом. Важно отметить, что направление предостережения возможно только в тех случаях, когда прокурор обладает проверенной информацией о том, что правонарушение может быть совершено.

Таким образом, предостережение прокурора – начальная форма прокурорского реагирования; оно направляется еще до того, как будет совершено экологическое нарушение. Основным отличием данного средства прокурорского реагирования от других является время совершения правонарушения: протест, постановление, представление прокурора выносится во время или после совершения правонарушения, а предостережение о недопустимости нарушения закона – до его совершения.

Следует отметить, что предостережение может быть адресовано только лишь к должностным лицам; оно не может применяться в отношении гражданина или юридического лица. Оно также может объявляться руководителям и другим работникам коммерческих организаций [4].

Если должностное лицо не исполнило требования, изложенные в предостережении, оно может быть привлечено к ответственности в установленном законом порядке.

Безусловно, средства прокурорского реагирования являются важнейшим инструментом, важ-

ной частью системы соблюдения законности в нашем государстве. В силу того, что их применение достаточно оперативное, они способны разрешить множество проблем ещё на ранней стадии, а это существенным образом снижает вред, причиняемый нарушениями нормативно-правовых актов в сфере охраны окружающей среды.

Основное и наиболее действенное гражданско-правовое средство защиты интересов граждан на благоприятную среду обитания – реализация прокурором права на обращение в суд с исковыми заявлениями, направленными на устранение нарушений в экологической сфере [4].

Анализ количественных показателей надзорной деятельности органов прокуратуры за соблюдением природоохранного и экологического законодательства говорит о принципиальной позиции прокуроров в вопросе принятия исчерпывающих мер реагирования, направленных на устранение нарушений соответствующих нормативно-правовых актов и привлечение виновных лиц к ответственности [1, с. 360].

При выборе мер прокурорского реагирования для устранения нарушений природоохранного и экологического законодательства в каждом конкретном случае прокурорам необходимо оценивать возможные негативные последствия исполнения их же требований. Прежде всего, прокурорам необходимо принимать во внимание тот факт, что акты реагирования должны быть направлены не на разрушение существующих правоотношений в сфере природоохраны и экологии, а на их корректировку и приведение в соответствие с действующим законодательством в сфере охраны окружающей среды.

Список источников

1. Батурина Г.К., Добрецов Д.Г., Суслова Н.В. Надзор прокуратуры за исполнением законов, регулирующих права человека и гражданина в сфере экологии // Прокурорский надзор за соблюдением социальных прав граждан: сборник методических материалов. М.: Изд-во Ген. прокуратуры РФ, Академия Ген. прокуратуры РФ, 2013. С. 360–389.
2. Воронин О. В. К вопросу о содержании современного прокурорского надзора // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 346. С. 95–97.
3. Дёмина Е.П. Особенности взаимодействие института Уполномоченного по правам человека РФ со следственным комитетом РФ // Закон и право. 2023. № 4. С. 69–72.
4. Маташева О.Д. Место прокуратуры в системе органов, осуществляющих надзор в сфере экологии // Правовая инициатива. 2013. № 3.
5. Сергиенко А. Надзор за исполнением законодательства об экологической безопасности // Законность. 2007. № 8. С. 7–9.
6. Осипов Г.И. Деятельность органов прокуратуры по реализации экологического законодательства для обеспечения экологической безопасности // Грачев В.А., Кудрина И.А., Лопатин В.Н. Экологическая безопасность России: проблемы правоприменительной практики / ред.: В.Н. Лопатин. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, 2003.
7. Ризаева Д., Манна А.А.К. Согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее преступность деяния в англо-саксонской системе права // Правозащитник. 2017. № 2.

References

1. Baturina G.K., Dobreczov D.G., Suslova N.V. Nadzor prokuratury` za ispolneniem zakonov, reguliruyushhix prava cheloveka i grazhdanina v sfere e`kologii // Prokurorskij nadzor za soblyudeniem social`ny`x prav grazhdan: sbornik metodicheskix materialov. M.: Izd-vo Gen. prokuratury` RF, Akademiya Gen. prokuratury` RF, 2013. S. 360–389.
2. Voronin O. V. K voprosu o soderzhanii sovremennogo prokurorskogo nadzora // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2011. № 346. S. 95–97.
3. Dyomina E.P. Osobennosti vzaimodejstvie instituta Upolnomochennogo po pravam cheloveka RF so sledstvenny`m komitetom RF // Zakon i pravo. 2023. № 4. S. 69–72.
4. Matasheva O.D. Mesto prokuratury` v sisteme organov, osushhestvlyayushhix nadzor v sfere e`kologii // Pravovaya iniciativa. 2013. № 3.
5. Sergienko A. Nadzor za ispolneniem zakonodatel`stva ob e`kologicheskoj bezopasnosti // Zakonnost`. 2007. № 8. S. 7–9.
6. Osipov G.I. Deyatel`nost` organov prokuratury` po realizacii e`kologicheskogo zakonodatel`stva dlya obespecheniya e`kologicheskoj bezopasnosti // Grachev V.A., Kudrina I.A., Lopatin V.N. E`kologicheskaya bezopasnost` Rossii: problemy` pravoprimenitel`noj praktiki / red.: V.N. Lopatin. M.: NII problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka pri General`noj prokurature Rossijskoj Federacii, 2003.
7. Rizaeva D., Manna A.A.K. Soglasie poterpevshego kak obstoyatel`stvo, isklyuchayushhee prestupnost` deyaniya v anglo-saksonskoj sisteme prava // Pravozashhitnik. 2017. № 2.

Статья поступила в редакцию 14.12.2023; одобрена после рецензирования 18.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 14.12.2023; approved after reviewing 18.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 83.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):83.

Права человека в евразийском пространстве

Научная статья
УДК 342.413
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_83

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЧЛЕНОВРЕДИТЕЛЬСТВО ОСУЖДЕННЫХ В СВЕТЕ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

РАХИМБЕРДИН Куат Хажумуханович
Доктор юридических наук, профессор кафедры юриспруденции Восточно-Казахстанского университета имени С. Аманжолова, член Общественного совета по вопросам деятельности органов внутренних дел Республики Казахстан
070004, г. Усть-Каменогорск, ул. Казахстан, д. 55, Республика Казахстан

Аннотация: Цель исследования заключается в критическом анализе Нормативного постановления Конституционного Суда Республики Казахстан от 6 декабря 2023 года № 37-НП «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан части третьей статьи 428 Уголовного кодекса РК от 3 июля 2014 года и подпункта 2) части второй статьи 130 Уголовно-исполнительного кодекса РК от 5 июля 2014 года» на предмет соответствия фундаментальным принципам Конституции Республики Казахстан, положениям Международного Пакта ООН о гражданских и политических правах, Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и другим международным правовым актам, обеспечивающим права и свободы человека в условиях изоляции от общества, а также доктринально обоснованному Нормативному постановлению Конституционного Совета от 27 февраля 2008 года № 2 «О проверке конституционности частей первой и четвертой статьи 361 Уголовного кодекса РК по обращению Капшагайского городского суда Алматинской области», признавшему уголовную ответственность осужденных за членовредительство противоречащей конституционно-правовым основам Республики Казахстан.

Ключевые слова: Конституция, Конституционный Суд, членовредительство осужденных, права и свободы человека, международные стандарты ООН, Республика Казахстан

Для цитирования: Рахимбердин К.Х. Уголовная ответственность за членовредительство осужденных в свете правовой позиции Конституционного Суда Республики Казахстан: некоторые аспекты критического анализа // Евразийская адвокатура. 2024. № 1(66). С. 83. https:// doi.org//10.52068/2304-9839_2024_66_1_83

Human Rights in the Eurasian Space

Original article

CRIMINAL LIABILITY FOR SELF-HARM OF CONVICTED PERSONS IN THE LIGHT OF THE LEGAL POSITION OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: SOME ASPECTS OF CRITICAL ANALYSIS

RAKHIMBERDIN Kuat Khazhumukhanovich
Doctor of Law, Professor of the Department of Jurisprudence of S. Amanzholov East Kazakhstan University, member of the Public Council on the Activities of the Internal Affairs Bodies of the Republic of Kazakhstan
070004, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan str., 55, Republic of Kazakhstan

Abstract: The purpose of the study is to critically analyze the Normative Resolution of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan dated December 6, 2023 No. 37-NP “On consideration of compliance with the Constitution of the Republic of Kazakhstan of part three of Article 428 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 and subparagraph 2) of part two of the article 130 of the Criminal Executive Code of the Republic of Kazakhstan dated July 5, 2014, the fundamental principles of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the provisions of the UN International Covenant on Civil and Political Rights, the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment and other international legal acts ensuring human rights and freedoms in conditions of isolation from society, as well as the doctrinally based Normative Resolution of the Constitutional Council of February 27, 2008 No. 2 “On checking the constitutionality of parts one and four of Article 361 of the Criminal Code of the Re-

© Рахимбердин К.Х., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

public of Kazakhstan upon the appeal of the Kapshagai City Court of the Almaty Region, which recognized the criminal liability of the convicted for self-harm, contrary to the constitutional and legal foundations of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: Constitution, Constitutional Court, self-harm of convicted persons, human rights and freedoms, UN international standards, Republic of Kazakhstan

For citation: Rakhimberdin K.Kh. Criminal Liability for Self-harm of Convicted Persons in the Light of the Legal Position of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan: Some Aspects of Critical Analysis = Eurasian Advocacy. 2024;1(66):83. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_83

Системная модернизация казахстанского общества и государства, инициированная реформами, предпринятыми при решающей поддержке Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева, затронула практически все сферы социальной деятельности, включая важнейшую среди них – сферу защиты прав и свобод человека. Наглядным свидетельством этому является Указ Президента Республики Казахстан от 8 декабря 2023 года «О Плане действий в области прав человека и верховенства закона» [1]. В этом документе политико-правового характера нашел отражение системный подход к проблеме повышения эффективности деятельности государственных органов и иных социальных институтов по защите прав и основных свобод человека, связанный с дальнейшей имплементацией международных стандартов ООН, посвященных данным правам и свободам, интеграцией правотворческих и правоприменительных усилий, направленных на противодействие различным нарушениям прав и свобод человека. Вполне очевидно, что положения названного указа главы казахстанского государства имеют непосредственное отношение к реализации контрольно-надзорных функций правоохранительной системы, отправлению правосудия и к позиционированию нашей страны на международной арене как государства, последовательно и неукоснительно соблюдающего рекомендации международных правовых актов ООН в области прав человека. Полагаем, что позиция лидера Казахстана, буквально вдохновляющего важнейшие институциональные реформы, осуществляемые в стране в последние годы, должна существенным образом влиять на правореализационную практику, непосредственно затрагивающую комплекс вопросов признания, уважения, соблюдения и защиты фундаментальных прав граждан нашей страны.

В этой связи обращает на себя внимание проблема защиты прав и свобод граждан Республики Казахстан, оказавшихся в условиях принудительной изоляции от общества. Составной частью этой проблемы является инструментарий уголовной ответственности за причинение осужденными, лишенными свободы, вреда своему здоровью в целях уклонения от отбывания наказания (ч. 3 ст. 428 УК РК). Эта уголовно-правовая норма фактически предлагает карать человека только за то, что он нанес вред своему собственному здоровью и пострадал от этого вреда. Иными словами, пусть его физические страдания, обусловленные нанесением увечий, сопровождаются страданиями моральными, вызванными претерпеванием уголовной кары, предусмотренной статьей 428 УК РК.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что еще в 2008 году Конституционный Совет Республики Казахстан в своем Нормативном постановлении от 27 февраля 2008 года № 2 «О проверке конституционности частей первой и четвертой статьи 61 Уголовного кодекса РК по обращению Капшагайского городского суда Алматинской области» [2] обоснованно признал не соответствующей Конституции страны норму ранее действовавшего Уголовного кодекса РК 1997 года, устанавливавшую ответственность за членовредительство осужденных. Как юрист, много лет занимающийся проблемами имплементации международных стандартов прав человека и сферы уголовного правосудия, должен отметить высокий доктринальный и правовой уровень данного Нормативного постановления Конституционного Совета РК, которое в условиях существования авторитарного политического режима, тем не менее, последовательно отражало охраняемые Конституцией высшие социальные ценности [3]. На содержание этого важнейшего документа конституционной юстиции существенно повлияла позиция видных ученых-юристов Казахстана – академиков Национальной академии наук Республики Казахстан, докторов юридических наук, профессоров С.З. Зиманова, Г.С. Сапаргалиева, докторов юридических наук, профессоров Е.И. Каиржанова и А.А. Матюхина, являющихся гордостью казахстанской юридической науки и привлеченных Конституционным Советом в качестве экспертов и специалистов.

Однако, по-видимому, нашлись влиятельные силы, которых подход Конституционного Совета Республики Казахстан к проблеме ответственности за членовредительство осужденных не устроил, и упомянутая статья еще долгое время «украшала» Уголовный кодекс Казахстана. Лишь

в 2009 году она была из него исключена. Казалось бы, точка в этой истории была поставлена раз и навсегда. Однако удивительным образом фактическая «реинкарнация» нормы об ответственности за членовредительство произошла в действующем Уголовном кодексе Казахстана, принятом в 2014 году. При этом Нормативное постановление Конституционного Совета от 2008 года, о котором было сказано выше, не отменено, а следовательно, сохраняет свою юридическую силу и политическое значение. В этих условиях Конституционный Суд Республики Казахстан, являющийся в настоящее время субъектом конституционного контроля в Республике Казахстан, по обращению Н.С. Моора принимает Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 6 декабря 2023 года № 37-НП «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан части третьей статьи 428 Уголовного кодекса РК от 3 июля 2014 года и подпункта 2) части второй статьи 130 Уголовно-исполнительного кодекса РК от 5 июля 2014 года» [4].

Следует отметить, что Конституционный Суд в описательной части своего постановления ссылается на положения Конституции Республики Казахстан о правах и свободах человека, а также на правовую позицию Конституционного Совета, изложенную применительно к статье 361 УК РК (1997 г.), «зеркальным» отражением которой фактически является ч. 3 статьи 428 действующего УК РК, ставшая предметом разбирательства в Конституционном Суде Республики Казахстан. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Конституционный Суд признал, что правовые позиции Конституционного Совета, касающиеся способов выражения осужденными своего протеста против бесчеловечных способов обращения и наказания, сохраняют свое значение и в настоящее время. Высший орган осуществления конституционного правосудия сослался также на Международный пакт ООН о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, являющийся международным договором, отметив его роль в защите права на свободу выражения мнений и убеждений. При этом Конституционный Суд подчеркнул, что, «Согласно положениям МПГПП, пользование правами, предусмотренными пунктом 2 статьи 19, налагает на человека особые обязанности и особую ответственность. Они могут быть сопряжены с некоторыми ограничениями, которые должны быть установлены законом и являться необходимыми: a) для уважения прав и репутации других лиц; b) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения». Вполне очевидно, что по своему политико-правовому смыслу в положениях Международного пакта ООН о гражданских и политических правах речь идет о таких ограничениях разумного, достаточного и необходимого характера, которые обусловлены задачами защиты важнейших социальных ценностей, которые ограничению не подлежат. Так, например, никакими высшими интересами не может быть оправдано ограничение права на защиту от пыток и других видов жестокого, бесчеловечного обращения, на недискриминацию, права на доступ к судебной защите. Однако вызывает удивление, что Конституционный Суд ссылается на правовую позицию Конституционного Совета, указывая, что членовредительство может рассматриваться как способ защиты собственного достоинства лицами, лишенными свободы. Но это означает неоправданное смешение двух разнородных правовых категорий: собственного (личного) достоинства и человеческого достоинства осужденных. Представляется, что Конституционный Совет имел в виду именно человеческое достоинство, а не личное, о котором упоминается в постановлении Конституционного Суда. Личное достоинство неизбежно умаляется фактом осуждения гражданина и претерпеванием им лишений и наказания. Что касается человеческого достоинства, то оно неприкосновенно, и посягательства на него являются пытками и другими способами жестокого обращения. Поэтому осужденные, как и любые другие граждане, обладают абсолютным и неотчуждаемым правом на защиту от пыток и иного бесчеловечного обращения, а крайним средством такой защиты и выражения протеста против условий отбывания наказания, несовместимых с человеческим достоинством, является членовредительство осужденных. Именно на это обстоятельство обратил внимание Конституционный Совет Казахстана в 2008 году.

Логика Нормативного постановления Конституционного Суда такова, что он предлагает разграничивать членовредительство как ответ на незаконные действия администрации и персонала пенитенциарных учреждений, который должен сопровождаться ответственностью осужденного, и членовредительство как ответ на правомерные действия администрации данных учреждений, который должен быть наказуем. Но по каким критериям определять, где начинаются незаконные действия и завершаются правомерные? Например, в ситуации, когда осужденных привлекли к бесплатному труду по благоустройству территории учреждения, а среди этих осужденных ока-

зались лица, принадлежащие к так называемым «привилегированным» стратам тюремного сообщества, возложившие свои трудовые обязанности на других осужденных, отказ последними от выполнения работ «за себя и того парня» вполне можно истолковать как отказ от выполнения законных требований персонала УИС. И тогда членовредительство осужденного, не выдержавшего давления заключенных-«положенцев» и администрации учреждения и совершившего членовредительство, будет квалифицировано по части 3 статьи 428 УК РК. Но будет ли это справедливым в правовом, демократическом государстве? Весьма сомнительно. Далее Конституционный Суд указывает, что, если граждане пытаются уклониться от исполнения своих обязанностей, установленных Конституцией или предусмотренных законом, в части отбывания наказания, в том числе и путем членовредительства, – они могут нести за это соответствующую ответственность. Иным словами, если гражданин не захотел претерпевать лишения и страдания, вызванные порядком отбывания наказания, и нанес себе увечья, он должен нести уголовную ответственность. В этой связи следует отметить, что еще в средневековом английском уголовном праве, до сих пор сохраняющем черты архаичности, существовала уголовная ответственность за покушение на самоубийство. Если суицидент, пытавшийся свести счеты с жизнью, по какой-либо причине не «преуспевал» в этом, то он подлежал смертной казни, поскольку только король, олицетворяющий высшую государственную власть, мог распоряжаться жизнью своих подданных. Похоже, что казахстанский законодатель солидаризовался с этим средневековым подходом, криминализовав действия осужденного по нанесению себе увечий как противоречащие воле государства, установившего обязанность претерпевать не только порядок и условия отбывания и наказания в виде лишения свободы, но и сопутствующие им лишения и страдания. И Конституционный Суд подобное положение вещей признал приемлемым и оправданным. Хотелось бы отметить, что подобной ответственности нет в абсолютном большинстве европейских государств и у нашего ближайшего соседа – Российской Федерации.

Другим спорным моментом, с позиции Конституционного Суда Республики Казахстан, является обоснование необходимости криминализации деяния, предусмотренного ч. 3 статьи 428 УК РК. Юристам известно «золотое правило» криминализации, согласно которому в уголовный закон, являющийся источником материального права, составы преступлений можно включать при наличии их реальной общественной опасности и массовости совершения. К сожалению, Конституционный Суд эту реальную общественную опасность анализу не подвергает, ограничиваясь констатацией роли такого объекта уголовно-правовой охраны, как интересы правосудия. Но что важнее для интересов правосудия: предотвращение и своевременное разрешение конфликтов между осужденными и администрацией пенитенциарных учреждений или возложение на этих осужденных дополнительных карательных ограничений, углубляющих эти конфликты? Ответ на этот вопрос, думается, вполне очевиден. Конституционный Суд указывает, что противоправное поведение осужденных, связанное с невыполнением требований Правил внутреннего распорядка, может повлечь меры взыскания, предусмотренные статьями 130, 131 Уголовно-исполнительного кодекса РК. Аргументируя свой подход, Конституционный суд апеллирует также к подпункту 3 части 3 статьи 104 УИК РК о недопустимости осужденному причинять вред своему здоровью. Но ведь дисциплинарные взыскания, о которых говорят упомянутые статьи УИК РК, – это не наказание за совершенное преступление. И с каких пор уголовно-исполнительное законодательство стало определять основания криминализации деяния?! Разве может процессуальный (уголовно-исполнительный) закон устанавливать основания того, что подлежит закреплению в материальном источнике права – Уголовном кодексе? И могут ли это делать Правила внутреннего распорядка учреждения, являющиеся даже не законом, а подзаконным актом. По логике Конституционного Суда, осужденного следует подвергнуть уголовному наказанию за то, что у него имелась направленность умысла на уклонение от обязанностей, предусмотренных законом и Правилами внутреннего распорядка учреждения. По этому поводу отмечу. Как юрист, привык считать, что направленность умысла всегда связана с осознанием виновным общественной опасности деяния и стремлением причинить вред объектам уголовно-правовой охраны либо с безразличным отношением к такому причинению. Поэтому весьма сомнительно, с точки зрения классической уголовно-правовой доктрины, усматривать в умысле на совершение преступления готовность нарушить требования подзаконного нормативного акта. Помимо всего прочего, это неоправданно смешивает осознание общественной опасности и противоправности деяния. Любому юристу должно быть известно, что требовать осознания

противоправности от виновного нельзя, иначе любое нарушение уголовного закона можно объяснить его незнанием. При установлении умысла на уголовное правонарушение необходимо доказывать именно осознание общественной опасности деяния, а не его противоправность.

Наряду с этим Конституционный Суд отмечает (и совершенно правильно) правовую неопределённость части 3 статьи 428 УК РК, поскольку ее положения формально могут применяться не только к осужденным, находящимся в пенитенциарных учреждениях, но и к иным лицам, помещенным в различные специализированные учреждения МВД РК. Можно ли при этом уголовно-правовую норму с высоким уровнем правовой неопределенности считать соответствующей Конституции, устанавливающей фундамент правотворческой деятельности и ее высокие стандарты? Можно ли одни оценочные понятия (например, цель уклонения от отбывания наказания) объяснять другими оценочными понятиями, порождающими риски произвола, злоупотреблений и коррупции в условиях принудительной изоляции от общества?

Вызывает недоумение то обстоятельство, что в качестве эксперта Конституционный Суд привлек научного сотрудника Научно-исследовательского института Карагандинской Академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Б. Бейсенова. Почему не были привлечены эксперты из гражданских образовательных организаций, остается загадкой. Ведь данный эксперт фактически является лицом заинтересованным, поскольку учреждения и органы уголовно-исполнительной системы находятся в том же ведомстве, что и Карагандинская Академия – в Министерстве внутренних дел Казахстана. Подобная заинтересованность означает, что экспертное заключение, подготовленное для Конституционного Суда, по существу не отвечает критериям допустимости доказательств, а значит, на нем не могут основываться судебные решения. Все это создает почву для критических суждений в отношении рассматриваемого документа.

Конституционный Суд Республики Казахстан приходит к выводу, что часть 3 ст. 428 УК соответствует Основному закону страны. Это весьма и весьма спорное решение обосновывается ссылками на нормы УИК РК, на положения Правил внутреннего распорядка, а затем в резолютивной части приводятся положения Конституции РК и Конституционного Закона РК от 5 ноября 2022 года «О Конституционном суде Республики Казахстан».

При этом, к сожалению, описательная часть Постановления не содержит каких-либо упоминаний о международных правовых актах ООН, об общепризнанных нормах и принципах международного права и об их системной связи с важнейшими принципами Конституции Республики Казахстан. Завершается описательная часть, как было уже сказано, констатацией положений уголовно-исполнительного законодательства, которые сами по себе основаниями для криминализации деяний выступать не могут. Это, как представляется, нарушает «архитектуру и симфонию» акта конституционного правосудия, снижает его уровень и уровень восприятия общественным мнением.

Какие риски и возможные негативные последствия при этом возникают? Конституционный Суд является высшей и последней инстанцией, в которой граждане нашего государства на национальном уровне могут оспорить несправедливые и нарушающие права и свободы законодательные акты. Далее остается инструментарий обращения в квазисудебные органы международных публичных организаций. Но этот путь, на наш взгляд, чреват негативным восприятием национальной системы защиты прав и свобод человека как неэффективной и не работающей.

Это создает предпосылки для снижения доверия граждан к правоохранительным институтам Казахстана. С другой стороны, отрицательные оценки расхождений национального законодательства нашей страны и международных стандартов прав человека, данные, например, профильными Комитетами ООН, будут, несомненно, способствовать уменьшению престижа страны на международной арене, порождать упреки и претензии относительно несоответствия реальной практике конституционных постулатов о том, что Республика Казахстан последовательно сохраняет приверженность международным обязательствам в области прав и свобод человека. В перспективе это чревато опасностью вмешательства во внутренние дела нашей страны и ухудшения ее позиций перед лицом мирового сообщества.

Подводя итог изложенному, к сожалению, вынужден констатировать, что в силу обозначенных проблем Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан, сохраняющее норму об уголовной ответственности за членовредительство осужденных, хотя и в измененном виде, едва ли соответствует инновационному курсу Президента нашей страны К.-Ж. Токаева, направленному на всемерное обновление казахстанского общества и государства.

Автором сделаны следующие выводы:

1. Важным достижением демократических, правовых реформ, инициированных Президентом Республики Казахстан К.К. Токаевым, стали воссоздание и деятельность института Конституционного Суда страны, направленные на обеспечение наиболее полной имплементации конституционных положений и рекомендаций международных правовых актов ООН в национальное законодательство Казахстана. Однако для успешности и эффективности этого процесса необходимы высокий доктринальный и правовой уровень нормативных постановлений Конституционного Суда РК, отражение в них как ключевых принципов Конституции РК, так и лучших достижений юридической науки и опыта правового регулирования схожих проблем в странах евразийского пространства.

2. Критикуемое в статье Нормативное постановление Конституционного Суда РК не только расходится с ценностным фундаментом Конституции РК, но и противоречит выводам ранее принятого и сохраняющего юридическую силу Нормативного постановления Конституционного Совета Казахстана, посвященного вопросам уголовной ответственности за членовредительство осужденных. Позиция Конституционного Суда в критикуемом документе порождает риски репутационно-имиджевых потерь Казахстана на международной арене и в целом расходится с курсом Президента РК К.К. Токаева на демократизацию казахстанского общества и государства, соблюдение прав человека.

Список источников

1. Указ Президента Республики Казахстан от 8 декабря 2023 года «О Плане действий в области прав человека и верховенства закона» [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/o-plane-deystviy-v-oblasti-prav-cheloveka-i-verhovenstva-zakona-811622.

2. Нормативное постановление от 27 февраля 2008 года № 2 «О проверке конституционности частей первой и четвертой статьи 361 Уголовного кодекса РК по обращению Капшагайского городского суда Алматинской области» [Электронный ресурс]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/S080000002_.

3. Рахимбердин К.Х. Уголовная ответственность за членовредительство осуждённых: рассогласование с Конституцией Республики Казахстан // Евразийская адвокатура. 2019. № 1 (38). С. 73–78.

4. Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 6 декабря 2023 года № 37-НП «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан части третьей статьи 428 Уголовного кодекса РК от 3 июля 2014 года и подпункта 2) части второй статьи 130 Уголовно-исполнительного кодекса РК от 5 июля 2014 года» [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/564719?lang=ru.

References

1. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazaxstan ot 8 dekabrya 2023 goda «O Plane dejstvij v oblasti prav cheloveka i verxovenstva zakona» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.akorda.kz/ru/o-plane-deystviy-v-oblasti-prav-cheloveka-i-verhovenstva-zakona-811622.

2. Normativnoe postanovlenie ot 27 fevralya 2008 goda № 2 «O proverke konstitucionnosti chastej pervoj i chetvertoj stat`i 361 Ugolovnogo kodeksa RK po obrashheniyu Kapshagajskogo gorodskogo suda Almatinskoj oblasti» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/S080000002_.

3. Raximberdin K.X. Ugolovnaya otvetstvennost` za chlenovreditel`stvo osuzhdyonny`x: rassoglasovanie s Konstituciej Respubliki Kazaxstan // Evrazijskaya advokatura. 2019. № 1 (38). S. 73–78.

4. Normativnoe postanovlenie Konstitucionnogo Suda Respubliki Kazaxstan ot 6 dekabrya 2023 goda № 37-NP «O rassmotrenii na sootvetstvie Konstitucii Respubliki Kazaxstan chasti tret`ej stat`i 428 Ugolovnogo kodeksa RK ot 3 iyulya 2014 goda i podpunkta 2) chasti vtoroj stat`i 130 Ugolovno-ispolnitel`nogo kodeksa RK ot 5 iyulya 2014 goda» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/564719?lang=ru.

Статья поступила в редакцию 18.12.2023; одобрена после рецензирования 30.12.2023; принята к публикации 30.12.2023.

The article was submitted 18.12.2023; approved after reviewing 30.12.2023; accepted for publication 30.12.2023.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 89.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):89.

Права человека в евразийском пространстве

Научная статья
УДК 349.2
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_89

К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВИЯХ ТРУДА ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

НОВИЦКАЯ Людмила Юрьевна
Кандидат педагогических наук, доцент департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49, Российская Федерация

Аннотация: В современном обществе активно выстраиваются инклюзивные институты, и появляются все новые практики помощи социально незащищенным слоям населения. В связи с этим особую актуальность обретает проблема, связанная с занятостью и трудоустройством людей с ограниченными возможностями. Лица с ограниченными возможностями могут испытывать некоторые трудности в представленном вопросе в силу того, что определенные работодатели под различными предлогами могут отказывать им в найме на работу (или иным образом ограничивать права) из-за физической неприспособленности таких людей, по их мнению, к различным видам деятельности. Именно для защиты прав и законных интересов данных лиц действует российское законодательство в области регламентирования условий труда инвалидов.

Ключевые слова: трудовая деятельность, лица с ограниченными возможностями, законодательство, охрана труда, работодатель, работник

Для цитирования: Новицкая Л.Ю. К вопросу об условиях труда лиц с ограниченными возможностями // Евразийская адвокатура. 2024. № 1(66). С. 89. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_89

Human Rights in the Eurasian Space

Original article

ON THE ISSUE OF WORKING CONDITIONS FOR PEOPLE WITH DISABILITIES

NOVITSKAYA Ludmila Yurevna
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University Under the Government of the Russian Federation
125167, Moscow, Leningradsky ave., 49, Russian Federation

Abstract: Inclusive institutions are actively being built in modern society and new practices of helping socially vulnerable segments of the population are emerging. In this regard, the problem of employment and employment of people with disabilities is becoming particularly relevant. Persons with disabilities may experience some difficulties in the presented question due to the fact that certain employers, under various pretexts, may refuse to hire them (or otherwise restrict their rights) due to the physical inability of such people, in their opinion, to various types of activities. It is precisely to protect the rights and legitimate interests of these persons that Russian legislation in the field of regulating the working conditions of persons with disabilities is in force.

Keywords: labor activity, persons with disabilities, legislation, labor protection, employer, employee

For citation: Novitskaya L.Yu. On the Issue of Working Conditions for People with Disabilities = Eurasian Advocacy. 2024;1(66):89. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_89

Возможность заниматься трудовой деятельностью для человека является основой его полноценного существования в рамках социума в силу того, что она не только удовлетворяет экономические потребности индивида в собственном финансовом обеспечении, но и позволяет ему самореализоваться в социокультурном плане.

Люди с ограниченными возможностями не должны лишаться такой возможности в силу своих ограничений, так как трудовая деятельность позволяет им чувствовать себя полноправными членами общества и иметь дополнительные материальные средства.

© Новицкая Л.Ю., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

Между тем работодатели не заинтересованы в найме данных сотрудников из-за лишних финансовых затрат или потенциально упущенной прибыли, а также, например, в связи с психологическими особенностями инвалидов или ограничениями, связанными с необходимостью прохождения ими лечения.

Именно по этой причине государство обязано способствовать их успешной интеграции в трудовые отношения посредством издания соответствующего законодательства и контроля за его соблюдением.

Квотирование рабочих мест. Прежде всего, для лиц с ограниченными возможностями (инвалидов) устанавливаются квоты на предприятиях, что подразумевает под собой принудительное создание для них рабочих мест.

В соответствии с законодательством России, квота – это минимальное количество рабочих мест, гарантированных работодателем социально незащищенным слоям населения, в том числе и инвалидам. При расчете квоты учитываются не только вакантные, но и уже занятые инвалидами рабочие места.

Данная обязанность для работодателей закреплена федеральным законодательством, однако конкретные величины квот устанавливаются непосредственно региональными властями. Данный фактор позволяет наиболее полно учитывать количество инвалидов в той или иной местности, их нуждаемость в трудоустройстве. На государственном уровне установлены следующие минимальные и предельные величины квот:

1) при численности работников от 35 до 100 человек включительно – до 3 % от среднего количества сотрудников на предприятии;

2) при численности сотрудников более 100 человек – от 2 до 4 % от средней численности трудящихся (ст. 13.2) [2].

Например, в Москве работодатели, имеющие в своем штате более 100 сотрудников, обязаны выделить 2 % гарантированных рабочих должностей от общей численности сотрудников для инвалидов (ст. 3) [3].

В Московской области установлены следующие квоты для инвалидов:

1) при численности работников от 10 до 35 человек включительно – 1 % от их количества;

2) при наличии в штате более 100 трудящихся – 2 % от их средней численности (ст. 4 Закона Московской области от 25 апреля 2008 года № 53/2020-ОЗ «О квотировании рабочих мест») [4].

Дополнительно стоит иметь в виду, что в Московской области при расчете количества квотируемых рабочих мест округление происходит в меньшую сторону при численности сотрудников более 100 человек, и наоборот, в большую при их количестве от 35 до 100 человек, тогда как в Москве – только в сторону уменьшения.

При этом, как указывалось выше, квоты – это только установление минимального количества мест. Поэтому работодатели вправе трудоустраивать большее количество инвалидов к себе на работу. Более того, на региональных уровнях могут реализовываться и соответствующие программы поддержки.

По общему правилу работодатели ежемесячно обязаны предоставлять отчетность в контрольно-надзорные органы о предоставлении и выделении квот для инвалидов. А за нарушение порядка квотирования в соответствии с КоАП РФ предусмотрен штраф в размере от 5 000 до 10 000 рублей (ст. 5.42) [6].

С другой стороны, инвалид при трудоустройстве обязан предоставить работодателю выданную МСЭ справку об инвалидности, индивидуальную программу реабилитации или абилитации, в соответствии с которой руководство должно создать для инвалидов индивидуальные условия труда. Также данные документы служат подтверждением, что вакантная должность и прилагаемые к ней трудовые функции, обязанности не являются противопоказанными.

Отпуск. Исходя из положений текущего законодательства, работники вправе претендовать на ежегодный оплачиваемый отпуск не менее 28 календарных дней, однако работающим инвалидам положено до 30 дней в год.

При этом индивидуальным соглашением или коллективным договором такой срок может быть увеличен.

В данном случае действует общий порядок оформления отпуска. Работник на имя руководителя должен написать заявление о предоставлении отпуска, а работодатель впоследствии издает соответствующий приказ. При наличии графика отпусков сотрудник не обязан писать такое заявление при условии, что в нем определены конкретные числа отпуска, а работник ознакомлен с данным графиком под роспись.

Между тем право на отпуск у инвалида при трудоустройстве аналогично возникает только спустя полгода работы. При этом необходимо учитывать, что в указанный стаж не включается время, когда инвалид:

1) не осуществлял свою трудовую деятельность без наличия уважительных причин;

2) был отстранен от работы;

3) находился в отпуске по уходу за ребенком.

Примечательно, что некоторым другим категориям работников (женщины перед родами и после них, несовершеннолетние, лица, усыновившие ребенка возрастом до трех лет) предоставляется оплачиваемый отпуск по их заявлению без учета истечения полугода работы.

С другой стороны, отпуск за второй и последующие годы работы инвалида у того же самого работодателя может предоставляться уже в любое время по согласованию сторон.

Также инвалиды не относятся к тем категориям работников, которые вправе требовать предоставления ежегодного оплачиваемого отпуска в удобное для них время, как, например, ветераны, супруги военнослужащих, несовершеннолетние граждане, Герои СССР и России, Герои Труда, Герои Социалистического труда и т. д. [9].

Кроме того, с согласия работника-инвалида допускается перенос отпуска на следующий год, однако законом запрещено непредоставление отдыха работнику в течение двух лет подряд и более.

Аналогично инвалиды в общем порядке (при взаимном согласии с работодателем) могут быть отозваны из отпуска, в отличие, например, от несовершеннолетних сотрудников, беременных женщин и работников, трудящихся с вредными и опасными условиями. Их работодатель не вправе вызывать во время отдыха даже при их согласии.

А ввиду того, что работники, имеющие инвалидность, вправе претендовать на отпуск продолжительностью не в 28 дней, а 30, они могут обратиться к работодателю с заявлением о предоставлении отпуска на 28 дней и выплате денежной компенсации за неиспользование дополнительных двух дней.

Также работники-инвалиды по закону в состоянии претендовать дополнительно и на отпуск без сохранения заработной платы до 60 дней в год. Стоит отдельно отметить, что оплачивать данный отпуск – это не обязанность работодателя, а право. Поэтому во время такого отдыха, по усмотрению сторон, может быть сохранена заработная плата или ее часть.

Примечательно, что указанный неоплачиваемый отпуск для инвалидов является самым продолжительным в сравнении с отпусками, предоставляемыми иным категориям работников (например, участникам ВОВ предоставляется дополнительно до 35 календарных дней).

Таким образом, сотрудники, имеющие инвалидность, имеют право на отпуск преимущественно на общих основаниях, как и для остальных категорий работников. Отличие составляют лишь:

1) увеличенный оплачиваемый отпуск продолжительностью до 30 дней;

2) дополнительный отпуск без сохранения заработной платы продолжительностью до 60 дней;

3) право на денежную компенсацию неиспользованных дополнительных (до двух) дней отпуска.

Продолжительность рабочей недели и привлечение к сверхурочной работе. Еще одной особенностью условий труда инвалидов является время их рабочей недели. В частности, ее продолжительность для инвалидов 1-й и 2-й группы составляет не более 35 часов в неделю, а длительность рабочего дня или рабочей смены не может превышать установленного в медицинском заключении значения.

Не допускается и привлечение инвалидов к сверхурочным работам, работе в выходные и нерабочие дни, а также в ночное время без их согласия.

Сверхурочная работа – это работа, выполняемая сотрудником по инициативе работодателя за пределами установленного рабочего времени для сотрудника.

Ночным временем считается период суток между 22:00 и 06:00.

При этом продолжительность такой дополнительной работы не должна быть свыше 4 часов в течение двух дней подряд и более 120 часов в год. Увеличивать данные предельные величины при этом запрещено индивидуальным соглашением сторон и коллективным договором.

Сверхурочная работа оплачивается в первые два часа ее проведения в полуторном размере, а далее – в двойном и более размере. Порядок расчета с работником за переработку аналогично может устанавливаться индивидуальным или коллективным соглашением.

Стоит добавить, что работа в выходные и праздничные нерабочие дни по общему правилу оплачивается в двойном размере. С другой стороны, сотрудник-инвалид вправе обратиться к руководству с заявлением о предоставлении удобного для него дополнительного выходного дня без выплаты компенсации за переработку в двойном размере.

Одновременно с этим необходимо учитывать, что при привлечении работников, имеющих инвалидность, к работе в ночное время суток или в праздничные нерабочие и выходные дни они должны быть ознакомлены под роспись, что вправе отказаться от работы в указанное время. Кроме того, такие виды работ не должны быть им

противопоказаны (или запрещены) по состоянию здоровья.

Особенности трудоустройства инвалидов в рамках программ реабилитации или абилитации. Текущим российским законодательством установлено, что инвалидам, занятым в организациях независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, создаются необходимые условия труда в соответствии с индивидуальной программой реабилитации или абилитации инвалида (ст. 23) [8].

Реабилитация инвалидов – это система и процесс полного или частичного восстановления способностей инвалидов к бытовой, общественной и профессиональной деятельности благодаря скоординированной работе медико-социальной экспертизы. Реабилитация инвалидов направлена на устранение или более полную компенсацию ограничений жизнедеятельности, вызванных нарушением здоровья со стойким расстройством функций организма, в целях социальной адаптации инвалидов, достижения ими материальной независимости и их интеграции в общество.

Абилитация инвалидов – система и процесс формирования отсутствовавших у инвалидов способностей к бытовой, общественной, профессиональной и иной деятельности.

Так, например, с целью наиболее эффективной организации необходимых условий труда для инвалидов с нарушениями психических функций в соответствии с их программами реабилитации или абилитации учитываются такие аспекты, как необходимость закрепления свободного темпа работы, индивидуальной нормы выработки (или выполнение работы не в полном объеме). Также следует предоставить таким работникам возможность заниматься трудовой деятельностью в небольшом коллективе или индивидуально под контролем других лиц. В случае необходимости стоит использовать упрощенные в применении рабочие инструменты.

В рамках программы реабилитации или абилитации инвалидов с нарушением функции сердечно-сосудистой системы обычно прибегают к выстраиванию их рабочих мест так, чтобы необходимые для исполнения трудовых функций предметы или оборудование располагались таким образом, что исключаются вынужденные наклоны туловища. Вместе с этим для работников с подобного рода ограничениями выставляются оптимальные и допустимые условия по микроклиматическим параметрам, проводятся мероприятия по предотвращению гиперинсоляции рабочего места и т. д.

В качестве примера можно привести также механизмы создания необходимых условий труда в рамках индивидуальных программ для инвалидов с нарушением зрения [1]. В частности, рабочий процесс для данного вида работников с подобными ограничениями обустраивается так, что исключаются все негативные для реабилитации или абилитации факторы, такие как постоянное зрительное напряжение в течение всего трудового дня, недостаточная освещенность (или же наоборот избыточная яркость) рабочего помещения, воздействие локальной вибрации, электромагнитных полей, инфракрасного и ультрафиолетового излучений, а также значительная запыленность и постоянный контакт с раздражающими веществами.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что в Российской Федерации создана и развивается нормативная база, позволяющая защитить права и законные интересы лиц с инвалидностью. Важность организации инклюзивных институтов и правовых механизмов, позволяющих людям с ограниченными возможностями стать полноценными членами общества, сложно переоценить, так как именно благодаря им возможно построение эгалитарного общества и социального государства.

В рамках организации наиболее благоприятных условий труда для инвалидов проводится ряд мероприятий, улучшающих их положение в данной сфере и повышающих их конкурентоспособность на рынке труда, таких как: установление квот для приема на работу инвалидов и выделение минимального количества специализированных рабочих мест для них; закрепление необходимой для нормальной работоспособности лиц с инвалидностью продолжительности отпусков и рабочей недели; создание инвалидам условий труда в соответствии с их индивидуальными программами реабилитации или абилитации.

Список источников

1. Безручкин Е.А. На какие социальные выплаты в 2023 г. влияет прожиточный минимум? // Правовой альманах. 2023. № 3(25). С. 49–50.
2. Закон РФ от 19 апреля 1991 года № 1032-1 (ред. от 28.12.2022) «О занятости населения в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1915.
3. Закон города Москвы № 90 от 22 декабря 2004 года «О квотировании рабочих мест» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2005. № 3.
4. Закон Московской области от 25 апреля 2008 года № 53/2020-ОЗ «О квотировании рабочих мест» // Ежедневные новости. Подмосковье. 2008. № 93.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru) 6 октября 2022 г.

6. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (ред. от 19.10.2023) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

7. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (ред. от 04.08.2023, с изм. от 24.10.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 3.

8. Федеральный закон от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

9. «Отпуск в удобное время», 13 февраля 2023 г. // Федеральная служба по труду и занятости [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406268627/#review.

References

1. Bezruchkin E.A. Na kakie social`ny`e vy`platy` v 2023 g. vliyaet prozhitochny`j minimum? // Pravovoj al`manax. 2023. № 3(25). S. 49–50.

2. Zakon RF ot 19 aprelya 1991 goda № 1032-1 (red. ot 28.12.2022) «O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 11.01.2023) // SZ RF. 1996. № 17. St. 1915.

3. Zakon goroda Moskvy` № 90 ot 22 dekabrya 2004 goda «O kvotirovanii rabochix mest» // Vestnik Me`ra i Pravitel`stva Moskvy`. 2005. № 3.

4. Zakon Moskovskoj oblasti ot 25 aprelya 2008 goda № 53/2020-OZ «O kvotirovanii rabochix mest» // Ezhednevny`e novosti. Podmoskov`e. 2008. № 93.

5. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesenny`x Zakonami RF o popravkax k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 01.07.2020 № 11-FKZ, ot 06.10.2022) // Tekst Konstitucii, vklyuchayushhij novy`e sub``ekty` Rossijskoj Federacii – Doneczkaya Narodnaya Respublika, Luganskaya Narodnaya Respublika, Zaporozhskaya oblast` i Xersonskaya oblast`, priveden v sootvetstvii s oficial`noj publikaciej na Oficial`nom internet-portale pravovoj informacii (www.pravo.gov.ru) 6 oktyabrya 2022 g.

6. «Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax» ot 30 dekabrya 2001 goda № 195-FZ (red. ot 19.10.2023) // SZ RF. 2002. № 1. St. 1.

7. «Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 30 dekabrya 2001 goda № 197-FZ (red. ot 04.08.2023, s izm. ot 24.10.2023) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2023) // SZ RF. 2002. № 1. St. 3.

8. Federal`ny`j zakon ot 24 noyabrya 1995 goda № 181-FZ (red. ot 28.04.2023) «O social`noj zashhite invalidov v Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 1995. № 48. St. 4563.

9. «Otpusk v udobnoe vremya», 13 fevralya 2023 g. // Federal`naya sluzhba po trudu i zanyatosti [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406268627/#review.

Статья поступила в редакцию 13.12.2023; одобрена после рецензирования 23.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 13.12.2023; approved after reviewing 23.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 94.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):94.

Права человека в евразийском пространстве

Научная статья
УДК 342.95
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_94

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АДАПТИВНОГО СПОРТА В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

ДОЛГОВ Александр Владимирович
Аспирант Московского университета имени А. С. Грибоедова
115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55с7, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются особенности построения и содержания системы защиты спортивных прав лиц с ограниченными возможностями в Китайской Народной Республике. Дается оценка эффективности правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: адаптивный спорт, лицо с ограниченными возможностями здоровья, инвалид, правовое регулирование, Китайская Народная Республика

Для цитирования: Долгов А.В. Правовое регулирование адаптивного спорта в Китайской Народной Республике // Евразийская адвокатура. 2024. № 1(66). С. 94. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_94

Human Rights in the Eurasian Space

Original article

LEGAL REGULATION OF ADAPTIVE SPORTS IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

DOLGOV Alexander Vladimirovich
Postraduate Student of the Moscow State University named after A. S. Griboyedov
115035, Moscow, Kosmodamianskaya nab., 26/55c7, Russian Federation

Abstract: The article examines the features of the construction and content of the system of protection of sports rights of persons with disabilities in the People's Republic of China. An assessment of the effectiveness of legal regulation in the field under consideration is given.

Keywords: adaptive sports; persons with disabilities; disabled; legal regulation; People's Republic of China.

For citation: Dolgov A.V. Legal Regulation of Adaptive Sports in the People's Republic of China = Eurasian Advocacy. 2024;1(66):94. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_94

Проблема инвалидности является одной из наиболее острых и актуальных в условиях развития современного общества. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, каждый десятый человек на планете сталкивается с инвалидностью.

В последнее десятилетие особое внимание вопросам защиты прав лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), а также создания для них безбарьерной среды стало уделяться и в Российской Федерации. Как отметил на встрече с инвалидами и представителями общественных организаций В.В. Путин, общество и государство больше не замалчивают проблемы людей с инвалидностью и не пытаются от них отвернуться [1]. Накопленный отечественный и мировой опыт свидетельствуют о том, что одним из важнейших факторов для реабилитации и социально-бытовой адаптации человека с ОВЗ являются адаптивная физическая культура и адаптивный спорт, требующие значительного участия государства в их организации.

В свете интенсивного обновления соответствующего сегмента национальной правовой системы необходимо провести сравнительный анализ законодательства и практики других стран, чтобы наша страна могла успешно пройти по этому пути [2, с. 3]. Одним из примеров таких государств является Китайская Народная Республика (КНР).

В настоящее время в Китае сформирована правовая система защиты прав и интересов лиц с ОВЗ, в основе которой лежит Конституция КНР. Так, ст. 45 основного закона страны гласит, что помощь лицам с ОВЗ в устройстве на рабо-

© Долгов А.В., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

ту, получении средств на жизнь, получении образования – одна из важнейших задач не только для государства, но и всего китайского общества в целом. Особое внимание уделяется социальному обеспечению военных-инвалидов и их семей [3, с. 315–343].

С началом периода политики реформ и открытости в истории КНР началось и подписание с последующей ратификацией целого ряда международных соглашений. Особое место среди них в рамках исследуемой тематики, безусловно, играет Конвенция ООН о правах инвалидах.

На основе положений данного международного договора на семнадцатом заседании Постоянного комитета Седьмого Всекитайского собрания народных представителей 28 декабря 1990 года в целях защиты законных прав и интересов инвалидов, развития дела инвалидов, обеспечения их всестороннего участия в общественной жизни на равной основе и совместного использования социальных материальных и культурных достижений был принят Закон КНР о защите лиц с ограниченными возможностями (残疾人 保障 法) [4].

Структурно документ состоит из 9 глав:

1. Общие положения.
2. Реабилитация.
3. Образование.
4. Труд и занятость.
5. Культурная жизнь.
6. Социальное обеспечение.
7. Безбарьерная среда.
8. Юридическая ответственность.
9. Дополнительные положения.

С точки зрения китайского законодателя, к инвалидам относятся люди с нарушениями зрения, слуха, речи, физическими недостатками, интеллектуальными недостатками, психическими отклонениями, множественными нарушениями и другими нарушениями. «Стандарты» инвалидности устанавливаются Государственным советом. Содержание документа свидетельствует о том, что нормативное разграничение между понятиями «инвалид», «лицо с ограниченными возможностями», «лицо с ограниченными возможностями здоровья» отсутствует.

На законодательном уровне гарантируется, что лица с ОВЗ пользуются равными правами с другими гражданами в политической, экономической, культурной, социальной и семейной жизни.

Одним из важнейших аспектов защиты прав лиц с ОВЗ в рамках пятой главы закона является обеспечение их участия в спортивных мероприятиях и активное создание условий для обогащения духовной и культурной жизни рассматриваемой категории населения.

Согласно статье 42 данного нормативного правового акта спортивные и рекреационные мероприятия для инвалидов должны быть ориентированы на «низовой уровень», интегрированы в социальную и общественно-культурную жизнь, адаптироваться к различным характеристикам и потребностям различных типов инвалидов и обеспечивать инвалидам возможность широкого участия в общественной жизни.

Примечательно, что, как и в Конституции КНР, ряд обязанностей в соответствии с китайской правовой традицией возлагается не только на государство, но и само общество в целом (ст. 43):

1) организация и поддержка лиц с ограниченными возможностями в проведении спортивных мероприятий, а также при участии в международных конкурсах и обменах;

2) обеспечение лиц с ОВЗ в плановом порядке площадками для спортивной активности [4].

Кроме того, правовая система КНР предусматривает наличие значительного массива норм, регламентирующих отношения в области спорта. С переходом Китая к «Новой эпохе» (после 18-го Национального съезда Коммунистической партии Китая (КПК)) государство в целом добилось существенных достижений в адаптивном спорте, что связано с усилением правовой защиты инвалидов. Стало очевидным, что в эпоху, когда дискурс прав становится все более заметным, более важно разъяснить спортивные права в законодательных нормах, чем подчеркивать только обязанности государственных органов.

В этой связи представляет интерес позиция Юань Гана и Конг Вэйду, которые отмечают, что законодательная защита спортивных прав лиц с ОВЗ характеризуется сочетанием законодательства об управлении, ориентированного на «защиту прав», и законодательства, ориентированного на «продвижение», т. е. пропаганду информации о данной социальной сфере [5].

С переходом от правительства, ориентированного на управление, к правительству, ориентированному на услуги, традиционное регулирование также изменилось с усиления администрирования на сосредоточение внимания на защите прав. Новый тип законодательства отличается тем, что государство реально (а не только формально) обеспечивает базовые гарантии защиты спортивных прав инвалидов [6].

Эти базовые гарантии воплощены в правах инвалидов на участие в мероприятиях по реаби-

литации и фитнесу, а также в соревновательной деятельности и праве учащихся специальных школ участвовать в спортивных мероприятиях.

Если говорить об участии инвалидов в спортивных мероприятиях, особый интерес представляет Закон о спорте (中华人民共和国体育法) [7], пересмотренный в 2022 году. Учтены особые потребности инвалидов и в Постановлении о государственных культурных и спортивных сооружениях, а также в Постановлении о национальной физической подготовке [5].

Законодательство, ориентированное на поощрение, фокусируется на привлечении к активному участию субъектов рынка и общественных организаций посредством политического руководства, поощрения и популяризации для решения проблемы баланса спроса и предложения в областях, где защита спортивных прав инвалидов развита недостаточно, что подчеркивает и поощряет участие общественных сил [8]. Яркий пример – упомянутые нормы закона о защите лиц с ограниченными возможностями.

Кроме того, положения о государственных культурных и спортивных сооружениях предусматривают, что инвалиды имеют право на бесплатный или льготный доступ к общественным культурным и спортивным сооружениям. Национальная программа фитнеса (2021–2025) [9] поощряет проведение различных спортивных мероприятий и комплексных спортивно-оздоровительных мероприятий для лиц с ОВЗ.

Конечно, законодательство, ориентированное на «защиту прав», и законодательство, ориентированное на продвижение, не полностью отличаются друг от друга. Они взаимно интегрированы, несмотря на кажущуюся разнонаправленность.

Как мы можем заключить из вышесказанного, правовое обеспечение прав лиц с ОВЗ на занятие спортом в КНР является многоуровневым. Подобный подход с учетом специфики государственного и правового устройства Китая представляется наиболее рациональным: такой подход, по нашему мнению, улучшает единство верховенства закона и уточняет содержание положений вышестоящих по иерархии актов [5].

Закон о защите инвалидов и Закон о спорте предусматривают на макроуровне, что государство является субъектом защиты спортивных прав инвалидов и поощряет участие общества. Имея в качестве основы законодательство высшего уровня, Положение о национальной физической подготовке, Положение об общественных культурных и спортивных сооружениях и Положение о строительстве безбарьерной среды, государство должно выполнять свои обязанности на основе полного учета особых потребностей инвалидов при осуществлении их спортивных прав. Нормативные документы департамента с более низким уровнем юридической силы демонстрируют характеристики систематического и долгосрочного планирования, в полной мере раскрывая преимущества гибкости и конкретности в содержании. Например, Национальная программа по фитнесу (2021–2025) оценивает и контролирует, учитывает ли открытие общественных спортивных объектов особые потребности лиц с ограниченными возможностями, увеличивая усилия по аттестации результатов.

Кроме того, обращаясь к работе Юань Гана и Конг Вэйду, отметим, что содержание защиты спортивных прав лиц с ОВЗ «представлено совершенствованием базовой государственной системы спортивных услуг, повышением соревновательного уровня лиц с ограниченными возможностями и проведением разнообразных национальных фитнес-мероприятий» [5].

В Уведомлении о Руководящих принципах по ускорению развития системы социального обеспечения и обслуживания лиц с ограниченными возможностями, Мнениях об ускорении разработки курсов для людей с ограниченными возможностями и Плане ускорения процесса достижения процветания лиц с ограниченными возможностями в период 13-й пятилетки говорится, что государственные спортивные учреждения должны предоставлять содержание услуг и мероприятия, подходящие для лиц с ОВЗ, а также бесплатный или льготный доступ к общественным спортивным сооружениям для улучшения системы базового социального обеспечения таких лиц.

Между тем для поиска подходящих спортивных и фитнес-программ для лиц с ОВЗ они также требуют, чтобы все округа (города, округа) построили специальные демонстрационные площадки для занятий спортом и фитнесом. По мере того, как все больше спортсменов с ограниченными возможностями участвуют в спортивных мероприятиях как дома, так и за рубежом, и занимают там призовые места, влияние спортивных мероприятий на инвалидов расширяется.

Специфика построения правовой системы КНР обусловливает наличие несвойственных большинству романо-германских стран документов правового характера. К таковым относятся и Белые книги, которые, с точки зрения теории, представляют собой авторитетный отчет или инструктивную текстовую работу, используемую для разработки или принятия решений. В КНР

они, как правило, представляют собой официальные государственные тексты, поясняющие внутреннюю или внешнюю политику или документы стратегического планирования. В качестве примера можно привести Белую книгу о сообществе с общим будущим в киберпространстве, Белую книгу о практике по борьбе с терроризмом, Белую книгу обороны и т. д.

Среди прочего в марте 2022 года информационное бюро Государственного совета КНР опубликовало Белую книгу «Параспорт в Китае: прогресс и защита прав». На пресс-конференции, посвященной представлению документа, заместитель начальника отдела по связям с общественностью Центрального комитета КПК Лю Яньсун отметил, что Китай впервые выпустил Белую книгу, посвященную данному вопросу: «Забота о людях с ограниченными возможностями является важным показателем социального прогресса». Он подчеркнул, что развитие паралимпийского спорта является важным способом воспитания чувства самоуважения, уверенности в себе, самостоятельности и самосовершенствования у инвалидов, помогает им реализовать всестороннее развитие и достичь общего процветания [10].

Белая книга в преддверии Паралимпийских игр 2022 года в Пекине закрепила положение о том, что с момента основания КНР в 1949 году, наряду с достижением прогресса в деле защиты инвалидов, в стране неуклонно развивается паралимпийский спорт, прокладывая путь, который несет в себе ярко выраженные китайские черты и учитывает тенденции времени [11].

В ней говорится, что Китай рассматривает реабилитацию и занятия фитнесом для людей с ограниченными возможностями как один из основных компонентов социальной политики. В то же время особо отмечается, что показатели представителей страны в паралимпийском спорте неуклонно улучшаются, а люди с ограниченными возможностями становятся все более активными в спортивных мероприятиях как дома, так и за рубежом.

Белая книга утверждает, что Китай внес выдающийся вклад в паралимпийский спорт, в полной мере участвует в международных спортивных мероприятиях для инвалидов и продолжает укреплять обмен и сотрудничество с другими странами и с международными организациями инвалидов, укрепляя дружбу между народами всех стран, включая людей с ограниченными возможностями. Паралимпийский спорт является ярким отражением развития и прогресса в области прав человека в Китае. Он продвигает общие ценности человечества, способствует обменам, взаимопониманию и дружбе между народами по всему миру и привносит мудрость Китая в построение честного, обоснованного и инклюзивного глобального общества [14].

С точки зрения руководства КНР, в дальнейшем требуется:

1) «ориентироваться на людей», способствовать физическому и психическому здоровью лиц с ОВЗ;

2) обеспечивать равенство и интеграцию инвалидов с учетом текущей специфики национальных условий;

3) придавать одинаковое значение всем правам человека и добиваться всестороннего развития людей с ограниченными возможностями;

4) стимулировать дальнейшее сотрудничество и обмен с другими странами в сфере адаптивного спорта [11].

Нельзя обойти стороной и организационный аспект обеспечения спортивных прав инвалидов. Так, особую роль в рассматриваемой сфере играет основанная в марте 1988 года Китайская федерация инвалидов (中国残疾人联合会).

Она призвана выполнять три функции:

1) представительство интересов людей с ОВЗ в Китае и помощь в защите их законных прав;

2) предоставление им комплексных и эффективных услуг;

3) надзор за делами, касающимися людей с ОВЗ (по поручению правительства Китая).

Федерация стремится продвигать права людей с ОВЗ, способствовать их интеграции в жизнь остального общества. 18 сентября 2023 года в Большом зале Народного собрания был открыт Восьмой Национальный конгресс Китайской федерации инвалидов. Участие в нем принял и Генеральный секретарь Центрального комитета КПК, Президент страны Си Цзиньпин [12]. Данное обстоятельство, по нашему мнению, может в очередной раз свидетельствовать о высокой степени значимости для государства как функционирования учреждения, так и вопроса защиты прав инвалидов.

Значительный вклад в подготовку спортсменов вносит и Китайская администрация спорта для лиц с ограниченными возможностями (中国残疾人体育运动管理中心). Она представляет собой некоммерческое государственное учреждение, аффилированное с Федерацией инвалидов Китая.

Мандат администрации заключается в организации и проведении на национальном уровне: спортивных мероприятий для лиц с ограниченными возможностями; работы, связанной с реги-

страцией и / или классификацией спортсменов-инвалидов; исследований в области адаптивного спорта и борьбы с допингом. Также учреждение занимается управлением Китайским центром спортивной подготовки инвалидов.

Об эффективности проводимой государственно-правовой политики в некоторой степени говорят результаты спортивных мероприятий для лиц с ОВЗ на международном универсальном и региональном уровне.

Например, в октябре 2023 г. в Ханчжоу проводились Азиатские Паралимпийские игры. 439 китайских спортивных делегаций приняли участие во всех 22 крупных соревнованиях, 390 небольших соревнованиях, выиграли в общей сложности 214 золотых медалей, 167 серебряных медалей, 140 бронзовых медалей, побили мировой рекорд 13 раз, рекорд Азии – 35 раз, рекорд Азиатских Паралимпийских игр – 136 раз.

Кроме того, КНР и ее представители не только активно участвуют в международных спортивных играх (в том числе Паралимпиаде, Специальной олимпиаде, Сурдлимпиаде), но и в соответствии с рассмотренными выше правовыми актами организуют аналогичные собственные (на национальном и региональном уровнях).

Так, в 1992 году Национальные игры для лиц с ограниченными возможностями были официально включены в серию преобразований крупных спортивных мероприятий, утвержденных Государственным советом (проводятся каждые четыре года). Регулярно организуются и Национальные специальные олимпийские игры. Осенью 2021 года они проводились вместе в Сиане: участие приняли 4 484 спортсмена-инвалида в 43 видах спорта, включая летние, зимние и массовые, 34 из них – на Играх для лиц с ограниченными возможностями и девять – на Специальных олимпийских играх [13].

Безусловно, китайская система правовой защиты спортивных прав лиц с ОВЗ по-прежнему нуждается в совершенствовании законодательных норм, усилении административного обеспечения и предоставлении судебных каналов защиты, а также в органичном балансе между этими тремя направлениями. Вместе с тем проведенный анализ демонстрирует, что на данный момент она является одной из наиболее совершенных и эффективных в мире.

Список источников

1. Путин указал на повышение внимания к проблемам инвалидов в стране // Известия [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/1434849/2022-12-02/putin-ukazal-na-povyshenie-vnimaniia-k-problemam-invalidov-v-strane.

2. Кожевников В.В. К проблеме использования российским законодателем иностранного правотворческого опыта // Пролог: журнал о праве. 2017. № 4.

3. История государства и права зарубежных стран: хрестоматия. Т. 3 / сост. А.В. Кирнос, В.А. Колесников, К.А. Ситников. Воронеж, 2023.

4. Закон КНР о защите лиц с ограниченными возможностями [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/guoqing/2021-10/29/content_5647618.htm.

5. Yuan Gang, Kong Weidu. On the Legal Protection of Sports Rights of Persons with Disabilities in China // Права человека (английская версия). 2022. № 4.

6. Yang Kai. On the Construction of Diversified Normative System for Modern Public LegalServices // Law Science. 2022. № 2.

7. Законе о спорте [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-06/25/content_5697693.htm.

8. Li Yanfang. Study on «Promoting Legislation» // Law Review. 2005. № 3.

9. China issues national fitness plan for 2021–2025 [Электронный ресурс]. URL: http://www.china.org.cn/china/2021-08/08/content_77680600.htm.

10. China issues white paper on parasports ahead of Paralympics [Электронный ресурс]. URL: https://www.chinadailyasia.com/article/262043.

11. China's Parasports: Progress and the Protection of Rights [Электронный ресурс]. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202203/03/content_WS62206416c6d09c94e48a5d84.html.

12. В Пекине открылся 8-й съезд Всекитайской федерации инвалидов [Электронный ресурс]. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2023-09/18/content_116693461.htm.

13. China's 11th National Games for Persons with Disabilities kicks off in Xi'an [Электронный ресурс]. URL: http://en.people.cn/n3/2021/1023/c90000-9910660.html.

14. В Китае вышла Белая книга о параспорте (подробная версия).

15. http://russian.news.cn/2022-03/03/c_1310497058.htm.

References

1. Putin ukazal na povy`shenie vnimaniya k problemam invalidov v strane // Izvestiya [E`lektronny`j resurs]. URL: https://iz.ru/1434849/2022-12-02/putin-ukazal-na-povyshenie-vnimaniia-k-problemam-invalidov-v-strane.

2. Kozhevnikov V.V. K probleme ispol`zovaniya rossijskim zakonodatelem inostrannogo pravotvorcheskogo opy`ta // Prolog: zhurnal o prave. 2017. № 4.

3. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhny`x stran: xrestomatiya. T. 3 / sost. A.V. Kirnos, V.A. Kolesnikov, K.A. Sitnikov. Voronezh, 2023.

4. Zakon KNR o zashhite licz s ogranichenny`mi vozmozhnostyami [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.gov.cn/guoqing/2021-10/29/content_5647618.htm.

5. Yuan Gang, Kong Weidu. On the Legal Protection of Sports Rights of Persons with Disabilities in China // Prava cheloveka (anglijskaya versiya). 2022. № 4.

6. Yang Kai. On the Construction of Diversified Normative System for Modern Public LegalServices // Law Science. 2022. № 2.
7. Zakone o sporte [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-06/25/content_5697693.htm.
8. Li Yanfang. Study on «Promoting Legislation» // Law Review. 2005. № 3.
9. China issues national fitness plan for 2021–2025 [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.china.org.cn/china/2021-08/08/content_77680600.htm.
10. China issues white paper on parasports ahead of Paralympics [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.chinadailyasia.com/article/262043.
11. China's Parasports: Progress and the Protection of Rights [E`lektronny`j resurs]. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202203/03/content_WS62206416c6d09c94e48a5d84.html.
12. V Pekine otkry`lsya 8-j s``ezd Vsekitajskoj federacii invalidov [E`lektronny`j resurs]. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2023-09/18/content_116693461.htm.
13. China's 11th National Games for Persons with Disabilities kicks off in Xi'an [E`lektronny`j resurs]. URL: http://en.people.cn/n3/2021/1023/c90000-9910660.html.
14. V Kitae vy`shla Belaya kniga o parasporte (podrobnaya versiya).
15. http://russian.news.cn/2022-03/03/c_1310497058.htm.

Статья поступила в редакцию 21.02.2024; одобрена после рецензирования 24.02.2024; принята к публикации 24.02.2024.

The article was submitted 21.02.2024; approved after reviewing 24.02.2024; accepted for publication 24.02.2024.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 100.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):100.

Актуальные проблемы юридической науки и практики

Научная статья
УДК 34
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_100

О ВЛИЯНИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА СООТНОШЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОГО И ПОЗИТИВНОГО ПРАВА

БАГРЕЕВА Елена Геннадиевна
Доктор юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Государственного университета по землеустройству
125167, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматривается соотношение естественного и позитивного права. Обсуждается необходимость обеспечения универсальных принципов естественного права как гарантии сохранения свободы и прав граждан в эпоху цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровая среда, позитивное право, естественное право, устойчивое развитие, социальный контроль

Для цитирования: Багреева Е.Г. О влиянии цифровизации на соотношение естественного и позитивного права // Евразийская адвокатура. 2024. № 1(66). С. 100. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_100

Actual Problems of Law Science and Practice

Original article

ON THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE RATIO OF NATURAL AND POSITIVE LAW

BAGREEVA Elena Gennadievna
Doctor of Law, Professor, Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Leading Researcher at the State University of Land Management
125167, Moscow, Leningradsky ave., 49, Russian Federation

Abstract: This article examines the relationship between natural and positive law. The need to ensure universal principles of natural law as a guarantee of the preservation of freedom and rights of citizens in the era of digital transformation is discussed.

Keywords: digital environment, positive law, natural law, sustainable development, social control

For citation: Bagreeva E.G. On the Impact of Digitalization on the Ratio of Natural and Positive Law = Eurasian Advocacy. 2024;1(66):100. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_100

Условия распространяющейся цифровизации привносят новые проблемы, вскрывая новые аспекты жизнедеятельности людей, взывая к размышлению об эффективной правовой системе, адекватно реагирующей на вызовы цифровой революции [1].

Представляется, что одной из ключевых проблем сегодняшнего дня выступает соотношение естественного и позитивного права в условиях цифровизации, что приводит к необходимости переосмысления правовой оценки действий человека. Конечно, философам, размышлявшим о будущем человечества до XXI века, невозможно было представить общество в «цифровой среде», но их мысли о праве, свободе, справедливости, государстве мы можем и должны использовать, преображая, развивая современный мир. За долгую историю общественного развития философы права обосновали два подхода к правовому регулированию различных сообществ.

Анализируя направления правовой мысли, заметим, что в основе естественного права лежит убеждение о независимости и надэмпирической идее права, обособленности от воли государства. Отсюда логичен вывод о его метафизичности [2]. Сторонники позитивистского направления не признают «теоретическую спекуляцию» как противопоставление вышеописанному подходу. Они

© Багреева Е.Г., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

считают, что право не должно рассматриваться как абстрактная идея, а должно быть определено реальными нормами, действующими в государстве. Жан-Жак Руссо указывал на то, что позитивное право в большей степени должно быть уединенным, неким особым продуктом цивилизации. Юрген Хабермас [3] рассматривал позитивное право как особую правовую систему, направленную на обеспечение справедливости и равенства в обществе. И хотя оно может быть изменено и усовершенствовано, оно все равно служит фундаментом и ориентиром для правовых отношений между людьми.

В эпоху цифровизации возникает вопрос о том, как применять универсальные принципы естественного и позитивного права в стремительно трансформирующейся цифровой среде. Технологические инновации, такие как искусственный интеллект, интернет и цифровые платформы, представляют собой новые вызовы для правовой системы.

Одним из аспектов проблемы является защита прав человека в цифровой среде. Приватность, свобода выражения и доступ к информации – все это является основополагающими правами, которые требуют адекватной защиты в цифровом мире. С точки зрения аксиологии права, право есть ценность, фактически воплощенная в закон, закрепленный и охраняемый государством (позитивное право). В свою очередь, «рейтинг», сформированный рядом показателей, бытующих в цифровой среде, можно рассматривать как оценку правомерного поведения, правовой культуры гражданина [4]. Так, в 2014 году властями КНР были опубликованы план и цели внедрения социального кредита: гражданам изначально начисляются равные баллы, которые можно умножить или потерять в зависимости от поступков. Опускать или поднимать рейтинг человеку имеют возможность исключительно государственные структуры. Система действует в двенадцати городах. В провинции Цзянсу, например, гражданину с 14 лет дается тысяча баллов. За вождение в состоянии алкогольного опьянения списывают 50 баллов, за просрочку платежа по кредиту – от 30 до 60. Людей делят на шесть категорий: AAA, AA, A, B, C, D. Первым из перечисленных легче существовать в государстве, проще устроиться на работу и т. д. Последним категориям могут даже отказать в продаже авиа- или железнодорожных билетов.

Этот опыт, безусловно, заслуживает нашего внимания и дает основания для размышлений о разработке платформы социального рейтинга в России, о ее соотношении с принципами естественного права. Российский государственный социальный университет начал разработку системы «Мы» еще в 2022 году (она напоминает китайскую версию, внедренную в отдельных муниципальных образованиях). Ученые считают, что «многие процедуры социальной поддержки и обеспечения [в стране] по-прежнему базируются на суждениях инспекторов и являются отражением их вкусовщины» [5]. С учетом этих доводов было решено создать механизм оценки людей, который будет независим от внешних мнений. Сервис по принципу работы похож на скоринг, используемый банками. Программа планирует оценивать «добросовестность» гражданина, присваивая определенные баллы, а именно двусоставный код (условно 14–15). Первые две цифры – «отражение заслуг человека», последние – оценка перспектив его вклада в развитие общества. В 2023 году платформу стали тестировать в самом университете.

В этой связи хочется вспомнить И.А. Ильина, который, говоря о справедливости, указывал на стремление к богообщению [6], воплощению нравственных сил, напоминая нам о человеке как о нравственном существе. Характеристика же человека путем проставления «баллов» противоречит теории естественного права, нарушая его свободу, оказывая негативное влияние на основы его нравственности, восприятие себя в обществе, государстве. В то же время погоня за «рейтингом» может снижать и качество поведения, приводить к правонарушениям путем подкупа лиц, ответственных за «проставление» рейтинга, и т. д. Однако, несмотря на то, что многие философы возводят формы существования ценностей в социальные идеалы, объективированные формы существования ценностей не должны противоречить личному восприятию человеком самого себя [7].

Безусловно, позитивное право, как реализуемая воля государства, ярко проявляет себя в цифровом пространстве. Примером такого действия является период COVID-19, когда в марте 2020 года в 67 российских регионах был введен режим самоизоляции для граждан: москвичи смогли выходить из квартиры только для экстренной медицинской помощи, совершения покупок в магазинах и аптеках в непосредственной близости к дому, выноса мусора, выгула животных в радиусе 100 метров от места жительства, поездок на работу, а в случае нарушения указанного режима предусматривались штрафы до пяти тысяч рублей. В Московской области для выхода из дома было необходимо получение специального смс-подтверждения с разрешением. В некоторых

субъектах Российской Федерации вводился контроль посредством выдачи QR-кодов.

Есть и другие примеры, заставляющие задуматься о конкурентном соотношении цифровых технологий с традиционным регулированием общественных отношений, – задержание при помощи системы распознавания лиц. Существуют многочисленные базы данных о человеке, начиная с единой базы МВД России и заканчивая различными телеграмм-ботами, которые при помощи искусственного интеллекта формируют информацию о человеке, включая персональные сведения [8].

Если до появления «цифровой среды» нормативный правовой акт был представлен в бумажных кодексах, а юристы и правоведы новые нормы буквально дописывали в кодексы в бумажном формате, то у современного человека нормативный правовой акт ассоциируется исключительно с абстрактным набором предписаний, который «сам» меняется и обновляется. С расширением законодательной базы многие юристы отказались от бумажных кодексов. В электронном виде мы видим и законотворческий процесс, начиная с Государственной Думы Российской Федерации и заканчивая законотворчеством законодательных и представительных органов субъектов. Не случайно с 2017 г. официальное опубликование НПА – это его размещение на официальном интернет-портале правовой информации [9].

Конечно, цифровизация существенно изменила не только формы реализации позитивного права, но и способы его восприятия. Однако в эпоху виртуальной реальности законы цифрового мира вступают в ощутимую конкуренцию с законами природы. Указанное приводит к уменьшению роли права как традиционного регулятора общественных отношений. Но вернемся к рассмотрению правового регулирования с точки зрения аксиологии и праксиологии права. Это позволит нам выделить «живое» и «мертвое» право, чтобы понять, насколько необходимо новое регулирование в столь быстро меняющемся мире, где с каждым годом все больше и больше процессов приобретают цифровую форму.

Несмотря на то, что философы рассматривают право без учета правовых реалий [10], перед учеными стоят большие и глобальные вопросы [11], в том числе о соотношении результатов научно-технического прогресса и права: право должно содействовать и, не вмешиваясь в указанный прогресс, регулировать, но в каких-то случаях и препятствовать ему (например, установление местоположения человека, получение доступа к его личным фото, смс, перепискам, прослушивание через микрофон устройств и передача данных сторонним лицам и т. д.). Все эти действия не соответствуют ни одному философскому пониманию законности. Более того, стремление к строительству новой цифровой правовой реальности, «явное смещение акцентов в правовом проектировании – все это может привести к значительному низложению ценностей человеческого труда» [12], частичному или полному игнорированию этических, аксиологических и социокультурных аспектов права.

И. Кант был убежден: общество не гарантирует, что человек не превратится в объект права при небиологической форме интеллекта и останется субъектом правоотношений в классическом понимании, как прежде [13].

Подводя итог, следует признать, что позитивное право должно регулировать использование цифровых технологий и установить рамки для их использования во имя сохранения «человечного» человека. С этой целью необходимо сохранить универсальные принципы естественного права, чтобы гарантировать, что люди не потеряют свои права и свободы в эпоху цифровой трансформации [14]. С другой стороны, особо важна проблема ответственности за действия автоматизированных систем и искусственного интеллекта. Позитивное право должно разработать механизмы, комплаенс-контроль обеспечения применения законов в области цифровых технологий, чтобы предотвратить злоупотребление и незаконное использование личных данных.

Сегодня человечество остро нуждается в философском осмыслении новой правовой реальности цифровой среды и сохранении человека с только ему присущим набором качеств. Реализуя принципы естественного права – обеспечение справедливости, свободы, прав, ответственности, мы сохраним человека как субъект устойчивого развития государства. Безусловно, соотношение естественного и позитивного права в эпоху цифровизации представляет собой сложную задачу для правовых систем: позитивное право должно реагировать на вызовы и изменения, связанные с цифровой реальностью, но и стоять на страже соблюдения универсальных принципов и ценностей, опираясь на естественное право. Разделяю мнение Председателя Конституционного Суда В.Д. Зорькина: «Нужно, чтобы философы говорили о праве, а юристы слушали философов и понимали, что право состоит не просто из собрания законов, – иначе достаточно одной законодательной реформы... необходим широкий взгляд

на юриспруденцию, завещанный выдающимися российскими мыслителями нам – тем, кто занимается интеллектуальным трудом, будь то практическая работа юриста, или преподавание, или академическая деятельность. И главный импульс должны задать философы» [15].

Безусловно, вопрос о соотношении универсальных принципов естественного и позитивного права в динамично меняющейся цифровой среде представляет собой одну из ключевых проблем современности. В условиях цифрового мира важно найти баланс позитивного и естественного права между научно-технической инновацией и защитой прав и свобод человека, распространением правовых и сохранением социокультурных норм для обеспечения справедливого и устойчивого развития государств.

Список источников

1. Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Трансформация права в цифровую эпоху: взгляд в будущее // Государство и право. 2019. № 9. С. 87–96.
2. Мартышин О.В. Метафизические концепции права // Государство и право. 2020. № 2.
3. Дабосин П.С. «Критическая» теория общества и государства Ю. Хабермаса: метод. аспект. Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2001.
4. Гайворонская Я.В. Нескромное обаяние цифровизации // Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 4. С. 40–47.
5. Агафонова М. Социальный рейтинг: каким он будет в России и как устроен в Китае? // Компания Афиша [Электронный ресурс]. URL: https://daily.afisha.ru/relationship/26328-socialnyy-reyting-kakim-on-budet-v-rossii-i-kak-ustroen-v-kitae/.
6. Ильин И.А. О сущности правосознания // Теория права и государства. М., 2008.
7. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: Опыт многомерной реконструкции // Современный социоанализ. Вып. VI. М., 1996.
8. Малахов В.П., Азнагулова Г.М. Проблема правопонимания в условиях цифровой реальности // Вестник МГПУ. Юридические науки. 2021. № 2(42). С. 42.
9. Полякова Т.А. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Алтайский государственный университет; под ред. А.А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020.
10. Шершеневич Г.Ф. История философии права. СПб., 1999. С. 20–21.
11. Шершеневич Г.Ф. Избранное: в 6 тт. Т. 4. М.: Статут, 2016. С. 15–16.
12. Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И. Правовые проблемы цифровизации: теоретико-правовой аспект // Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 4. С. 27–34.
13. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Избранное: в 3 тт. Т. 1. О воспитании разума. Калининград, 1995. С. 98–179.
14. Глушкова С.И., Летунов Е.Д. Развитие прав человека в условиях цифровизации общества: современные тенденции в цифровой реальности // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Т. 10. № 5А. С. 11–27.
15. Зорькин В.Д. Философия права: прошлое, настоящее и будущее // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. М.: Летний сад, 2010. С. 28–45.

References

1. Sannikova L.V., Xaritonova Yu.S. Transformaciya prava v cifrovuyu e`poxu: vzglyad v budushhee // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 9. S. 87–96.
2. Marty`shin O.V. Metafizicheskie koncepcii prava // Gosudarstvo i pravo. 2020. № 2.
3. Dabosin P.S. «Kriticheskaya» teoriya obshhestva i gosudarstva Yu. Xabermasa: metod. aspekt. Izhevsk: Izd-vo Udmurt. gos. un-ta, 2001.
4. Gajvoronskaya Ya.V. Neskromnoe obayanie cifrovizacii // Pravovaya paradigma. 2019. T. 18. № 4. S. 40–47.
5. Agafonova M. Social`ny`j rejting: kakim on budet v Rossii i kak ustroen v Kitae? // Kompaniya Afisha [E`lektronny`j resurs]. URL: https://daily.afisha.ru/relationship/26328-socialnyy-reyting-kakim-on-budet-v-rossii-i-kak-ustroen-v-kitae/.
6. Il`in I.A. O sushhnosti pravosoznaniya // Teoriya prava i gosudarstva. M., 2008.
7. Leont`ev D.A. Cennost` kak mezhdisciplinarnoe ponyatie: Opy`t mnogomernoj rekonstrukcii // Sovremenny`j socioanaliz. Vy`p. VI. M., 1996.
8. Malaxov V.P., Aznagulova G.M. Problema pravoponimaniya v usloviyax cifrovoj real`nosti // Vestnik MGPU. Yuridicheskie nauki. 2021. № 2(42). S. 42.
9. Polyakova T.A. Transformaciya prava v cifrovuyu e`poxu: monografiya / Altajskij gosudarstvenny`j universitet; pod red. A.A. Vasil`eva. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2020.
10. Shershenevich G.F. Istoriya filosofii prava. SPb., 1999. S. 20–21.
11. Shershenevich G.F. Izbrannoe: v 6 tt. T. 4. M.: Statut, 2016. S. 15–16.
12. Gajvoronskaya Ya.V., Miroshnichenko O.I. Pravovy`e problemy` cifrovizacii: teoretiko-pravovoj aspekt // Pravovaya paradigma. 2019. T. 18. № 4. S. 27–34.
13. Kant I. Osnovy` metafiziki nravstvennosti // Kant I. Izbrannoe: v 3 tt. T. 1. O vospitanii razuma. Kaliningrad, 1995. S. 98–179.
14. Glushkova S.I., Letunov E.D. Razvitie prav cheloveka v usloviyax cifrovizacii obshhestva: sovremenny`e tendencii v cifrovoj real`nosti // Teorii i problemy` politicheskix issledovanij. 2021. T. 10. № 5A. S. 11–27.
15. Zor`kin V.D. Filosofiya prava: proshloe, nastoyashhee i budushhee // Filosofiya prava v nachale XXI stoletiya cherez prizmu konstitucionalizma i konstitucionnoj e`konomiki. M.: Letnij sad, 2010. S. 28–45.

Статья поступила в редакцию 13.12.2023; одобрена после рецензирования 23.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 13.12.2023; approved after reviewing 23.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 104.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):104.

Актуальные проблемы юридической науки и практики

Научная статья
УДК 37.014
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_104

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ – ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

ВАСИЛЬЕВА Оксана Николаевна
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49, Российская Федерация

Аннотация: Распространение цифровых технологий ведет к качественным изменениям во всех значимых сферах, в том числе в сфере науки и высшего образования. Автор анализирует Стратегию цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования, утвержденную Минобром РФ. Как показывает проведенный анализ стратегии цифровой трансформации (цифровизации) в сфере образования, образовательные организации используют в своей деятельности ряд цифровых инструментов – цифровые образовательные сервисы, высокотехнологичные образовательные решения, кейс-технологии, дистанционные и интернет-ориентированные технологии, технологии адаптивной системы обучения, технологии персонифицированного тренинга и другие.

Ключевые слова: предпринимательские университеты, цифровые платформы, стратегия, правовое регулирование, цифровая трансформация, образование

Для цитирования: Васильева О.Н. К вопросу о цифровизации российских университетов – правовой аспект // Евразийская адвокатура. 2024. № 1(66). С. 104. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_104

Actual Problems of Law Science and Practice

Original article

ON THE ISSUE OF DIGITALIZATION OF RUSSIAN UNIVERSITIES – THE LEGAL ASPECT

VASILYEVA Oxana Nikolaevna
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University Under the Government of the Russian Federation
125167, Moscow, Leningradsky ave., 49, Russian Federation

Abstract: The spread of digital technologies leads to qualitative changes in all significant areas, including science and higher education. The author analyzes the Strategy of digital transformation of science and higher education, approved by the Ministry of Defense of the Russian Federation. As the analysis of the digital transformation (digitalization) strategy in the field of education shows, educational organizations use a number of digital tools in their activities – digital educational services, high-tech educational solutions, case technologies, remote and Internet-oriented technologies, adaptive learning system technologies, personalized training technologies and others.

Keywords: entrepreneurial universities, digital platforms, strategy, legal regulation, digital transformation, education

For citation: Vasilyeva O.N. On the Issue of Digitalization of Russian Universities – the Legal Aspect = Eurasian Advocacy. 2024;1(66):104. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_104

В 2020 года разработана Стратегия в целях достижения Министерством науки и высшего образования уровня «цифровой зрелости» при реализации полномочий по развитию отрасли науки и образования в рамках выполнения Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» и выполнения поручения заместителя Председателя Правительства Российской Федерации от 4 февраля 2021 г. № ДЧ-П10-1369. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до

© Васильева О.Н., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

2030 года» в качестве одного из целевых показателей национальной цели «цифровая трансформация» указано достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы. Данная Стратегия устанавливает подходы к достижению «цифровой зрелости» в сфере образования для образовательных организаций. Как показывает проведенный анализ стратегии цифровой трансформации (цифровизации) в сфере образования, образовательные организации используют в своей деятельности ряд цифровых инструментов – цифровые образовательные сервисы, высокотехнологичные образовательные решения, кейс-технологии, дистанционные и интернет-ориентированные технологии, технологии адаптивной системы обучения, технологии персонифицированного тренинга и другие.

При создании и использовании цифровых технологий снижается потребность в управленческом персонале, так как часть функций может быть передана искусственному интеллекту [1]. Например, составление расписания, консультирование по вопросам работы вуза и его отделений, информирование о проходящих событиях и мероприятиях, текущей успеваемости, оформление необходимых справок и документов, их выдача и многое другое. В принципе, с помощью чатботов и ассистентов можно выполнить большое количество процессов, сократив тем самым затраты на выплату заработной платы, обеспечение необходимым оборудованием. А вокруг голосовых ассистентов можно выстраивать и рекламную компанию предпринимательского университета, привлекая все больше абитуриентов. Например, как это происходит с «Алисой» у «Яндекса» и «Марусей» у «Вконтакте».

При этом стоит иметь в виду, что на первых этапах разработки и внедрения чат-ботов, интеллектуальных помощников и ассистентов потребуется ведение дополнительных расходов.

Многие образовательные организации ставят перед собой цель по обеспечению студентов и педагогов электронной литературой. Так, во многих образовательных учреждениях имеются свои собственные библиотеки. Однако зачастую произведения предоставляются не на электронном носителе, а на бумажном.

При написании статей, выпускных квалификационных и курсовых работ, рефератов и т. п., на мой взгляд, студентам предпочтительнее пользоваться источниками в электронном формате. Это объясняется следующим:

1) упрощен порядок цитирования и копирования;

2) легче осуществлять «выжимку» текста;

3) возможность выделения и подчеркивания необходимой информации;

4) расстановка закладок;

5) другое.

Предоставление литературы в электронном формате значительно облегчит написание вышеуказанных работ, а это будет менее затратным по времени. Более того, облегчит образовательный процесс, в общем и в целом упростит подготовку к семинарским и практическим заданиям.

При этом каталог литературы необходимо постепенно пополнять, добавлять работы не только преподавателей конкретного вуза, но и всех остальных, предоставляя студентам возможность ознакомления с различными научными подходами.

Актуальными являются и статьи в периодичных научных изданиях и сборниках. Поэтому есть смысл образовательным учреждениям приобретать их за определённую плату.

Однако, согласно личному опыту, существуют и иные проблемы. В частности, необходимо рекламировать среди студентов университетские библиотеки, повышать их конкурентоспособность, развивать.

Так, сперва следует создать удобный интернет-сайт такой библиотеки, который должен отвечать всем современным требованиям пользователей: быть интуитивно понятным, надлежаще оформленным, быстро выдавать результаты по запросу.

Необходимо разработать и специальное интернет-приложение для оптимизации ресурса под мобильные смартфоны и планшеты. Это значительно повысит приток новых пользователей. При этом к приложению должны предъявляться ровно те же самые требования, что и к интернет-порталу.

Следует выкладывать произведения не только в PDF-форматах, но и в EPUB- и FB2-форматах для адаптации под электронные книги. При возможности рекомендуется иметь и печатные варианты литературы.

Помимо вышесказанного, необходимо реализовывать и аудиокниги, которые в последнее время набирают популярность.

А если говорить про извлечение прибыли, то за основу можно взять различные онлайн-кинотеатры, предлагающие за определенную ежемесячную плату множество фильмов и сериалов, а также музыкальные стриминговые сервисы, в которых пользователи слушают музыку.

Более того, на практике уже имеются готовые решения. Например, «Литрес». Ввиду этого реа-

лизовать данное предложение будет проще, так как имеется возможность заимствования определенных наработок и идей.

А для повышения популярности научной библиотеки следует предлагать студентам и иным пользователям промокоды на подписку, скидки, пробный бесплатный доступ, проводить разного рода акции [2].

Также доступ к библиотеке может быть интегрирован в систему онлайн-курсов, о чем было сказано выше. Таким образом, лицо сможет приобрести сразу комплексный пакет услуг, а не один товар. И такая сделка является взаимовыгодной для обеих сторон: университет реализует больше товаров и услуг, а потребитель приобретает более широкий доступ к образовательным ресурсам по сниженной стоимости.

С помощью данных электронных ресурсов предпринимательские университеты и сами студенты, преподаватели как раз смогут извлекать прибыль. Так, пользование библиотекой может быть платным в виде ежемесячной подписки. А доступ, предполагается, будет не только у студентов, но и у любых других граждан. Поэтому следует предусмотреть размещение литературы для высококвалифицированных специалистов.

При этом при написании своих работ обучающиеся и преподаватели могут получать определенную плату за их размещение в библиотеке, коммерциализируя свои научные труды.

Стоит иметь в виду, что на данный момент библиотеки имеются, как уже указано, пожалуй, в каждом институте. Однако их необходимо развивать, преобразовывать, делать «клиентоориентированными». Необходимо предоставлять услуги не только обучающимся, но и остальным слоям населения: предпринимателям, специалистам различных сфер, государственным служащим и т. д. Именно поэтому литература должна быть разнородной, обширной, включать в себя научные труды из разных отраслей.

На наш взгляд, масштабное появление подобных библиотек в различных вузах значительно повысит спрос на научную литературу, что послужит дополнительным источником доходов их авторов и правообладателей.

На сегодняшний день наметилась тенденция внедрения в образовательные процессы показов видеоуроков и видеоматериалов. Так, преподаватели на семинарских занятиях или лекциях совместно со студентами могут просматривать необходимые видеоролики, экспертные мнения известных ученых и специалистов, практиков по тому или иному вопросу. Данная тенденция наметилась также и в школах, колледжах. Как отмечают представители сферы образования, просмотр видеоматериалов как во время занятий, так и дома оказывает большое влияние на обучающихся, формирует их хобби и увлечения, интересы.

Более того, в последнее время активно обсуждается и использование во время обучения технологий виртуальной и дополненной реальности, VR-шлемов и проч. Данные технологии особо актуальны для прикладных и технических специальностей. С их помощью студенты уже в процессе обучения смогут получить опыт работы, определенные навыки, что увеличит их конкурентоспособность на рынке труда после окончания обучения. Также внедрение дополнительной и виртуальной реальности повысит интерес у обучающихся, вероятность усвоения ими полученных знаний.

Однако на данный момент указанные интеллектуально-ориентированные технологии не получили должного распространения, их использование осуществляется достаточно редко.

Сущность предпринимательских университетов заключается в извлечении прибыли от научной деятельности, теоретических познаний. Этим должны заниматься и студенты. Как показывает мировая практика, в зарубежных предпринимательских институтах предусмотрена возможность реализации «стартапов». Данный вопрос уже рассматривался в рамках работы «Определить роль предпринимательских университетов в повышении конкурентоспособности страны».

Так, стартап – это временная организация, осуществляющая разработку принципиально новой бизнес-модели, идеи, концепции и направленная на получение относительно быстрого положительного финансового результата. В случае успеха стартап закладывается в создание крупной компании. Поэтому в предпринимательских институтах на данном этапе следует развивать программы разработки технологий дополнительной и виртуальной реальности. Качественное программное обеспечение будет востребовано многими отечественными организациями.

Аналогично дела обстоят и с другими инновационными технологиями. Наукоемкие и сложные в производстве технологии преимущественно производятся за рубежом, а из-за введенных санкций и нарушения логистических цепочек их поставка является затруднительной и происходит по завышенной цене.

Предполагается, что образовательные университеты должны давать простор своим студентам и преподавателям, ученым для разработок,

инноваций и создания принципиально новых технологий, что в будущем может привести к удовлетворению спроса среди населения, бизнеса и государства. Однако для более точного определения потребностей потенциальных контрагентов необходимо получать обратную связь, комментарии и отзывы.

Ввиду сказанного на основании проведенного исследования предлагается разработка специальной платформы, в которую могли бы быть интегрированы все предпринимательские институты, их студенты и преподаватели, руководство, а также представители субъектов малого и среднего предпринимательства, крупного бизнеса, государственных органов и так далее. Суть такой платформы заключалась бы в следующем: лицо оставляет заявку на конкретное изобретение, разработку интернет-сайта, портала, приложения, программного обеспечения и так далее. В свою очередь, обучающиеся вместе с преподавателями, специалисты дают обратную связь, свое мнение относительного запроса, условия изготовления произведения. При достижении соглашения заключается контракт. Также следует предусмотреть проведение конкурсов – контракт заключается с предложившим наиболее выгодные условия лицом.

За основу можно взять «ЕИС Закупки» «Сбербанк-АСТ», «Единую электронную торговую площадку», Электронную площадку торгов «РТС-тендер», Электронную торговую площадку «Газпромбанка» и другие.

На наш взгляд, создание такой площадки при каждом отдельном университете является нецелесообразным по ряду причин:

1) необходимость осуществления затрат и расходов в кратно увеличенных размерах;

2) единая платформа должна усилить конкуренцию между предпринимательскими университетами, так как будет доступна информация о количестве и объемах сделок каждого субъекта;

3) единая система будет являться прозрачной и понятной для пользователей.

Более того, единая платформа призвана предупредить ситуации, когда большинство заказчиков обращалось бы в крупные и известные предпринимательские университеты, научные центры, не обращая внимания на предложения и условия всех остальных.

Стоит иметь в виду, что для разработки предложенной системы необходимо внести соответствующие изменения в действующее законодательство или принять новый закон, учитывающий особенности осуществления закупок у студентов, преподавателей и научных центров.

Список источников

1. Васильева О.Н. К вопросу о роли предпринимательских университетов в повышении конкурентоспособности страны // Евразийская адвокатура. 2023. № 4 (63). С. 110–112.
2. Васильева О.Н. Правовая основа использования интеллектуально-ориентированных технологий // Евразийская адвокатура. 2023. № 6 (65). С. 146.

References

1. Vasil`eva O.N. K voprosu o roli predprinimatel`skix universitetov v povy`shenii konkurentosposobnosti strany` // Evrazijskaya advokatura. 2023. № 4 (63). S. 110–112.
2. Vasil`eva O.N. Pravovaya osnova ispol`zovaniya intellektual`no-orientirovanny`x texnologij // Evrazijskaya advokatura. 2023. № 6 (65). S. 146.

Статья поступила в редакцию 13.12.2023; одобрена после рецензирования 23.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 13.12.2023; approved after reviewing 23.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 108.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):108.

Актуальные проблемы юридической науки и практики

Научная статья
УДК 347.42
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_108

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТ. 333 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ИМПЕРАТИВНО УСТАНОВЛЕННОЙ (ЗАКОННОЙ) НЕУСТОЙКЕ

КУЛИКОВ Всеволод Валерьевич
Аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, к. 1, Российская Федерация

Аннотация: В рамках настоящей статьи рассматриваются вопросы, связанные с возможностью уменьшения неустойки, установленной на основании закона, применительно к предпринимательским правоотношениям и правоотношениям с участием потребителей (физических лиц). Исходя из анализа действующих положений закона, подзаконных актов, а также сложившейся правоприменительной практики, предлагаются возможные пути совершенствования нормативного регулирования данного вопроса.

Ключевые слова: гражданские правоотношения, неустойка, законная неустойка, способы обеспечения исполнения обязательств, предпринимательские правоотношения, потребители, защита прав потребителей, защита нарушенных прав, ГК РФ

Для цитирования: Куликов В.В. Перспективы совершенствования ст. 333 Гражданского кодекса РФ применительно к императивно установленной (законной) неустойке // Евразийская адвокатура. 2024. № 1(66). С. 108. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_108

Actual Problems of Law Science and Practice

Original article

PROSPECTS FOR IMPROVEMENT OF ART. 333 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN RELATION TO PEREMPTORY (LEGAL) PENALTIES

KULIKOV Vsevolod Valeryevich
Postgraduate Student of the Department of Civil and Business Law of All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
117638, Moscow, Azovskaya St., 2, Building 1, Russian Federation

Abstract: This article considers issues related to the possibility of reducing the penalty established on the basis of the law in relation to entrepreneurial legal relations and legal relations involving consumers (individuals). Based on the analysis of the current provisions of the law, by-laws, as well as the existing law enforcement practice, possible ways to improve the normative regulation of this issue are proposed.

Keywords: civil legal relations, forfeit, legal forfei, methods of ensuring fulfillment of obligations, entrepreneurial legal relations, consumers, protection of consumer rights, protection of violated rights, Civil Code of the Russian Federation

For citation: Kulikov V.V. Prospects for Improvement of art. 333 of the Civil Code of the Russian Federation in Relation to Peremptory (Legal) Penalties = Eurasian Advocacy. 2024;1(66):108. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_108

Рассматривая существующие в настоящее время в гражданском законодательстве Российской Федерации способы обеспечения исполнения обязательств, институт неустойки по праву можно назвать одним из самых распространенных и востребованных у субъектов гражданских правоотношений. Обусловлено это как простотой использования данной правовой конструкции, так и эффективностью ее практического применения. В данной связи актуальным является вопрос о возможности уменьшения (снижения) ее размера в целях, с одной стороны, сохранения баланса

© Куликов В.В., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

интересов субъектов гражданских правоотношений, а с другой стороны, недопущения злоупотребления правом, которое теоретически может возникнуть при взыскании суммы неустойки, несоразмерно высокой в сравнении с последствиями нарушения обязательства.

Общее правило об уменьшении начисленной неустойки содержится в п. 1 ст. 333 Гражданского кодекса РФ [5]. Анализируя положения данной нормы, мы можем говорить о том, что указанный законодателем критерий явной несоразмерности должен учитываться судами вне зависимости от источника установления неустойки (договор или закон). В свою очередь, п. 2 указанной статьи прямо устанавливает возможность уменьшения только лишь договорной неустойки. Осуществляя толкование вышеуказанных положений закона и рассматривая их системно, можно предположить, что законная неустойка в спорах, вытекающих из предпринимательских правоотношений, судом уменьшена быть не может, поскольку:

– такая возможность прямо не предусмотрена законом;

– о законной неустойке мы можем говорить как об исключении из общего правила о неустойке, которое будет применяться в силу специфики возникающих правоотношений или при наличии особенного правового статуса кредитора; в результате этого требуется установление повышенных гарантий ответственности должника в случае нарушения им обязательств. Возможность снижения в предпринимательских правоотношениях даже договорной неустойки является экстраординарной [3], суд в некотором смысле осуществляет пренебрежение условиями договора, осуществляя тем самым ограничение принципа свободы договора и невмешательства в частные дела, в результате этого происходит изменение размера ответственности по договору на размер, который суд считает справедливым по своему внутреннему убеждению [4]. Данные действия прямо направлены на недопущение получения кредитором необоснованной выгоды. Специфика же законной неустойки заключается в ее независимости от волеизъявления участников гражданских правоотношений (в данном случае речь идет о возможности ее установления и применения в тех или иных правоотношениях), кроме того, ее размер и условия взыскания устанавливаются посредством закона, а, следовательно, мы можем предположить, что законодатель заранее исключил вероятность наступления правовых последствий в виде получения кредитором необоснованной выгоды. При этом, устанавливая размер санкции, законодатель объективно предполагает, что при взыскании законной неустойки размер причитающейся кредитору компенсации в связи с нарушением должником его интересов будет адекватным и соразмерным, что является проявлением компенсационной функции института неустойки в целом.

Аналогичную точку зрения о недопустимости судебного уменьшения законной неустойки применительно к предпринимательским правоотношениям можно проследить в трудах некоторых правоведов [1].

В свою очередь, судебная практика по данному вопросу складывается в несколько ином направлении. Исходя из сложившейся правоприменительной практики [6–8] Верховного Суда РФ и ныне упраздненного Высшего Арбитражного Суда РФ, допускается уменьшение законной неустойки в порядке и по основаниям, которые подлежат применению для договорной неустойки. В результате этого мы можем констатировать, что по своей правовой природе законная неустойка не имеет в себе каких-либо специфических особенностей по сравнению с договорной, которые исключают или ограничивают возможность уменьшения ее размера.

Рассматривая вопросы, связанные с уменьшением размера законной неустойки в правоотношениях с участием потребителей, можно отметить позицию А.Г. Карапетова, который писал, что в контексте ряда случаев очевидно, что цель закона состоит в установлении заведомо сверхкомпенсационной кары в целях защиты слабой стороны договора и максимально эффективной превенции нарушения. В подобных ситуациях логично исходить из того, что неустойка может снижаться только в самых исключительных случаях [2]. На наш взгляд, с указанным подходом можно согласиться, кроме того, об исключительности применения такого механизма говорит и правоприменительная практика [9]. Видится, что такой подход законодателя к законной неустойке в потребительских правоотношениях использован намеренно с целью осуществления дополнительного стимулирования коммерсантов к соблюдению прав потребителей. Данной позиции придерживается и ВС РФ, который в вынесенных судебных актах неоднократно указывал, что повышенный размер ответственности коммерческих организаций напрямую связан с предотвращением возможных нарушений ими своих обязательств в правоотношениях с потребителями [10–11]. Дополнительно стоит отметить и п. 2 ст. 13 Закона о защите прав потребителей [12]: указанная норма

прямо устанавливает штрафной характер подлежащей взысканию неустойки.

Таким образом, мы можем увидеть, что в настоящее время прослеживается очевидная воля законодателя на установление именно карательной санкции в виде неустойки за нарушение прав потребителей. На основании вышеизложенного мы теоретически можем предположить, что законные неустойки в потребительских договорах по общему правилу снижаться не должны, так как они по своей правовой природе и в силу прямого осознанного подхода законодателя имеют карательный характер. Однако указанное нами выше теоретическое воззрение, равно как и существующий в настоящее время подход законодателя, выглядят несостоятельными, а также не коррелируются с положениями действующего гражданского законодательства РФ в силу нижеследующих обстоятельств.

В соответствии с п. 1 ст. 1 ГК РФ гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений; при существующем в настоящее время подходе законодатель, исходя из неких абстрактных причин (в данном случае мы предполагаем, что такими причинами могут быть: некоторое неравенство переговорных возможностей коммерсантов – юридических лиц и потребителей; отсутствие ресурсов у определенных потребителей на инициацию судебного процесса о взыскании неустойки и / или убытков при нарушении их прав; отсутствие специальных знаний в области права и т. д.), устанавливает повышенный характер ответственности по отношению к коммерсантам. Из этого следует, что, хотя правоотношение еще не возникло, коммерсант уже находится «в более слабой позиции» относительно потребителя, а, следовательно, ни о каком равенстве речь идти не может.

Рассматривая действующие редакции нормативных правовых актов и подзаконных нормативных правовых актов, в которых предусмотрена ответственность потребителей в виде уплаты неустойки в случае неисполнения / ненадлежащего исполнения обязательств, мы можем увидеть следующую ситуацию. Законодатель при установлении санкции в отношении потребителя «подходит» к нему более лояльно. Так, например, в соответствии с п. 81 Постановления Правительства РФ от 31.12.2021 № 2606 «Об утверждении Правил оказания услуг связи по передаче данных» [13] абонент – физическое лицо в случае неоплаты, неполной или несвоевременной оплаты услуг связи уплачивает оператору связи неустойку в размере 1 % стоимости неоплаченных, оплаченных не в полном объеме или несвоевременно оплаченных услуг связи. В то же время для оператора предусмотрена большая ответственность: так, помимо возможности взыскания абонентом – физическим лицом неустойки в размере 3 % (п. 75 указанных Правил), ему предоставлена возможность реализации иных штрафных санкции по отношению к оператору (п. 74 указанных Правил). Аналогичную ситуацию мы можем проследить, анализируя и сравнивая положения ст. 34–35 Устава автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта [14], которые предусматривают значительно большее количество случаев, при которых перевозчик обязан уплатить пассажиру неустойку, в сравнении с ответственностью последнего. Положения Федерального закона от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении» [15] также предусматривают различную степень ответственности потребителя тепловой энергии и управляющей организации, последняя уплачивает значительно больший размер неустойки в виде пени в случае несвоевременной оплаты тепловой энергии (из анализа п. 9.1 и 9.3 ст. 15).

Таким образом, если мы допускаем установление законодателем императивного запрета на снижение законной неустойки в правоотношениях с участием потребителей, это поставит коммерсантов в худшее положение относительного того, в котором они находятся сейчас. Помимо того, что для них превентивно установлена более серьезная ответственность за неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязательства, они будут полностью лишены возможности снижения начисленной неустойки в ситуациях, когда взыскиваемая сумма явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства.

Заключение

С учетом вышеизложенного мы можем констатировать, что в настоящее время ГК РФ в части законной неустойки не содержит в себе однозначных положений, которые бы исчерпывающим образом императивно регулировали вопросы, связанные с возможностью ее уменьшения в судебном порядке, как для предпринимательских правоотношений, с одной стороны, так и для правоотношений с участием потребителей (физических лиц) – с другой. В связи с этим видится необходимость внесения следующих изменений в ст. 333 ГК РФ:

1) императивно закрепить возможность уменьшения не только договорной, но и законной неустойки. Данные изменения позволят говорить

о таком законодательном дозволении с позиции имеющейся нормы права, а не исходя из сложившейся правоприменительной практики высших судов;

2) императивно закрепить положение, согласно которому правила, установленные ГК РФ в части возможности уменьшения законной неустойки, применяются в равной степени для предпринимательских правоотношений и правоотношений с участием потребителей.

Список источников

1. Гаврилов Э. О неустойке и процентах за неисполнение денежного обязательства после принятия изменений в общую часть обязательственного права // Хозяйство и право. 2015. № 6.
2. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.Г. Архипова, В.В. Байбак, С.А. Громов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022.
3. Право и экономическая деятельность: современные вызовы: монография / Е.Г. Азарова, А.А. Аюрова, М.К. Белобабченко и др.; отв. ред. А.В. Габов. М.: ИЗиСП; Статут, 2015.
4. Синицын С.А. Право суда на снижение взыскиваемой неустойки: правовая природа, условия и область практического применения в современных условиях // Адвокат. 2015. № 4.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. 5 декабря. № 32. Ст. 3301.
6. Пункт 78 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5. Май.
7. «Обзор судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 10. Октябрь.
8. Постановление Пленума ВАС РФ от 06.10.2005 № 30 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 1.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9. Сентябрь.
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.11.2021 № 5-КГ21-123-К2, 2-1536/2020. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.08.2021 № 5-КГ21-70-К2. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. 9 апреля. № 15. Ст. 766.
13. Постановление Правительства РФ от 31.12.2021 № 2606 «Об утверждении Правил оказания услуг связи по передаче данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. 17 января. № 3. Ст. 578.
14. Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // Российская газета. 2007. 17 ноября. № 258.
15. Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении» // Российская газета. 2010. 30 июля. № 168.

References

1. Gavrilov E`. O neustojke i procentax za neispolnenie denezhnogo obyazatel`stva posle prinyatiya izmenenij v obshhuyu chast` obyazatel`stvennogo prava // Xozyajstvo i pravo. 2015. № 6.
2. Peremena licz v obyazatel`stve i otvetstvennost` za narushenie obyazatel`stva: kommentarij k stat`yam 330–333, 380–381, 382–406.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / A.G. Arxipova, V.V. Bajbak, S.A. Gromov i dr.; otv. red. A.G. Karapetov. M.: M-Logos, 2022.
3. Pravo i e`konomicheskaya deyatel`nost`: sovremenny`e vy`zovy`: monografiya / E.G. Azarova, A.A. Ayurova, M.K. Belobabchenko i dr.; otv. red. A.V. Gabov. M.: IZiSP; Statut, 2015.
4. Sinicyn S.A. Pravo suda na snizhenie vzy`skivaemoj neustojki: pravovaya priroda, usloviya i oblast` prakticheskogo primeneniya v sovremenny`x usloviyax // Advokat. 2015. № 4.
5. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 1994. 5 dekabrya. № 32. St. 3301.
6. Punkt 78 Postanovleniya Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 24.03.2016 № 7 «O primenenii sudami nekotory`x polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ob otvetstvennosti za narushenie obyazatel`stv» // Byulleten` Verxovnogo Suda RF. 2016. № 5. Maj.
7. «Obzor sudebnoj praktiki po sporam, svyazanny`m s dogovorami perevozki gruza i transportnoj e`kspedicii» // Byulleten` Verxovnogo Suda RF. 2018. № 10. Oktyabr`.
8. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 06.10.2005 № 30 «O nekotory`x voprosax praktiki primeneniya Federal`nogo zakona «Ustav zheleznodorozhnogo transporta Rossijskoj Federacii» // Vestnik VAS RF. 2006. № 1.
9. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 28.06.2012 № 17 «O rassmotrenii sudami grazhdanskix del po sporam o zashhite prav potrebitelej» // Byulleten` Verxovnogo Suda RF. 2012. № 9. Sentyabr`.
10. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 09.11.2021 № 5-KG21-123-K2, 2-1536/2020. Dokument opublikovan ne by`l. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
11. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 03.08.2021

№ 5-KG21-70-K2. Dokument opublikovan ne by`l. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

12. Zakon RF ot 07.02.1992 № 2300-1 «O zashhite prav potrebitelej» // Vedomosti SND i VS RF. 1992. 9 aprelya. № 15. St. 766.

13. Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 31.12.2021 № 2606 «Ob utverzhdenii Pravil okazaniya uslug svyazi po peredache danny`x» // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 2022. 17 yanvarya. № 3. St. 578.

14. Federal`ny`j zakon ot 08.11.2007 № 259-FZ «Ustav avtomobil`nogo transporta i gorodskogo nazemnogo e`lektricheskogo transporta» // Rossijskaya gazeta. 2007. 17 noyabrya. № 258.

15. Federal`ny`j zakon ot 27.07.2010 № 190-FZ «O teplosnabzhenii» // Rossijskaya gazeta. 2010. 30 iyulya. № 168.

Статья поступила в редакцию 13.12.2023; одобрена после рецензирования 23.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 13.12.2023; approved after reviewing 23.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 113.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):113.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 340.13
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_113

АКТУАЛЬНОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ АКЦИОНЕРНЫМИ ОБЩЕСТВАМИ

ЯКОВЛЕВ Александр Юрьевич
Доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики Российской академии наук
117218, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32, Российская Федерация

Аннотация: Российская правовая система и порядок управления акционерными обществами с государственным участием не лишены изъянов. Их доработка может быть облегчена посредством использования зарубежного опыта, показавшего свою результативность. Это позволит снизить ресурсные и временные затраты на модернизационные мероприятия.

Ключевые слова: акционерное общество, акционерное общество с государственным участием, государственное акционерное общество, правовое регулирование, компаративистика

Для цитирования: Яковлев А.Ю. Актуальность и возможности использования зарубежного опыта правового регулирования и управления государственными акционерными обществами // Евразийская адвокатура. 2024. № 1(66). С. 113. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_113

Policy and Economy of Eurasia

Original article

RELEVANCE AND POSSIBILITIES OF USING FOREIGN EXPERIENCE IN LEGAL REGULATION AND GOVERNANCE OF STATE JOINT-STOCK COMPANIES

YAKOVLEV Alexander Yurievich
Doctor of Political Sciences, Leading Researcher of Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
117218, Moscow, Nakhimovsky prospect, 32, Russian Federation

Abstract: The Russian legal system and the procedure for governing joint-stock companies with state participation are not without flaws. Their refinement can be facilitated by using foreign experience that has shown its effectiveness. This will reduce resource and time costs for modernization activities.

Keywords: joint-stock company, joint-stock company with state participation, state joint-stock company, legal regulation, comparativistics

For citation: Yakovlev A.Yu. Relevance and Possibilities of Using Foreign Experience in Legal Regulation and Governance of State Joint-stock Companies = Eurasian Advocacy. 2024;1(66):113. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_113

Государства, их правовые системы, общества развиваются по-разному. Довольно существенно отличаются отдельные области правового регулирования, а также порядок управления определенными сферами. К таковым можно отнести вопросы управления акционерными обществами с участием государства.

Россия является далеко не единственной страной, где государство выступает акционером. Государственная акционерная собственность на протяжении разных исторических периодов существовала как в развитых, так и развивающий странах на всех континентах.

Конструктивно настроенные представители властных кругов и общества стараются повысить эффективность работы государственного управления и отдачи от владения собственностью (в том числе акциями). Для этого ими выявляются точки напряженности и ищутся средства нивелирования.

Нередко проблемы, возникшие в одной стране в определенный момент времени, уже ранее

© Яковлев А.Ю., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

имели место где-то еще. Органы власти соответствующих государств реализовали необходимые для их решения мероприятия. Показавшие себя позитивно апробированные инструменты с учетом местной специфики пригодны для использования в иных странах.

Государственная акционерная собственность достаточно широко распространена в мире. Затруднения, возникающие в процессе управления акционерными обществами с участием государства, также схожи. Среди них: низкая рентабельность деятельности организаций; злоупотребления лиц, занимающих ключевые должности; более громоздкий и сложный механизм управления государственными организациями, нежели частными, и др. Отсюда следует, что в связи с отсутствием радикальных отличий в описанной проблематике внедрение зарубежного опыта не должно представлять собой сверхсложной задачи.

Вопросами изучения опыта других стран, его сравнения, выявления наиболее прогрессивных элементов занимается компаративистика. В юридической науке это сравнительное правоведение. Оно имеет огромный потенциал для модернизации существующей правовой системы. Однако в России правовая компаративистика до настоящего времени не получила широкого распространения.

При этом в отечественной правовой науке встречаются труды в обозначенной области знания. В частности, интерес представляет работа российского юриста С.И. Коданевой, где автор размышляет о прошлом, настоящем и будущем сравнительного правоведения, отмечая, что «изучение чужого опыта помогает компаративистам глубже понять правовую систему своей собственной страны» [13, с. 30].

С данной мыслью ученого сложно не согласится. Интересен и труд белорусского правоведа А.В. Егорова, посвященный понятию сравнительного права [11], а также отечественного юриста М.Ю. Спирина об элементах структуры сравнительного правоведения [20].

Переходя к проблемному списку в качестве вводной, отметим факт высокого нормативно-правового непостоянства. В законодательные [1; 2] и позаконные акты [3; 4] не только достаточно часто вносятся ощутимые изменения, дополнения, но и происходят системные форматирования целых отраслей. Примером подобного была реформа гражданского законодательства 2014 г. Одновременно с этим существуют в неизменном виде множественные рекомендательные документы. Наиболее известным из них является Кодекс корпоративного управления [5], который вскоре отметит свое десятилетие.

В дополнение стоит упомянуть о неоднородности и отраслевой специфики [18; 19] акционерных обществ с участием государства, что оказывает влияние на финансово-хозяйственные и управленческие процессы.

Если выделять наиболее актуальные для России вопросы, связанные с правовым регулированием и управлением государственными акционерными обществами, то ими являются:

– система правовых актов, регламентирующих управленческие процессы;

– наделение полномочиями по управлению государственными обществами, распределение их между органами исполнительной власти, возможности делегирования [8; 9], наличие перекрестных полномочий;

– контроль за указанной выше деятельностью – структура и перечень органов, его осуществляющих, их принадлежность к ветвям власти, распределение между ними полномочий;

– экономический эффект от владения акциями государственных акционерных обществ;

– прозрачность управления – объем и содержание раскрываемой информации акционерными обществами и государственными органами, участвующими в управлении ими;

– органы управления и контроля, формируемые в организациях, – обязательность их наличия, численность, качественный состав, функционал;

– привлечение профессиональных директоров (лиц, не относящихся к госслужащим), в том числе независимых, – их статус, количество, правовая взаимосвязь с государством и акционерным обществом, обязанности, степень свободы действий;

– выбывание квалифицированных кадров, задействованных в управлении организациями, оперативное их замещение;

– материальное и иное стимулирование лиц, входящих в органы управления и контроля, – размер и условия выплат базового и дополнительного вознаграждения, его изменение, соотнесение с ключевыми показателями эффективности организаций;

– коррупционные риски, противодействие им, направления минимизации;

– закупки обществ с государственным участием [17] – эффективность, открытость, сроки проведения;

– номенклатура отчетных документов, требования их к содержанию, сроки предоставления;

– формализм в действиях должностных лиц и отчетных документов.

Также в последние годы крайне актуальной стала тематика, связанная с противодействием и минимизацией влияния санкций на акционерные общества с государственным участием через правовые новеллы [21] и иные средства.

Тут перечислены далеко не все имеющиеся проблемы применения права в России и управления федеральными и региональными акционерными обществами, которых накопилось немалое число [22], но перечень позволяет понять их масштаб и наиболее болезненные места.

Есть выходящие за рамки государственной акционерной собственности требующие внимания проблемные области. Актуальными проблематиками для российской корпоративной сферы в целом выступают: привлечение к различным формам ответственности юридических лиц [10], их должностных и аффилированных лиц [15; 16]; судебные тяжбы [6]; регулирующее воздействие государства, его степень и точки давления [7]; господдержка отдельных сегментов отечественной экономики [12] и иные. Помимо изучения передового опыта ведущих стран, полезным представляется ознакомление с элементами механизма управления государственными акционерными обществами в схожих с Российской Федерацией правовых системах, в частности, в Республике Беларусь [14]. Также имеет смысл исследовать провалы и неудачи в зарубежных странах. Их анализ поможет избежать похожих ошибок в России.

Наравне с изучением зарубежного опыта в целях модернизации правовой системы Российской Федерации интерес для науки и практики представляет продвижение вовне российского багажа знаний. У России, несмотря на ряд противоречий и замысловатость многих аспектов управления государственными акционерными обществами и правового регулирования данной сферы, есть возможные для заимствования предметы.

В целом межгосударственный обмен опытом облегчает, убыстряет и удешевляет новации, что позволяет сэкономленное время и ресурсы направить на развитие Российской Федерации и ее партнеров.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru.

2. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru.

3. Постановление Правительства РФ от 03.12.2004 № 738 «Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении акционерными обществами («золотой акции»)» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru.

4. Постановление Правительства Москвы от 03.07.2007 № 576-ПП «О порядке взаимодействия органов исполнительной власти города Москвы при реализации прав акционера…» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru.

5. Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru.

6. Аминов Д.И., Бацанова Т.А., Зайцева-Савкович Е.В., Опокин А.Б. Правовая оценка нерассмотрения судом ходатайств сторон в гражданском процессе // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 320–322.

7. Вечернин Д.С. Эволюция института оценки регулирующего воздействия: проблемы и перспективы // Вестник Московского государственного областного университета. Юриспруденция. 2014. № 4. С. 22–28.

8. Глазунова И.В. Делегирование полномочий между органами исполнительной власти и органами местного самоуправления // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 12. С. 291–299.

9. Глазунова И.В. Передача полномочий как инструмент реализации управленческих функций // Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса // Лазаревские чтения–2023: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. М., 2023. С. 39–47.

10. Глазунова И.В. Проблемные вопросы публично-правовой ответственности юридического лица // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 4. С. 512–517.

11. Егоров А.В. К вопросу о понятии сравнительного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2. С. 12–16.

12. Ершова И.В., Трофимова Е.В. Специальный правовой режим малого и среднего бизнеса в контексте поиска перспективных направлений поддержки иных сегментов отечественной экономики // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 2. С. 103–115.

13. Коданева С.И. Прошлое, настоящее и будущее сравнительного правоведения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Государство и право. 2019. № 3. С. 28–35.

14. Мандрик А.Е. Правовые проблемы участия представителей государства в органах управления банков Республики Беларусь // Актуальные проблемы гражданского права. 2022. № 1. С. 204–218.

15. Павлов А.Ю., Данилов И.А. О критериях субсидиарной ответственности // Юридический мир. 2022. № 3. С. 48–49.

16. Петухов С.В., Рачеева Ю.В. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц в контексте принципа правовой определенности // Евразийская адвокатура. 2023. № 3. С. 62–65.

17. Смотрицкая И.И., Анчишкина О.В., Черных С.И. Проблемы и стратегические задачи развития институ-

та общественных закупок // Проблемы прогнозирования. 2017. № 5. С. 70–78.

18. Смотрицкая И.И., Фролова Н.Д. Особенности развития института корпоративного управления в российской экономике // Общество и экономика. 2023. № 3. С. 5–16.

19. Смотрицкая И.И., Фролова Н.Д. Управление в компаниях с государственным участием: эмпирический анализ с учетом отраслевых эффектов // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2022. № 2. С. 100–112.

20. Спирин М.Ю. Об элементах структуры сравнительного правоведения как науки // Юридический вестник Самарского государственного университета. 2015. № 3. С. 33–36.

21. Шиткина И.С. Влияние санкций и антисанкционных мер на развитие корпоративного законодательства, практики его применения и научной доктрины // Закон. 2023. № 1. С. 164–175.

22. Яковлев А.Ю. Проблемы применения права и функционирования институтов управления государственными акционерными обществами // Евразийская адвокатура. 2023. № 5. С. 114–118.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.consultant.ru.

2. Federal`ny`j zakon ot 26.12.1995 № 208-FZ «Ob akcionerny`x obshhestvax» [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.consultant.ru.

3. Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 03.12.2004 № 738 «Ob upravlenii naxodyashhimisya v federal`noj sobstvennosti akciyami akcionerny`x obshhestv i ispol`zovanii special`nogo prava na uchastie Rossijskoj Federacii v upravlenii akcionerny`mi obshhestvami («zolotoj akcii»)» [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.consultant.ru.

4. Postanovlenie Pravitel`stva Moskvy` ot 03.07.2007 № 576-PP «O poryadke vzaimodejstviya organov ispolnitel`noj vlasti goroda Moskvy` pri realizacii prav akcionera…» [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.consultant.ru.

5. Pis`mo Banka Rossii ot 10.04.2014 № 06-52/2463 «O Kodekse korporativnogo upravleniya» [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.consultant.ru.

6. Aminov D.I., Baczanova T.A., Zajceva-Savkovich E.V., Opokin A.B. Pravovaya ocenka nerassmotreniya sudom xodatajstv storon v grazhdanskom processe // Vestnik e`konomicheskoj bezopasnosti. 2019. № 3. S. 320–322.

7. Vechernin D.S. E`volyuciya instituta ocenki reguliruyushhego vozdejstviya: problemy` i perspektivy` // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Yurisprudenciya. 2014. № 4. S. 22–28.

8. Glazunova I.V. Delegirovanie polnomochij mezhdu organami ispolnitel`noj vlasti i organami mestnogo samoupravleniya // Aktual`ny`e voprosy` sovremennoj e`konomiki. 2022. № 12. S. 291–299.

9. Glazunova I.V. Peredacha polnomochij kak instrument realizacii upravlencheskix funkcij // Aktual`ny`e problemy` nauki administrativnogo prava i administrativnogo processa // Lazarevskie chteniya–2023: sbornik nauchny`x trudov po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M., 2023. S. 39–47.

10. Glazunova I.V. Problemny`e voprosy` publichno-pravovoj otvetstvennosti yuridicheskogo licza // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2019. № 4. S. 512–517.

11. Egorov A.V. K voprosu o ponyatii sravnitel`nogo prava // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2017. № 2. S. 12–16.

12. Ershova I.V., Trofimova E.V. Special`ny`j pravovoj rezhim malogo i srednego biznesa v kontekste poiska perspektivny`x napravlenij podderzhki iny`x segmentov otechestvennoj e`konomiki // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2023. № 2. S. 103–115.

13. Kodaneva S.I. Proshloe, nastoyashhee i budushhee sravnitel`nogo pravovedeniya // Social`ny`e i gumanitarny`e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Gosudarstvo i pravo. 2019. № 3. S. 28–35.

14. Mandrik A.E. Pravovy`e problemy` uchastiya predstavitelej gosudarstva v organax upravleniya bankov Respubliki Belarus` // Aktual`ny`e problemy` grazhdanskogo prava. 2022. № 1. S. 204–218.

15. Pavlov A.Yu., Danilov I.A. O kriteriyax subsidiarnoj otvetstvennosti // Yuridicheskij mir. 2022. № 3. S. 48–49.

16. Petuxov S.V., Racheeva Yu.V. Subsidiarnaya otvetstvennost` kontroliruyushhix licz v kontekste principa pravovoj opredelennosti // Evrazijskaya advokatura. 2023. № 3. S. 62–65.

17. Smotriczkaya I.I., Anchishkina O.V., Cherny`x S.I. Problemy` i strategicheskie zadachi razvitiya instituta obshhestvenny`x zakupok // Problemy` prognozirovaniya. 2017. № 5. S. 70–78.

18. Smotriczkaya I.I., Frolova N.D. Osobennosti razvitiya instituta korporativnogo upravleniya v rossijskoj e`konomike // Obshhestvo i e`konomika. 2023. № 3. S. 5–16.

19. Smotriczkaya I.I., Frolova N.D. Upravlenie v kompaniyax s gosudarstvenny`m uchastiem: e`mpiricheskij analiz s uchetom otraslevy`x e`ffektov // Menedzhment i biznes-administrirovanie. 2022. № 2. S. 100–112.

20. Spirin M.Yu. Ob e`lementax struktury` sravnitel`nogo pravovedeniya kak nauki // Yuridicheskij vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 3. S. 33–36.

21. Shitkina I.S. Vliyanie sankcij i antisankcionny`x mer na razvitie korporativnogo zakonodatel`stva, praktiki ego primeneniya i nauchnoj doktriny` // Zakon. 2023. № 1. S. 164–175.

22. Yakovlev A.Yu. Problemy` primeneniya prava i funkcionirovaniya institutov upravleniya gosudarstvenny`mi akcionerny`mi obshhestvami // Evrazijskaya advokatura. 2023. № 5. S. 114–118.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024; одобрена после рецензирования 05.02.2024; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted 31.01.2024; approved after reviewing 05.02.2024; accepted for publication 05.02.2024.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 117.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):117.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 341.9
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_117

МОДЕРНИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ ДОГОВОРОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

ПШЕНИЧНАЯ Нина Юрьевна
Аспирант кафедры международного частного права Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России
119285, г. Москва, Воробьёвское шоссе, д. 6а, Российская Федерация

Аннотация: Техногенные аварии и катастрофы, финансовые кризисы, ухудшение отношений между Российской Федерацией и западными странами, последовавший затем украинский кризис и введение санкционных ограничений различными иностранными государствами в отношении Российской Федерации в связи с ним, объявленная Всемирной организацией здравоохранения пандемия Covid-19 стали причинами динамичной модификации таких контрактных оговорок, как форс-мажор, валютная оговорка, арбитражная оговорка, а также введения ранее не используемых в договорах оговорок: оговорка COVID-19, санкционная оговорка. Предлагается обобщить опыт изложения подобных оговорок в различных договорах и международных документах с целью их включения в международные коммерческие контракты.

Ключевые слова: модификация контрактных оговорок, форс-мажор, валютная оговорка, арбитражная оговорка, оговорка COVID-19, санкционная оговорка

Для цитирования: Пшеничная Н.Ю. Модернизация международных коммерческих договоров в современных условиях // Евразийская адвокатура. 2024. № 1(66). С. 117. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_117

Policy and Economy of Eurasia

Original article

MODERNIZATION OF INTERNATIONAL COMMERCIAL AGREEMENTS IN MODERN TIMES

PSHENICHNAYA Nina Yurievna
Postgraduate Student of Private International Law Department at the Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation
119285, Moscow, Vorobyovskoe highway, 6a, Russian Federation

Abstract: Man-made accidents and catastrophes, financial crises, deterioration of relations between the Russian Federation and Western countries, the subsequent Ukrainian crisis and the introduction of sanctions restrictions by various foreign states against the Russian Federation in connection with it, the Covid-19 pandemic declared by the World Health Organization became the reasons for the dynamic modification of such contractual clauses such as force majeure, currency clauses, arbitration clauses, as well as the introduction of clauses not previously used in contracts: COVID-19 clause, sanctions clause.

Keywords: modification of contract clauses, force majeure, currency clause, arbitration clause, COVID-19 clause, sanctions clause

For citations: Pshenichnaya N.Y. Modernization of International Commercial Agreements in Modern Times = Eurasian Advocacy. 2024;1(66):117. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_117

Введение

На сегодняшний день практически каждый международный коммерческий договор помимо положений о форс-мажоре, арбитражной оговорки содержит так называемую валютную оговорку, оговорку COVID-19, санкционную оговорку. Хозяйствующие субъекты Российской Федерации по-разному формулируют условия таких оговорок, стремясь закрепить в каждой из них как можно больше выгоды для своей стороны, минимизировать убытки компании.

Для целей настоящей статьи под санкциями понимаются запреты или ограничения внешней торговли товарами, работами, услугами и интел-

© Пшеничная Н.Ю., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

лектуальной собственностью, установленные Российской Федерацией, иностранными государствами и / или международными организациями.

Введение иностранными государствами санкций в отношении Российской Федерации с момента начала украинского кризиса в 2014 году повлекло необходимость не только разработки законодательной базы, но и внедрения санкционного комплаенса в деятельность хозяйствующих субъектов Российской Федерации.

В настоящее время исходными условиями для построения системы комплаенса в России являются: беспрецедентный характер вводимых санкций; гораздо более широкий, чем при пандемии COVID-19, спектр проблем; наличие у государства антисанкционного плана; разработка и принятие мер поддержки, носящих длящийся характер [1].

Так, сторонам при подписании международного договора важно учитывать следующие риски:

– ограничение на переводы денежных средств;

– запрет на импорт / экспорт определенных товаров / услуг;

– риск невозможности реализации права на судебную защиту в странах, которые ввели ограничительные меры в отношении Российской Федерации;

– отсутствие устоявшейся практики исполнения договорных обязательств в условиях санкционного давления.

Вышеобозначенные риски диктуют необходимость внимательно формулировать, как минимум, следующие договорные положения:

– условия о форс-мажоре;

– санкционная оговорка;

– валютная оговорка;

– положение об арбитраже;

– оговорка о порядке разрешения споров;

– оговорка о применимом праве.

Предусматривая и корректируя вышеуказанные положения коммерческих контрактов, хозяйствующие субъекты так или иначе реализуют санкционный комплаенс. Целесообразно внедрять на каждом отдельно взятом предприятии санкционный комплаенс путем введения единой политики, в которой, среди прочего, должны быть предложены для включения в договоры предприятия договорные условия, направленные на уменьшение возможных санкционных рисков и убытков для предприятия.

В настоящей статье рассмотрены предпосылки включения в договор так называемой санкционной оговорки, а также проанализированы оговорки, которые могут быть включены во внешнеторговые договоры и использованы, в том числе, в рамках санкционного комплаенса.

Санкции, установленные иностранными государствами и / или международными организациями в отношении Российской Федерации

Ухудшение отношений между Российской Федерацией и западными странами привело к санкционному противостоянию между странами. Число подсанкционных товарных позиций в отношении России, по данным X-Compliance, по состоянию на 11.06.2023 составило: США – 6224, Евросоюз – 6115, Великобритания – 6690. За период с 21.02.2022 по 11.06.2023, также по данным X-Compliance, в отношении российских физических и юридических лиц было введено 12594 санкции в рамках списков основных западных стран-инициаторов.

В США государственным органом, который несет ответственность за выполнение санкционной программы, связанной с украинским кризисом, является Управление международных финансов (Office of Foreign Assets Control, или OFAC). Оно публикует Список граждан особых категорий и запрещенных лиц (Specially Designated Nationals and Blocked Persons List, или SDNs List), в отношении которых вводятся санкции, а также Перечень лиц, к которым применяются секторальные санкции (Sectoral Sanctions Identification List, или SSI List).

В ЕС решение о введении санкций, связанных с украинским кризисом, принимается Советом ЕС. Так, санкции ЕС можно разделить на следующие:

– в рамках Решения 2014/145/CFSP и Регламента № 269/2014 – вводятся санкции против отдельных физических и юридических лиц;

– в рамках Решения 2014/512/CFSP и Регламента № 833/2014 – вводятся секторальные санкции, в связи с чем публикуются соответствующие Директивы;

– Решение 2014/386/CFSP и Регламент № 692/2014 изданы в отношении «относительно ограничительных мер в ответ на незаконную аннексию Крыма и Севастополя».

Санкции, установленные Российской Федерацией как ответные меры на экстерриториальность иностранного законодательства

Вполне закономерно, что Российская Федерация пользуется своим правом установления ответных ограничений (реторсий) в отношении граждан и юридических лиц иностранных государств.

В соответствии со ст. 1194 Гражданского кодекса Российской Федерации Правительством

Российской Федерации могут быть установлены ответные ограничения (реторсии) в отношении имущественных и личных неимущественных прав граждан и юридических лиц тех государств, в которых имеются специальные ограничения имущественных и личных неимущественных прав российских граждан и юридических лиц.

В частности, к законам, направленным на защиту экономических и политических интересов Российской Федерации, а также на противодействие враждебным действиям со стороны недружественных государств, можно отнести следующие:

– Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» – посвящен особым видам запретов и ограничений внешней торговли товарами, услугами, интеллектуальной собственностью;

– Федеральный закон от 30 декабря 2006 года № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» – устанавливает определение «специальных экономических мер», которые направлены на запрещение внешнеэкономических операций или установление ограничений на их осуществление, а также на прекращение или приостановление действия международных торговых договоров и иных международных договоров Российской Федерации в области внешнеэкономических связей;

– Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» – к числу полномочий Президента Российской Федерации данным законом отнесено решение о применении специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности государства;

– Федеральный закон от 4 июня 2018 года № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» (с изменениями на 1 мая 2022 года) – предусматривает меры воздействия (противодействия) к санкционным и иным действиям в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц, направленным на экономическую и политическую дестабилизацию Российской Федерации;

– Указ Президента РФ от 8 марта 2022 г. № 100 (ред. от 29.12.2022) «О применении в целях обеспечения безопасности Российской Федерации специальных экономических мер в сфере внешнеэкономической деятельности»;

– иные указы Президента, постановления и распоряжения Правительства РФ.

Очевидно, что сейчас, как никогда прежде, требуется разработка согласованной политики и законодательной базы для реагирования на последствия иностранного экстерриториального законодательства. Как отметил И.И. Шувалов, «в антикризисном законодательстве особое место и координационное значение должны иметь акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации» [2].

С учетом сложившейся ситуации вызывает интерес анализ осуществления предпринимательской деятельности в условиях санкционного давления и соответствия предпринимательского риска угрозам от недружественных действий. Насколько субъекты предпринимательской деятельности могут прогнозировать негативные последствия от недружественных действий иностранных государств, и не являются ли данные действия форс-мажорными обстоятельствами, исключающими ответственность предпринимателей [3]?

Анализ современной международной практики позволяет говорить, что важнейшими проявлениями принуждения в межгосударственных отношениях выступают международно-правовые санкции и контрмеры, которые играют непосредственную роль в охране международного правопорядка, поскольку с их помощью субъекты международного права реагируют на международные правонарушения [4].

Любой международный коммерческий договор подвергается действию законов, принимаемых иностранными государствами и / или международными организациями, а также Российской Федерацией. Данное обстоятельство должно учитываться при анализе бизнес-рисков, и, как вариант, во внешнеторговых договорах должна присутствовать оговорка, определяющая действия сторон в случае ограничения вывоза / ввоза продукции, действия иных ограничительных мер. Как отмечает А.Г. Аксенов, «правовое регулирование международных коммерческих контрактов… основано на принципе договорной свободы сторон. В связи с чем стороны в договоре вправе отступить от вышеуказанных положений, изменить их действие и предусмотреть иные способы правовой защиты, касающиеся изменения и прекращения договора, возмещения потерь (indemnity) и др.» [5].

Хозяйствующие субъекты в целях регулирования своей деятельности с учетом введения санкций недружественными государствами, в первую очередь, обязаны руководствоваться законодательными актами Российской Федерации, изданными в отношении недружественных дей-

ствий иностранных государств и международных организаций. В рамках санкционного комплаенса хозяйствующим субъектам целесообразно осуществлять санкционную юридическую экспертизу контрагентов, используя при этом (анти)санкционные оговорки для включения в договоры.

Санкционная оговорка

При введении санкций недружественными государствами против Российской Федерации каждый российский предприниматель, так или иначе связанный с импортом или экспортом товаров и / или услуг, задался вопросом, следует ли квалифицировать такие санкции как форс-мажор. Судебная практика в российских судах по этому вопросу до сих пор остается неоднозначной.

Например, в типовой оговорке Международной торговой палаты (ICC) о форс-мажоре в редакции 2020 г. как сбалансированной модели для использования в международных контрактах в любой юрисдикции «валютные и торговые ограничения, эмбарго, санкции» рассматриваются в качестве форс-мажорных обстоятельств.

В международных коммерческих контрактах правовые вопросы санкционного комплаенса зачастую рассматриваются в специальных разделах или статьях, называемых «санкционная оговорка», что становится стандартной бизнес-практикой. Как правило, в них детализируется, что именно понимают стороны под санкциями; условия о заверениях; порядок подтверждения экономических санкций, в том числе и негативного влияния на контрактные обязательства сторон; правовые последствия их наступления и т. п. [6].

Так называемая санкционная оговорка начинается, как правило, с дефиниций – стороны предусматривают ряд терминов, каждый из которых подробно раскрывается с тем, чтобы стороны одинаково понимали то или иное обстоятельство: дается определение понятию «санкции», при этом перечисляются конкретные страны, международные организации, органы, которые вводят санкции (ЕС, США, Великобритания, ООН и прочие); под «Санкционным событием» подразумевают, прежде всего, введение санкций после даты подписания договора, которые не позволяют стороне выполнить обязательства.

В договоре предусматривается алгоритм поведения сторон после наступления Санкционного события. В таком случае сторона, которая считает невозможным дальнейшее исполнение обязательств по причине санкционных ограничений, должна уведомить противоположную сторону о введении таких санкций, то есть направить соответствующее уведомление о наступлении санкций; зачастую направляется также заключение независимой международной юридической компании, которая подтверждает введение санкций в действие со ссылками на законодательный акт и орган, которым введена та или иная санкция, а также с юридическим обоснованием наступления негативных последствий для самой сделки и / или ее сторон.

Период действия конкретного Санкционного события может начинаться, например, с момента получения уведомления о конкретном Санкционном событии контрагентом. Срок действия Санкционного события, как правило, ограничен датой:

– отмены санкций;

– предоставления компетентным органом разъяснения о том, что те или иные работы / услуги по соответствующему договору не затронуты действием санкций;

– предоставления компетентным органом лицензии или разрешения.

Помимо вышеперечисленного в рамках санкционной оговорки стороны внешнеторгового договора вправе предусмотреть, например, следующее:

– обязанность предоставлять контрагенту для ознакомления / согласования направленные с целью получения разъяснений / разрешений / лицензий в государственные компетентные органы письма / запросы, а также полученные ответы органов;

– проводить регулярные встречи сторон, направленные на обсуждение алгоритма действий сторон в период действия санкционного случая, включая получение разрешений / лицензий, корпоративную реорганизацию, изменение логистических цепочек и прочее;

– за чей счет поддерживается в силе полученное разрешение / лицензия;

– распределение иных расходов сторон.

Санкционная оговорка имеет отличия от оговорки о форс-мажоре:

1) санкционная оговорка, как правило, предусматривает отказ от договора в целом, в то время как форс-мажор в основном имеет целью освобождение стороны от ответственности за неисполнение обязательств по договору;

2) в соответствии с санкционной оговоркой, как правило, необходимо представить подтверждение негативных последствий для сделки и / или ее сторон (заключение юридической фирмы или позицию уполномоченного органа); при этом форс-мажор подлежит доказыванию (на предмет чрезвычайности, непреодолимости и непредотвратимости соответствующих обстоятельств в со-

ответствии с пунктом 3 ст. 401 ГК РФ, если к договору применено право Российской Федерации).

Таким образом, сторонам важно зафиксировать в договоре, относят ли они санкционное событие к форс-мажору или нет, а вместе с тем предусмотреть следующее:

– имеет ли каждая из сторон право на продление своих обязательств после наступления санкционного случая;

– возможность / условия изменения цены работ (товаров, услуг);

– право на расторжение;

– заверение о том, что к соответствующей стороне не применяются санкции, а также предусмотреть ответственность за нарушение данного заверения в виде уплаты убытков, неустойки, отказа от исполнения договора;

– распределить расходы между сторонами при наступлении санкционного случая.

Как было отмечено выше, практика исполнения договорных обязательств в условиях санкционного давления на данный момент не устоялась либо отсутствует. Поэтому зависит от договоренности сторон, как они будут выходить из создавшейся ситуации, как они распределят расходы в связи с наступлением санкционного случая, будет ли договор вообще исполнен. Сейчас это основной бизнес-риск, который должен быть принят во внимание еще до подписания соответствующего договора.

Оговорка о форс-мажоре

Юристы разных предприятий привыкли излагать оговорку о форс-мажоре по-разному, дополняя или корректируя ее в зависимости от внешних обстоятельств, внутренних требований компании. Российские компании стали модернизировать оговорку о форс-мажоре после введения санкций США, ЕС и другими странами против Российской Федерации, затем дополнили ее соответствующими положениями после объявления пандемии COVID-19, а теперь все больше акцент сторонами смещается на военные обстоятельства, такие как гражданская война, война (объявленная или нет), военные действия, вторжение, восстание и революция, военный или иной незаконный захват власти, мятеж, террористический акт, саботаж и прочее.

Более того, в нынешних реалиях стороны при подписании внешнеторгового договора вынуждены решать, относить ли им пандемию COVID-19 / введение санкций тем или иным государством к форс-мажору или наоборот, вывести пандемию COVID-19 / введение санкций из-под действия оговорки о форс-мажоре. И тот, и другой подход имеет право на существование, целесообразно при этом четко разграничить соответствующие положения.

Следует иметь в виду, что подход судов по вопросу признания санкций форс-мажором в настоящий момент противоречив. Поэтому от точности формулировки в договоре может зависеть решение суда, в частности, вопрос освобождения стороны от ответственности.

Например, Арбитражный суд Московского округа в одном из дел указал, что введение санкций США в отношении Российской Федерации и установление требований о получении экспортных лицензий для поставки отдельных видов оборудования и комплектующих не могут рассматриваться как обстоятельства непреодолимой силы, а отсутствие экспортной лицензии у контрагента является предпринимательским риском поставщика (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.02.2016 по делу № А40-80533/15) [7].

Противоположный вывод сделал Арбитражный суд Северо-Западного округа по итогам рассмотрения следующего дела. Суд принял во внимание экспертное заключение от 21.12.2016 № 154-06-07289-16, составленное по заказу общества «КЕЛЕАНЗ Медикал» экспертом Ассоциации «Ленинградская областная торгово-промышленная палата», согласно которому обстоятельства, препятствовавшие своевременному исполнению обязательств по поставке оборудования, произошли на территории Германии. В частности, производителю оборудования, исходя из новых «Правил экспорта», выпущенных Бюро Промышленной безопасности (BIS) Министерства торговли США в 2016 году, следовало получить экспортную лицензию этого Бюро, поскольку 25 % составляющих оборудования произведены на территории США. По мнению эксперта, из-за введения экономических санкций в отношении Российской Федерации существенно осложнилась процедура лицензирования экспорта оборудования, увеличилось время выдачи экспортных лицензий для российских потребителей. Указанное не зависит от воли производителя оборудования и его официальных дилеров, а является обстоятельством непреодолимой силы, которое не позволило компании «Siemens AG» и обществу «Сименс Здравоохранение» выполнить обязательства перед обществом «ВТС» и обществом «КЕЛЕАНЗ Медикал» [8].

Трендом договорной работы сейчас стало использование ограничительных оговорок с указанием, что санкции форс-мажором не являются.

Это правомерно, нет препятствий к расширению ответственности и исключению применения правила о непреодолимой силе в силу диспозитивности нормы п. 3 ст. 401 ГК РФ, в специальном законодательстве равным образом нет запрета предусматривать в договоре условие об ограничении возможного перечня обстоятельств непреодолимой силы как оснований освобождения от ответственности [9].

Признание распространения новой коронавирусной инфекции обстоятельством непреодолимой силы не может быть универсальным для всех категорий должников, независимо от типа их деятельности, условий ее осуществления, в том числе региона, в котором действует организация, в силу чего существование обстоятельств непреодолимой силы должно быть установлено с учетом обстоятельств конкретного дела (в том числе срока исполнения обязательства, характера неисполненного обязательства, разумности и добросовестности действий должника и т. д.) [10].

Вообще типовые оговорки о форс-мажоре представлены в таких международных актах, как ст. 79 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (далее – Венская конвенция), в пункте 7.1.7 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА, в оговорках ICC 1985, 2003 и 2020.

Эти оговорки можно инкорпорировать в любой внешнеторговый договор. Так, Оговорка ICC совсем недавно претерпела изменение и является наиболее полной из перечисленных выше типовых оговорок.

Однако в Венской конвенции и Принципах УНИДРУА, а также в национальном праве России и других государств отсутствует определение конкретных обстоятельств форс-мажора, что создает неопределенность [11].

Если применимым правом к договору является российское, то форс-мажор регулируется пунктом 3 статьи 401 ГК РФ, которая содержит довольно краткое изложение общего подхода к определению форс-мажора. Как отмечает Н.Г. Вилкова, «при совершенствовании правил ГК РФ о форс-мажоре и его последствиях было бы целесообразным учесть положения и Венской конвенции, и Правил УНИДРУА (как это имело место ранее при совершенствовании ГК РФ), и Оговорки ICC о форс-мажоре в части определения более полным образом последствий форс-мажора в виде не только освобождения от ответственности, но и обязанности по информированию другой стороны о таком событии, о подтверждении события форс-мажора, сроках для такого подтверждения, о последствиях непредставления соответствующего подтверждения, о последствиях непреодолимой силы иных, чем освобождение от ответственности, а именно: о порядке расторжения договора и его последствиях, а также о минимизации убытков, возникших у стороны, ссылающейся на форс-мажор» [11].

Итак, как уже было сказано выше, целесообразно включать во внешнеторговый договор выработанную международной организацией типовую оговорку о форс-мажоре, в частности, при выборе такой оговорки следует обратить внимание на обновленную Оговорку ICC. Однако инкорпорация какой-либо оговорки в договор не исключает ее видоизменение, корректировку, дополнение с учетом объективной необходимости. При этом следует разграничить оговорку о форс-мажоре от санкционных случаев, если стороны разделяют эти понятия и предусматривают различные правовые последствия для наступления случая форс-мажора / санкционного случая. Если стороны договорились считать санкционный случай форс-мажором, это должно четко следовать из оговорки о форс-мажоре.

Оговорка о COVID-19

Бизнес продолжает развиваться в новых реалиях. Теперь стало важным обозначить, что стороны внешнеторгового договора понимают под событием COVID-19. Юридическая техника такова, что стороны вводят в договор соответствующий термин (например, «Событие COVID-19») и закрепляют, что событие может наступить после даты подписания договора, при этом это событие должно быть установлено компетентным государственным органом, и оно делает невозможным исполнение обязательств (всех либо в части – на усмотрение сторон) по договору.

Для заказчика будет целесообразно, чтобы в договоре поставщик / подрядчик подтвердил, что оценил фактические и потенциальные риски наступления События COVID-19 и, даже несмотря на наступление такого события, готов выполнить поставку / работы.

Как и в случае с санкционной оговоркой, сторонам при изложении оговорки о COVID-19 рекомендуется прямо указать, относят ли они пандемию COVID-19 к форс-мажору или наоборот, выводят ее из-под действия оговорки о форс-мажоре.

Далее стороны обозначают, дает ли Событие COVID-19 право на продление сроков исполнения обязательств, устанавливают срок, на который могут быть продлены обязательства (например, это срок действия События COVID-19).

Также стороны вправе предусмотреть, можно ли вносить какие-либо изменения в условия договора, если какая-либо сторона договора не может исполнить свои обязательства, если невозможность их исполнения прямо подпадает под критерии События COVID-19.

Обратимся к международному документу – Принципам международных коммерческих договоров УНИДРУА (Принципы УНИДРУА).

Как отмечает А.С. Комаров, Принципы УНИДРУА содержат нормы, которые могут применяться и в ситуации, характерной для последствий пандемии COVID-19. В данном случае речь идет о регулировании отношений сторон по договору, когда для одной из них возникли затруднения в исполнении своих обязательств. Статья 6.2.2 Принципов УНИДРУА предусматривает, что затруднениями считается случай, когда возникают события, существенным образом изменяющие равновесие договорных обязательств в силу либо возрастания для стороны стоимости исполнения, либо уменьшения ценности получаемого стороной исполнения [12].

Пандемия COVID-19 сама по себе вполне вписывается в характеристики, приведенные в п. (a) и (b) ст. 6.2.2 Принципов УНИДРУА, кроме случая принятия потерпевшей стороной на себя риска наступления соответствующего события. На практике в большинстве случаев не столько пандемия вируса как таковая, сколько карантинные меры, которые принимаются властями, являются причиной возникновения затруднений, т. е. приводят к существенному изменению равновесия договорных обязательств в результате значительного возрастания в стоимости исполнения своих обязательств для одной из сторон или существенного снижения стоимости исполнения, которое должна получить сторона, включая случай, когда исполнение для нее уже не представляет никакой ценности [12].

Итак, Принципами УНИДРУА уже сформулировано в пункте 6.2.2, каким критериям должно отвечать Событие COVID-2019, а в пункте 6.2.3 сформулирован алгоритм действий сторон в условиях, когда исполнение обязательств затруднено (hardship); в частности, предусмотрено право при недостижении соглашения в разумный срок обратиться в суд, который прекратит договор или изменит его для восстановления равновесия. Стороны вправе договориться применить условия Принципов УНИДРУА к внешнеторговому договору, а могут модифицировать указанные пункты Принципов УНИДРУА с целью их адаптации к собственным обстоятельствам.

Таким образом, остается на усмотрение сторон, считать ли последствия События COVID-19 форс-мажором или нет; также стороны вправе самостоятельно сформулировать оговорку о COVID-19, либо применить оговорку о затруднениях в том виде, в каком она изложена в Принципах УНИДРУА, либо адаптировать оговорку, изложенную в Принципах УНИДРУА, соответственно своим обстоятельствам.

Арбитражная оговорка и оговорка о применимом праве

До введения санкций в отношении России институт арбитражной оговорки широко использовался российскими компаниями. Была полная свобода выбора: часто, заключая внешнеторговый договор, стороны договаривались о применении английского права с указанием места судебного разбирательства в Лондоне; российские компании применяли к сделкам шведское или швейцарское право. Постепенно, с введением санкций все большим количеством стран в отношении России в рамках украинского кризиса, стороны стали прибегать к включению во внешнеторговые договоры оговорок о рассмотрении споров в так называемых «нейтральных» судах, чье решение не зависело от вводимых санкций. Постепенно нейтральных судов, не испытывающих давление стран Запада и США, можно сказать, не осталось. Теперь иностранные консультанты в силу санкций отказываются от предоставления своих услуг российским компаниям. Но не только отсутствие специалистов в области иностранного законодательства сдерживает включение в договор норм иностранного права. Нынешняя практика говорит о предвзятости иностранных судов. Более того, остро встает вопрос о признании и приведении в исполнение решения того или иного иностранного суда.

Несмотря на различные оговорки, предусматриваемые во внешнеторговых договорах, невозможно исключить вероятность судебного разбирательства. Даже при выборе нейтрального арбитража (Китай, ОАЭ, прочий) у сторон нет гарантии, что вынесенное таким арбитражным судом решение может быть исполнено.

В условиях изменения геополитической обстановки и введения различными странами антироссийских санкций и односторонних ограничительных мер российские лица столкнулись с многочисленными проблемами, возникающими при попытке обращения в избранный ими ранее иностранный арбитражный институт, при выборе арбитров, экспертов и представителей. Указанные проблемы возникают на всех этапах

разбирательства: начиная от его инициирования и заканчивая признанием и принудительным исполнением вынесенного решения [13].

В настоящий момент в арбитражной оговорке целесообразно предусматривать:

– арбитраж в Российской Федерации;

– арбитражный институт, находящийся в нейтральной юрисдикции (например, HKIAC), при этом предусматривать критерии назначения арбитров, привлечение которых увеличит шансы на непредвзятое рассмотрение спора (то есть назначать арбитров из Российской Федерации или арбитров нейтральной юрисдикции), в том числе при созыве арбитража ad hoc;

– ad hoc арбитраж;

– механизм альтернативной оговорки – предусматривая суд, скажем, в LCIA с местом арбитража в Лондоне, вполне возможно указать в арбитражной оговорке, что в случае введения санкций, касающихся исполнения договора, рассмотрение в указанном суде прекращается, и предусматривается рассмотрение спора в HKIAC с местом арбитража в Гонконге.

Учитывая невозможность заранее предвидеть распространение ограничительных мер на контрагентов и характер санкций, возможно, наиболее компромиссным вариантом для участников внешнеэкономического оборота могли бы стать так называемые каскадные арбитражные оговорки, предусматривающие вариативность действий для сторон в случае наступления тех или иных событий: 1) выбор запасного форума, перенос споров в нейтральную юрисдикцию, например выбор в пользу азиатских арбитражных центров, скажем, Гонконгского (аккредитованного в России) или Сингапурского международных арбитражных центров; 2) установление дополнительных требований к нейтральности арбитров, то есть выбор арбитров из не связанных с санкциями юрисдикций; 3) отказ сторон от обращения в юрисдикционные органы, которые не могут обеспечить равное и беспристрастное разрешение спора в новых обстоятельствах; 4) более активный выбор и использование отечественных арбитражных центров. Кроме того, сторонам настоятельно рекомендуется внимательнее отнестись к соглашению о выборе применимого права, в том числе и к арбитражному соглашению, так как выбор применимого права той страны, которая ввела санкции, по всей вероятности, будет означать их распространение на отношения сторон [8].

Примечательно, что несколько иначе формулирует подход к составлению арбитражной оговорки О.ф. Засемкова: «наиболее эффективными способами минимизации влияния санкций на разбирательство являются: 1) выбор арбитража, находящегося в нейтральной юрисдикции; 2) выбор ad hoc арбитража; 3) заключение альтернативных арбитражных оговорок; 4) обращение в российский арбитражный суд с заявлением о признании им своей исключительной юрисдикции по рассмотрению спора или о запрете инициирования или продолжения разбирательства в иностранном суде или арбитраже» [8].

Валютная оговорка

В связи с частым колебанием курса национальной валюты целесообразно в договоре предусматривать так называемую валютную оговорку, которая позволяет защитить стороны.

Валютная оговорка может предусматривать валютный коридор – минимальный и (или) максимальный курс, по которому будет осуществляться платеж. При этом, если стороны не предусмотрят ограничение курса, стороне придется платить по новому курсу. Также может предусматриваться привязка к «безопасному» виду валют (юань, тенге), к иным способам.

Важно предусматривать момент определения курса (конвертации) – обычно это момент оплаты, но может быть и иное событие по усмотрению сторон.

Валютная оговорка встречалась во всех внешнеэкономических договорах после кризиса 1998 года, когда произошло резкое обесценивание российской национальной валюты. В дальнейшем на фоне постепенного укрепления национальной валюты договоры все реже содержали валютную оговорку. В связи с санкционной политикой недружественных государств валютная оговорка вновь стала неотъемлемой частью почти каждого внешнеторгового договора.

Так, стороны могут условиться в договоре о следующем порядке оплаты:

– оплата осуществляется в рублях либо эквивалентной сумме в иностранной валюте / условных единицах;

– платеж осуществляется по официальному курсу ЦБ РФ в пределах «валютного коридора», при этом предусматриваются нижняя и верхняя границы значений курса;

– должник производит оплату по курсу ЦБ РФ на момент платежа, но если он допустит просрочку, тогда ему надлежит оплачивать по курсу на дату оплаты задолженности;

– оплата производится по официальному курсу ЦБ РФ с учетом повышающего коэффициента;

– другие.

Помимо вышеназванных способов договором может быть установлен любой момент определения курса, в том числе не зависящий от оплаты, например дата подписания акта выполненных работ. Также для хеджирования валютных рисков стороны могут предусмотреть мультивалютную оговорку.

Заключение

Современный период характеризуется чередой событий, таких как техногенные катастрофы, финансовые кризисы, санкции недружественных государств, пандемия COVID-2019, которые оказывают негативное влияние на экономики различных стран. Перечисленные события стали своего рода триггером для изменения частноправовых норм, модификации договорных условий. Для балансирования в условиях кризисных явлений хозяйствующие субъекты прибегают к включению в международные коммерческие договоры всевозможных оговорок, стремясь минимизировать свои убытки. Такого рода перестройка договорных условий хозяйствующими субъектами осуществляется в рамках так называемого «санкционного комплаенса». Практика исполнения договорных обязательств в условиях санкционного давления на данный момент не устоялась либо отсутствует, на данный момент стороны предпочитают прямо предусматривать в договоре, относят они или нет введение санкций после подписания договора к обстоятельствам форс-мажора. От предусмотренной в договоре формулировки в большой степени зависит, будет ли освобождена сторона от исполнения обязательств по договору или нет. Форс-мажорная оговорка также претерпела изменение. В частности, ICC предлагает к использованию во внешнеторговых контрактах обновленную в 2020 году Оговорку ICC о форс-мажоре, что не исключает модернизацию (адаптацию) Оговорки ICC согласно пожеланиям сторон.

При формулировании арбитражной оговорки на сегодняшний день предпочтительно предусматривать арбитраж в Российской Федерации либо арбитраж, который находится в нейтральной юрисдикции, либо ad hoc арбитраж, либо предусматривать включение в договор альтернативных арбитражных оговорок.

Однако предложенные способы с учетом санкций недружественных стран не являются универсальными при формулировании условий международных коммерческих договоров в современных реалиях. Формулировки каждого договора требуют индивидуального подхода и анализа.

Необходимо отметить, что важно взаимодействие российских хозяйствующих субъектов с целью выработки единого подхода к вопросу формулирования затронутых в настоящей статье договорных оговорок, что способствует формированию прочной частноправовой базы Российской Федерации.

Список источников

1. Ершова И.В., Енькова Е.Е. Санкционный комплаенс, или внутрифирменное управление рисками от рестрикций // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 17(8). С. 93–103.
2. Шувалов И.И. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в период социально-экономического кризиса: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 16.
3. Соколов А.К. Некоторые особенности нормативного правового регулирования осуществления предпринимательской деятельности в Российской Федерации в условиях недружественных действий иностранных государств // Предпринимательское право. 2023. № 2.
4. Кешнер М.В. Экономические санкции в современном международном праве: монография. М.: Проспект, 2015.
5. Аксенов А.Г. Правовое регулирование международных коммерческих контрактов в условиях экономических санкций // Вестник арбитражной практики. 2020. № 5.
6. Примаков Д.Я. Санкционный комплаенс // Экономические санкции против России: правовые вызовы и перспективы: сб. статей / под ред. С.В. Гландина, М.Г. Дораева. М.: Инфотропик Медиа, 2018. С. 2–23.
7. Загинайко Ю.Д. Санкции США и Европейского союза как основание неисполнения обязательства: вопросы судебной практики // Арбитражные споры. 2023. № 2.
8. Старженецкий В.В., Очирова С.Б. Влияние санкций на разрешение внешнеэкономических споров: сохранение status quo или поиск альтернативных юрисдикций? // Международное правосудие. 2020. № 4.
9. Беляева О. Форс-мажорная трансформация закупочных отношений и ее последствия // Прогосзаказ.рф. 2023. № 4.
10. «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020).
11. Вилкова Н.Г. Новое лицо форс-мажора XXI века: новые обстоятельства, новые последствия, новые рекомендации // Третейский суд. 2022. № 1.
12. Комаров А.С. Правовые последствия пандемии с позиции применения транснациональных норм, регулирующих международные коммерческие договоры // Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред.: В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2020.
13. Засемкова О.Ф. Международный арбитраж в условиях антироссийских санкций: вопросы, поставленные практикой // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 8.

References

1. Ershova I.V., En`kova E.E. Sankcionny`j komplaens, ili vnutrifirmennoe upravlenie riskami ot restrikcij // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2022. № 17(8). S. 93–103.
2. Shuvalov I.I. Pravovoe regulirovanie predprinimatel`skoj deyatel`nosti v period social`no-e`konomicheskogo krizisa: teoriya i praktika: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2022. S. 16.
3. Sokolov A.K. Nekotory`e osobennosti normativnogo pravovogo regulirovaniya osushhestvleniya predprinimatel`skoj deyatel`nosti v Rossijskoj Federacii v usloviyax nedruzhestvenny`x dejstvij inostranny`x gosudarstv // Predprinimatel`skoe pravo. 2023. № 2.
4. Keshner M.V. E`konomicheskie sankcii v sovremennom mezhdunarodnom prave: monografiya. M.: Prospekt, 2015.
5. Aksenov A.G. Pravovoe regulirovanie mezhdunarodny`x kommercheskix kontraktov v usloviyax e`konomicheskix sankcij // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. 2020. № 5.
6. Primakov D.Ya. Sankcionny`j komplaens // E`konomicheskie sankcii protiv Rossii: pravovy`e vy`zovy` i perspektivy`: sb. statej / pod red. S.V. Glandina, M.G. Doraeva. M.: Infotropik Media, 2018. S. 2–23.
7. Zaginajko Yu.D. Sankcii SShA i Evropejskogo soyuza kak osnovanie neispolneniya obyazatel`stva: voprosy` sudebnoj praktiki // Arbitrazhny`e spory`. 2023. № 2.
8. Starzheneczkij V.V., Ochirova S.B. Vliyanie sankcij na razreshenie vneshnee`konomicheskix sporov: soxranenie status quo ili poisk al`ternativny`x yurisdikcij? // Mezhdunarodnoe pravosudie. 2020. № 4.
9. Belyaeva O. Fors-mazhornaya transformaciya zakupochny`x otnoshenij i ee posledstviya // Progoszakaz.rf. 2023. № 4.
10. «Obzor po otdel`ny`m voprosam sudebnoj praktiki, svyazanny`m s primeneniem zakonodatel`stva i mer po protivodejstviyu rasprostraneniyu na territorii Rossijskoj Federacii novoj koronavirusnoj infekcii (COVID-19) № 1» (utv. Prezidiumom Verxovnogo Suda RF 21.04.2020).
11. Vilkova N.G. Novoe liczo fors-mazhora XXI veka: novy`e obstoyatel`stva, novy`e posledstviya, novy`e rekomendacii // Tretejskij sud. 2022. № 1.
12. Komarov A.S. Pravovy`e posledstviya pandemii s pozicii primeneniya transnacional`ny`x norm, reguliruyushhix mezhdunarodny`e kommercheskie dogovory` // Grazhdanskoe pravo social`nogo gosudarstva: sbornik statej, posvyashhenny`j 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora A.L. Makovskogo (1930–2020) / otv. red.: V.V. Vitryanskij, E.A. Suxanov. M.: Statut, 2020.
13. Zasemkova O.F. Mezhdunarodny`j arbitrazh v usloviyax antirossijskix sankcij: voprosy`, postavlenny`e praktikoj // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2023. № 8.

Статья поступила в редакцию 27.12.2023; одобрена после рецензирования 31.12.2023; принята к публикации 31.12.2023.

The article was submitted 27.12.2023; approved after reviewing 31.12.2023; accepted for publication 31.12.2023.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 127.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):127.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 338.23
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_127

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО – ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА В МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

ИЛЬИН Александр Юрьевич
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Российского технологического университета РТУ– МИРЭА.
117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 38, Российская Федерация

Аннотация: На современном этапе развития экономики страны вопрос взаимодействия государства и бизнеса имеет особое значение для всего общества и его развития. Данное обстоятельство обусловлено тем, что роль каждого участника данного симбиоза для экономики общества велика, и государства и бизнес-структуры оказывают непосредственное влияние на уровень благосостояния всей страны и каждого индивида.

В статье рассматривается процесс взаимодействия государства и бизнеса, который реализуется на базе осуществляемых экономических отношений через государственно-частное партнерство.

Ключевые слова: государство, власть, общество, бизнес, экономика, партнерство, патронаж, правоотношения

Для цитирования: Ильин А.Ю. Государственно-частное партнерство – форма взаимодействия государства и бизнеса в модели экономики устойчивого развития // Евразийская адвокатура. 2024. № 1(66). С. 127. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_127

Policy and Economy of Eurasia

Original article

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IS A FORM OF INTERACTION BETWEEN THE STATE AND BUSINESS IN THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT ECONOMY MODEL

ILYIN Alexander Yuryevich
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Associate Professor of the Department of State Law Disciplines of the Russian Technological University RTU – MIREA.
117997, Moscow, Stremyanny Lane, 38, Russian Federation

Abstract: At the present stage of the development of the country's economy, the issue of interaction between the state and business is of particular importance for the whole society and its development. This circumstance is due to the fact that the role of each participant in this symbiosis for the economy of society is great, and the state and business structures have a direct impact on the level of well-being of the whole country and individually of each individual.

The article examines the process of interaction between the state and business, which is implemented on the basis of ongoing economic relations through public-private partnership.

Keywords: state, government, society, business, economy, partnership, patronage, legal relations

For citation: Ilyin A.Yu. Public-private Partnership is a Form of Interaction Between the State and Business in the Sustainable Development Economy Model = Eurasian Advocacy. 2024;1(66):127. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_127

На современном этапе развития экономики страны вопрос взаимодействия государства и бизнеса имеет особое значение для государства, бизнеса и общества. Данное обстоятельство обусловлено тем, что роль каждого участника данного симбиоза имеет значение для экономики страны, определяющей уровень благосостояния всей страны и отдельно каждого жителя.

© Ильин А.Ю., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

При этом каждый из участников данного механизма взаимодействия воздействует на развитие экономических процессов, реализуя формы взаимодействия. Государство регулирует и контролирует экономические процессы, а бизнес нацелен на получение положительного финансового результата на максимально возможном уровне. Это взаимодействие выполняет социально значимые функции, тесно связанные с интересами государства, бизнеса и общества [4, с. 26].

Эффективной формой взаимодействия государства и бизнеса является государственно-частное партнёрство.

Государственно-частное партнёрство (ГЧП) – совокупность форм средне- и долгосрочного взаимодействия государства и бизнеса для решения общественно значимых задач на взаимовыгодных условиях.

Государственно-частное партнерство также находится под воздействием государственного регулирования, как и любая другая форма взаимодействия государственных и бизнес-структур.

Так, нормы, содержащиеся в Федеральном законе от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», регулируют процедуру взаимодействия.

В данном правовом акте дается определение государственно-частного партнерства, под которым понимается «юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, заключенного в соответствии с настоящим Федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества».

Государственно-частное партнерство дает возможность государству привлечь в экономику необходимый объем инвестиций для решения значимых задач. Данная форма взаимодействия государства и бизнеса позволяет государству решать проблемы во всех сферах деятельности при условии ограничения ресурсов на данные вопросы [3, с. 26].

В современных условиях функционирования экономики нередки случаи, что средств бюджета страны или бюджета отдельно взятого региона недостаточно для разрешения всех существующих проблем социально-экономической сферы. В таком случае государственная власть использует преимущества государственно-частного партнерства, которое позволяет разрешить подобные проблемы, эффективно управлять этим процессом, достигая при этом эффективного разрешения существующих в стране проблем.

По своей сути государственно-частное партнерство представляет собой процесс взаимодействия государства и бизнеса, основанный на заключенном соглашении между данными субъектами для выполнения субъектом бизнеса определенных услуг с выделением для этого определенного объема финансирования. На протяжении срока реализации данного взаимодействия, который прописан в заключенном соглашении, субъект предпринимательской деятельности несет ответственность за весь процесс, который сопровождается определенными рисками, при этом сумма вознаграждения, которую получит субъект бизнеса, прямым образом зависит от итога выполнения условий контракта государственно-частного партнерства [2, с. 53].

Благодаря вовлечению в решение социально-экономических вопросов структур бизнеса получается привлечь требующийся объем инвестиционных вложений в более короткий период. Свои преимущества получает и субъект предпринимательской деятельности, среди которых можно обозначить такие как: стабильность развития деятельности бизнес-структуры в конкретный период времени, а также конкретный перечень льгот и гарантий от лица государства.

К основным формам реализации государственно-частного партнерства в сфере экономики и государственного управления можно отнести:

– законодательное регулирование предпринимательской деятельности;
– налоговые и финансовые преференции;
– государственные контракты;
– арендные отношения;
– финансовую аренду (лизинг);
– государственно-частные предприятия;
– соглашения о разделе продукции;
– концессионные соглашения.

На сегодняшний день государство предлагает широкий спектр мер поддержки как для начинающих предпринимателей, так и для уже работающих предпринимателей. Эти меры становятся частью общей концепции развития бизнеса.

Например, на ближайшие два года Банк России разработал Дорожную карту поддержки ма-

лого и среднего бизнеса. Ее основная цель – сделать более доступными кредиты. Но есть и другие меры поддержки, которые предусмотрены на 2024 г.:

– распространение льготных программ на факторинг;

– расширение возможностей бизнеса по использованию небанковских источников финансирования;

– предоставление малому и среднему бизнесу доступа к сервису «Знай своего клиента» для проверки контрагентов;

– снижение транзакционных издержек благодаря приему оплаты через Систему быстрых платежей.

Грантовая господдержка обычно оказывается региональными властями. Грант предоставляется как начинающему, так и опытному предпринимателю в форме софинансирования или на безвозвратной и безвозмездной основах.

Законодательство предусматривает следующие преференции для бизнеса:

1. Налоговые льготы. До конца 2024 года ставка налога на прибыль будет нулевой.

2. Снижение ставки страховых взносов до уровня 7,6 %.

3. До 3 марта 2025 года приостановлены внеплановые и плановые проверки для аккредитованных IT-компаний.

4. Освобождение аккредитованных IT-компаний на срок до трех лет от налогового, валютного контроля, других видов государственного контроля (надзора) и муниципального контроля.

5. Упрощение процедуры трудоустройства иностранцев, привлекаемых для работы.

6. Предоставление возможности оформления льготной ипотеки сотрудникам IT-компаний.

7. Отсрочка от службы в армии для специалистов IT-компаний.

Контракты как форма реализации государственно-частного партнерства заключаются между представителем государственной власти и хозяйствующим субъектом экономики с целью реализации определенных полезных для общества и экономики видов деятельности. Чаще всего в практической деятельности используются такие разновидности подобных контрактов, как контракты на выполнение работ, оказание общественных услуг, поставку продукции для государственных нужд и т. д. В ходе заключения данных контрактов все риски, связанные с выполнением прописанных в нем видов деятельности, лежат на государстве, право собственности также не переходит субъекту бизнеса.

Следующая форма реализации – это аренда в ее традиционной форме (договоры аренды) и в форме лизинга. Суть данной формы взаимодействия состоит в том, что между государственной и бизнес-структурой заключается договор аренды, в котором объектом является собственность государства или муниципалитета, при этом данный объект передается субъекту бизнеса на определенный промежуток времени и за конкретную сумму денежных средств. Данный объект собственности не подлежит в последующем передаче предпринимательской структуре, и право распоряжаться им так и остается у представителя государства. В ситуации, когда между государством и бизнесом заключается договор лизинга, субъект хозяйствования имеет полное право согласно закону выкупить в свою собственность объект имущества, принадлежащий государству.

Еще одна форма реализации государственно-частного партнерства – концессия – является достаточно востребованной в современном мире. Ключевой характерной чертой данной формы взаимодействия государства, бизнеса и публичных институтов является наличие партнерских отношений между данными структурами, основанных на том, что государство, являясь собственником имущественного объекта договора концессии, наделяет соответствующими полномочия субъект бизнеса для решения соответствующих задач в отношении объекта концессии [1, с. 105]. При этом субъект предпринимательской деятельности за период пользования объектом концессии в соответствии с договором должен платить определенную сумму денежных средств; то, что он получает в процессе использования объекта концессии, уже принадлежит бизнесу, а не государству.

Соглашения о разделе продукции – данная форма государственно-частного партнерства очень схожа с концессией, но имеет определенные отличия. Главным отличием является то, что продукция, полученная в результате использования объекта договора в концессии, принадлежит бизнесу, а при соглашении о разделе продукции она делится на части между государством и бизнесом.

Совместные предприятия (СП) – распространенная форма партнерства государства и частного бизнеса. В зависимости от структуры и характера совместного капитала они могут быть либо акционерными обществами, либо совместными предприятиями с долевым участием сторон. Существенная особенность совместных предприятий любого типа – постоянное участие государства в текущей производственной, административ-

но-хозяйственной и инвестиционной деятельности [5, с. 101].

Итак, такая форма взаимодействия государства и бизнеса, как государственно-частное партнерство, имеет особенные перспективы и преимущества как для представителей государства, так и для бизнес-структур. При этом следует обратить внимание на следующие аспекты эффективности взаимодействия государства и бизнеса, решение которых должно повлиять на развитие взаимодействия государства и бизнеса:

1. Усиление коммуникации и сотрудничества между двумя секторами. Государство и публичные институты должны работать с частными предприятиями, чтобы понять их потребности и проблемы, в то время как бизнес-лидеры могут предоставить ценную информацию о проблемах, с которыми они сталкиваются на рынке. Работая таким образом вместе, оба сектора могут выявлять и решать проблемы, влияющие на местную экономику.

2. Дальнейшее совершенствование нормативной базы, поощряющей сотрудничество между государством и бизнесом. Регулирование должно быть разработано таким образом, чтобы стимулировать бизнес к сотрудничеству с органами государственной власти и способствовать эффективному развитию экономики.

3. Развитие доверия государства к бизнесу и наоборот. Оба сектора должны признать ценность вклада друг друга и работать для достижения общей цели. Этого можно достичь с помощью регулярных встреч представителей властных структур и бизнеса. Частные предприятия должны получить доступ к государственным ресурсам, контрактам и опыту для улучшения своей деятельности, в то время как государственные органы могут извлечь выгоду из расширения инноваций, создания рабочих мест и экономического роста.

4. Продвижение инновации. Государство должно предоставить бизнесу доступ к новым технологиям, исследованиям и финансированию развития. В свою очередь, частный бизнес может помочь государству внедрять инновации, предоставляя им новые идеи и подходы к решению проблем.

5. Содействие созданию рабочих мест и экономическому росту. Предпринимательская деятельность является двигателем экономического роста, и органы государственной власти должны помогать в создании рабочих мест, предоставляя стимулы и ресурсы [6].

Список источников

1. Асаул В.В., Кришталь В.В. Государственно-частное партнерство как механизм привлечения инфраструктурных инвестиций: проблемы внедрения и снижения рисков // Вестник гражданских инженеров. 2020. № 5 (82). С. 223–233.
2. Балашов А.М. Государственно-частное партнерство как эффективный механизм взаимодействия бизнеса и государства // Теоретическая экономика. 2022. № 6. С. 47–53.
3. Государство и бизнес: основы взаимодействия: учебник / М.Е. Косов, А.В. Сигарев, О.Н. Долина и др. М.: ИНФРА-М, 2022.
4. Локшин Н.В. Модели механизма финансирования проектов государственно-частного партнерства и особенности их функционирования // Государственная служба. 2020. Т. 22. № 4 (126). С. 17–26.
5. Взаимодействие бизнеса и органов власти: учебник и практикум для вузов / Е.И. Марковская и др.; под ред. Е.И. Марковской. 2-е изд. М.: Юрайт, 2023.
6. Селиверстов М.А. Проблемы развития симбиоза частного бизнеса и государственного управления // Мир и Россия в условиях новой реальности: материалы XX Всероссийской очной научно-практической конференции. Воронеж, 2023. С. 257–261.

References

1. Asaul V.V., Krishtal` V.V. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak mexanizm privlecheniya infrastrukturny`x investicij: problemy` vnedreniya i snizheniya riskov // Vestnik grazhdanskix inzhenerov. 2020. № 5 (82). S. 223–233.
2. Balashov A.M. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak e`ffektivny`j mexanizm vzaimodejstviya biznesa i gosudarstva // Teoreticheskaya e`konomika. 2022. № 6. S. 47–53.
3. Gosudarstvo i biznes: osnovy` vzaimodejstviya: uchebnik / M.E. Kosov, A.V. Sigarev, O.N. Dolina i dr. M.: INFRA-M, 2022.
4. Lokshin N.V. Modeli mexanizma finansirovaniya proektov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva i osobennosti ix funkcionirovaniya // Gosudarstvennaya sluzhba. 2020. T. 22. № 4 (126). S. 17–26.
5. Vzaimodejstvie biznesa i organov vlasti: uchebnik i praktikum dlya vuzov / E.I. Markovskaya i dr.; pod red. E.I. Markovskoj. 2-e izd. M.: Yurajt, 2023.
6. Seliverstov M.A. Problemy` razvitiya simbioza chastnogo biznesa i gosudarstvennogo upravleniya // Mir i Rossiya v usloviyax novoj real`nosti: materialy` XX Vserossijskoj ochnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Voronezh, 2023. S. 257–261.

Статья поступила в редакцию 13.12.2023; одобрена после рецензирования 23.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 13.12.2023; approved after reviewing 23.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 131.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):131.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 342.51
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_131

МЕСТО И РОЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

НИКИТИН Егор Андреевич
Магистрант Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена актуальным аспектам, определяющим место и роль Правительства Российской Федерации в системе органов исполнительной власти и непосредственно в единой системе публичной власти. Рассматриваются отдельные юридические проблемы, связанные с пониманием системы публичной власти, обращается внимание на наличие определенных сложностей определения места Правительства Российской Федерации в данной системе в части усложнения процесса его взаимодействия с иными органами власти. Автором предложено определение системы публичной власти в условиях современных вызовов. В статье также проанализированы новые грани взаимоотношений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, обусловленные результатами конституционной реформы 2020 года.

Ключевые слова: органы государственной власти, исполнительная власть, единство системы публичной власти, Правительство Российской Федерации, Президент Российской Федерации

Для цитирования: Никитин Е.А. Место и роль Правительства Российской Федерации в системе органов исполнительной власти // Евразийская адвокатура. 2024. № 1(66). С. 131. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_131

Policy and Economy of Eurasia

Original article

THE PLACE AND ROLE OF THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SYSTEM OF EXECUTIVE AUTHORITIES

NIKITIN Egor Andreevich
Magistrate Student of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
119571, Moscow, Vernadsky Ave., 82, building 1, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to topical aspects that determine the place and role of the Government of the Russian Federation in the system of executive authorities and directly in the unified system of public power. Separate legal problems related to the understanding of the system of public power are considered, attention is drawn to the presence of certain difficulties in determining the place of the Government of the Russian Federation in this system, in terms of complicating the process of its interaction with other authorities. The author proposes a definition of the system of public power in the context of modern challenges. The article also analyzes the new facets of the relationship between the President of the Russian Federation and the Government of the Russian Federation, due to the results of the constitutional reform in 2020.

Keywords: state authorities, executive power, unity of the system of public power, Government of the Russian Federation, President of the Russian Federation

For citation: Nikitin E.A. The Place and Role of the Government of the Russian Federation in the System of Executive Authorities = Eurasian Advocacy. 2024;1(66):131. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_131

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена весьма знаковыми событиями, которые произошли в 2020 году: Конституция Российской Федерации подверглась очень серьезным трансформациям, имеющим в настоящее время высокую научную и практическую значимость. Модернизация Основного закона страны затронула более сорока его статей (в рамках 3–8 глав), а

© Никитин Е.А., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

также способствовала внесению в его содержание дополнительных пяти статей. Во многом ситуация с конституционной реформой последних лет была обусловлена существенными отставаниями от текущих реалий времени, которые не только наблюдались законодателем, но и активно обсуждались отечественными исследователями [5].

Для российского конституционализма процедура внесения поправок в Конституцию Российской Федерации характеризуется своими особенностями: возникли новые термины и юридические категории, актуализировался вопрос масштабного развития всех сфер жизни общества. Фактически не только понятийный аппарат существенным образом расширился, но и наметилась отчетливая тенденция к развитию конституционного законодательства, которое должно отражать в полной мере современную действительность, а не накапливать «мертвые нормы», опирающиеся на пережитки ушедшего времени. В этой связи особый интерес представляет вопрос определения роли и места Правительства Российской Федерации как органа публичной власти в системе исполнительной власти.

Согласно ст. 1 Федерального конституционного закона от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», осуществлением исполнительной власти в государстве занимаются Правительство Российской Федерации и иные органы власти. Опираясь на Конституцию Российской Федерации, Президент обеспечивает согласованное взаимодействие и функционирование Правительства Российской Федерации с иными государственными органами, которые в совокупности входят в единую систему публичной власти. В свете сказанного необходимо отметить, что ещё в январе 2020 г. Президент Российской Федерации в своем официальном обращении к Совету Федерации Российской Федерации сформулировал фундаментальные направления, которые в дальнейшем были положены в основу конституционных преобразований и формирования единой системы публичной власти.

Прежде всего, особым образом подчеркивалось, что на сегодняшний день нет необходимости в принятии новой Конституции, поскольку действующая ещё не исчерпала свой потенциал. Внесение кардинальных поправок в Конституцию Российской Федерации не ограничилось изменениями экономической, политической и социальной сфер жизни, но положило начало воплощению на практике нового концептуального подхода по вопросу организации публичной власти.

В широком смысле слова публичная власть исходит от народа и выражает его непосредственную волю. В официальных документах термин «публичная власть» используется достаточно часто. И не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов федерации (например, в Уставе Рязанской области от 18.11.2005 № 115-ОЗ). Категория публичной власти, начиная с 2020 г., приобрела соответствующее конституционное закрепление, однако легального определения долгое время не имела. Данная ситуация не помешала представителям отечественного научного сообщества [7, с. 133; 8] сформулировать базовые признаки публичной власти, в частности:

а) обезличенность, согласно которой публичная власть сосредоточена не в руках одной группы лиц, а на законных основаниях принадлежит всему народу определенной страны;

б) многонациональный народ Российской Федерации выражает свою волю непосредственно через органы публичной власти, которые в рамках действующего законодательства вправе принимать соответствующие законы и иные нормативные правовые акты;

в) благодаря своим слаженным действиям публичные органы власти и их должностные лица способствуют образованию разнообразных правовых институтов (речь идет, например, о таких институтах, как институт уполномоченных, институт парламентаризма);

г) по общему правилу, публичная власть действует на определенной территории. В Российской Федерации органы государственной власти функционируют на федеральном уровне и на уровне субъектов федерации. Соответственно, органы местного самоуправления осуществляют полномочия на муниципальном уровне.

Учитывая обозначенные признаки, сформулируем авторское определение публичной власти, под которой, на наш взгляд, следует понимать исходящую от народа власть, которая позволяет на законных основаниях осуществлять соответствующие полномочия. Итак, без преувеличения можно утверждать, что публичная власть – это вполне самостоятельная, особая власть, которая по своему объему и внутреннему содержанию не может отождествляться в полной мере с властью государственной. Уточним, что реализацией публичной власти занимаются определенные структуры, а именно органы государственной власти и органы местного самоуправления, которые в совокупности составляют единую систему публичной власти (ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации). Также данный вывод в достаточной

степени корреспондирует положениям ст. 3 Конституции Российской Федерации, где определена структура публичной власти. В достаточной степени данным нормам соответствуют и положения ст. 1 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации», где подчеркивается принадлежность Правительства Российской Федерации к единой системе публичной власти.

В это же время, несмотря на активные научные исследования, существующая система единой публичной власти обнажила актуальные проблемы в области разграничения компетенции между соответствующими государственными органами. Подчеркнем, что ст. 3 Конституции Российской Федерации на первое место ставит органы государственной власти, чего нельзя сказать о ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации. На наш взгляд, логика юридико-технического изложения ст. 3 Конституции Российской Федерации вполне понятна, поскольку деятельность органов государственной власти охватывает федеральный уровень, тогда как местное самоуправление обладает подзаконным характером. Интересен также тот факт, что упомянутые выше ст. 3 и ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации не оперируют категорией «должностные лица», которые также являются неотъемлемой частью системы публичной власти. Также следует отметить, что к концу 2020 г., с принятием Федерального закона «О Государственном Совете Российской Федерации», отечественное законодательство обрело более четкое понимание системы публичной власти, которое применимо и к определению места Правительства Российской Федерации в данной системе и включает «федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности» [8]. При этом вопрос о включении должностных лиц в единую систему публичной власти до сих пор остался без внимания законодателя. На наш взгляд, подобное упущение следует устранить, например, путем дополнения ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О Государственном Совете Российской Федерации» формулировкой: «…в их совокупности, а также их должностные лица, осуществляющие <…> свою деятельность».

Также при рассмотрении актуальных аспектов определения Правительства Российской Федерации в системе публичной власти весьма справедливой представляется точка зрения Т.М. Алексеевой, которая уточняет, что единая система публичной власти представлена не только государственными и муниципальными органами, но и иными властными структурами [2, с. 18], что в определенной мере затрудняет понимание сущности данной системы. При этом ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации подобного указания не содержит, следовательно, законодатель не относит подобные структуры к единой системе публичной власти. По нашему мнению, содержание упомянутой ст. 132 Конституции Российской Федерации нуждается в соответствующих законодательных разъяснениях (весьма своевременным может оказаться официальное толкование ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации Конституционным Судом Российской Федерации) во избежание искусственного сужения системы публичной власти.

Исследуя проблематику разграничения компетенции органов власти в единой системе публичной власти, необходимо напомнить, что целостная система государственной власти в Российской Федерации представлена одновременно законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти, которые в разумных пределах дополняют друг друга и способны подходить комплексно к решению тех или иных проблем федеральной значимости. По справедливому мнению С.А. Авакьяна, в основе разделения властей лежит принцип рациональной и взвешенной организации государственной власти в демократической стране [1, с. 36; 8]. Собственно, благодаря сложившемуся подходу обеспечивается надлежащий взаимный контроль и поддерживается оптимальное взаимодействие между отдельными властными структурами в единой системе публичной власти в условиях существующих сдержек и противовесов.

В этой связи, на наш взгляд, следует подробнее остановиться на важных вопросах осуществления государственной власти Президентом Российской Федерации в контексте его взаимодействия с Правительством Российской Федерации. В ч. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» отмечено, что осуществление Правительством Российской Федерации исполнительной власти происходит под общим руководством Президента России. Иными словами, взаимодействие Правительства России и иных органов власти осуществляется при участии главы государства, которому также позволено председательствовать на правительственных заседаниях. В Заключении от 16.03.2020 № 1-З Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что осуществление Президентом России общего

руководства деятельностью Правительства совместно с Председателем, организующим его работу, не противоречит ч. 1 ст. 11 Конституции Российской Федерации.

В настоящее время в Российской Федерации Президентом Российской Федерации утверждена структура федеральных органов исполнительной власти, нашедшая отражение в одноименном Указе № 21 от 21 января 2020 г. В структуре органов исполнительной власти условно можно выделить органы, руководство деятельностью которых осуществляют отдельно Президент Российской Федерации и отдельно Правительство Российской Федерации. Учитывая сказанное, справедливо будет отметить, что Правительство Российской Федерации – это неотъемлемая составляющая конституционного строя Российской Федерации, что подтверждается положениями ч. 1 ст. 11 Конституции Российской Федерации. Кроме того, в одном из своих Постановлений (№ 28-П от 11.12.1998) Конституционный Суд Российской Федерации также назвал Правительство Российской Федерации институциональным элементом российского конституционного строя.

Конституционные поправки 2020 г. существенным образом повлияли на трансформацию взаимоотношений между Правительством Российской Федерации и Президентом Российской Федерации в системе органов власти. Среди представителей научного сообщества высказывались и продолжают высказываться разнообразные мнения относительно юридического положения Президента Российской Федерации и реализации им своих полномочий. Так, отмечается, что Президент Российской Федерации обладает особым статусом главы государства и к традиционным ветвям власти не относится. В то же время Президент России отчасти наделен рядом полномочий, которые одновременно свойственны законодательной, исполнительной и судебной власти. Во многом подобные утверждения обусловлены тем фактом, что масштабы компетенции Президента страны и сфера его деятельности тесно взаимосвязаны с исполнительной властью, в связи с чем главу государства периодически причисляют к органам исполнительной власти. Кроме того, высказывается мнение о том, что Президент Российской Федерации обладает особой властью, которую давно пора выделить в четвертую ветвь – президентскую [6].

Бесспорно, подобные точки зрения имеют полное право на существование. Полагаем, что при определении границ компетенции Президента России, а также его правового статуса, целесообразно опираться на положения ст. 80 Конституции Российской Федерации, из содержания которых следует, что Президент Российской Федерации – это глава государства, который осуществляет полноценное руководство страной. В этой связи вполне обосновано, что Президент Российской Федерации фактически обладает самыми разнообразными полномочиями, которые одновременно относятся к каждой ветви власти в совокупности со своими основными правами и обязанностями. По нашему мнению, Президент Российской Федерации является непосредственным народным представителем, который наделен полномочиями государственной властной структуры общей направленности [8].

При буквальном толковании ст. 110 Конституции Российской Федерации Е.Ю. Киреева отмечает, что после реформы 2020 г. Президент Российской Федерации приобрел доминирующую роль в сфере исполнительной власти [4, с. 37]. Развивая точку зрения Е.Ю. Киреевой, следует подчеркнуть, что в новой редакции ст. 113 Конституции Российской Федерации Председатель Правительства Российской Федерации больше не определяет ключевые направления деятельности Правительства, занимаясь исключительно организационными вопросами его работы. Можно предположить, что на сегодняшний день именно глава государства вправе определять направления деятельности Правительства Российской Федерации. Кроме того, из содержания ст. 113 Конституции Российской Федерации следует, что Председатель Правительства несет персональную ответственность перед Президентом страны. В настоящее время данная разновидность ответственности имеет субординационную природу, иными словами, свидетельствует об уровне подчиненности главы Правительства главе государства. Тем не менее нельзя исключать, что с течением времени подобная ответственность приобретет юридическую форму, ведь при буквальном прочтении ст. 113 Конституции Российской Федерации очевидно, что Президент Российской Федерации вправе освободить Председателя Правительства от его должности, не объявляя правительственную отставку.

Нормы ч. 1 ст. 115 Конституции Российской Федерации также свидетельствуют о повышении ответственности Правительства Российской Федерации перед Президентом страны. Так, Правительство Российской Федерации в свете конституционного реформирования издает распоряжения и постановления не только согласно указам главы государства, но и на основании его поручений. В

вопросах формирования Правительства Российской Федерации также произошли серьезные трансформации. Ранее Правительство формировалось Президентом Российской Федерации при косвенном участии Государственной Думы, с которой глава государства согласовывал кандидатуру Председателя. Фактически Дума выступала гарантом самостоятельности Правительства России. После реформы 2020 г. в ст. 111 Конституции Российской Федерации определено, что назначение Председателя Правительства Российской Федерации осуществляется Президентом Российской Федерации после утверждения кандидатуры Государственной Думой. По справедливому мнению Р.М. Дзидзоева, «новый формат образования российского Правительства позволяет говорить о представительских началах в статусе этого органа, поскольку его состав в целом утверждается парламентским представительством» [3, с. 51]. На наш взгляд, модернизированный формат создания Правительства Российской Федерации нельзя отождествлять с процессом преобразования Российской Федерации в парламентарную республику, где и правительство должно формироваться на парламентской основе.

Таким образом, в единой системе публичной власти одно из центральных мест принадлежит Правительству Российской Федерации, которое следует рассматривать как равноправный орган, наряду с главой государства, Государственной Думой, российскими судами. Правительство Российской Федерации компетентно не только проявлять законодательные инициативы, но и обеспечивать проведение единой политики внутри государства, ориентированной на создание необходимых условий для реализации гражданами страны своих прав, свобод и законных интересов. В силу своих полномочий Правительство способно в достаточной мере консолидировать усилия органов власти, которые входят в единую систему публичной власти, для достижения целей, обозначенных Президентом страны.

Список источников

1. Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики: монография. М.: Юстицинформ, 2022.
2. Алексеева Т.М. Отдельные аспекты деятельности публичной власти на федеральной территории // Мировой судья. 2022. № 1. С. 18–23.
3. Дзидзоев Р.М. Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации: новые грани взаимоотношений // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 43–54.
4. Киреева Е.Ю., Нудненко Л.А., Тхабисимова Л.А. Тенденции правовой регламентации взаимодействия Президента Российской Федерации с Правительством Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 37–40.
5. Комарова В.В. Конституционная реформа 2020 г. в России (некоторые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8. С. 22–31.
6. Чиркин В.Е. Конституционное право: курс для преподавателей, аспирантов и магистрантов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013.
7. Корсун К.И. Система единой публичной власти в Российской Федерации: конституционное толкование и реальная практика // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 3 (44). С. 133–139.
8. Соколова А.Ю. Конституционно-правовой механизм реализации полномочий органами государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере миграции // Образование. Наука. Научные Кадры. 2022. № 4. С. 142–145.

References

1. Avak`yan S.A. Predstavitel`stvo v konstitucionnom prave: voprosy` teorii i praktiki: monografiya. M.: Yusticinform, 2022.
2. Alekseeva T.M. Otdel`ny`e aspekty` deyatel`nosti publichnoj vlasti na federal`noj territorii // Mirovoj sud`ya. 2022. № 1. S. 18–23.
3. Dzidzoev R.M. Prezident Rossijskoj Federacii i Pravitel`stvo Rossijskoj Federacii: novy`e grani vzaimootnoshenij // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. № 5. S. 43–54.
4. Kireeva E.Yu., Nudnenko L.A., Txabisimova L.A. Tendencii pravovoj reglamentacii vzaimodejstviya Prezidenta Rossijskoj Federacii s Pravitel`stvom Rossijskoj Federacii // Konstitucionnoe i municipal`noe pravo. 2020. № 10. S. 37–40.
5. Komarova V.V. Konstitucionnaya reforma 2020 g. v Rossii (nekotory`e aspekty`) // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2020. № 8. S. 22–31.
6. Chirkin V.E. Konstitucionnoe pravo: kurs dlya prepodavatelej, aspirantov i magistrantov. M.: Norma: INFRA-M, 2013.
7. Korsun K.I. Sistema edinoj publichnoj vlasti v Rossijskoj Federacii: konstitucionnoe tolkovanie i real`naya praktika // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 3 (44). S. 133–139.
8. Sokolova A.Yu. Konstitucionno-pravovoj mexanizm realizacii polnomochij organami gosudarstvennoj vlasti sub``ektov Rossijskoj Federacii v sfere migracii // Obrazovanie. Nauka. Nauchny`e Kadry`. 2022. № 4. C. 142–145.

Статья поступила в редакцию 12.12.2023; одобрена после рецензирования 18.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 12.12.2023; approved after reviewing 18.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 136.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):136.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 342
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_136

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

РЫЖЕНКОВ Руслан Андреевич
Аспирант Московского университета имени А. С. Грибоедова
111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21, Российская Федерация

Аннотация: Конституция Российской Федерации определила правовые пределы государственного принуждения по отношению к обществу и гражданам. В соответствии с нормами международных документов принудительные меры могут быть применены только на основаниях и в порядке, предусмотренных законом. Осуществление принуждения в правовых формах выступает как его ключевая характеристика. Процессуальная форма придает прозрачность принудительным мерам и обеспечивает контроль со стороны общества.

В статье анализируется проблема того, как метаморфозы политических режимов принимают гибридные формы и маскируются, представляя видимую легитимность демократических форм и институтов. При этом властные принудительные меры могут проявляться как в соответствии с правовыми императивами, так и в форме произвола, игнорирующего правовые требования и общественные институты.

Ключевые слова: государственное принуждение, правовые нормы, гибридные формы, политический режим

Для цитирования: Рыженков Р.А. Особенности государственно-правового принуждения в условиях политических режимов // Евразийская адвокатура. 2024. № 1(66). С. 136. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_136

Policy and Economy of Eurasia

Original article

FEATURES OF STATE LEGAL COERCION IN POLITICAL REGIMES

RYZHENKOV Ruslan Andreevich
Postgraduate Student of Moscow University named after A.S. Griboedov
111024, Moscow, shosse Enthusiastov, 21, Russian Federation

Abstract: Constitution of the Russian Federation determined the legal limits of state coercion in relation to society and citizens. In accordance with the norms of international documents, coercive measures can be applied only on the grounds and in the manner prescribed by law. The implementation of coercion in legal forms is its key characteristic. The procedural form gives transparency to coercive measures and ensures public control.

The article analyzes the problem of how the metamorphoses of political regimes take hybrid forms and are disguised, presenting the visible legitimacy of democratic forms and institutions. At the same time, authoritative coercive measures can manifest themselves both in accordance with legal imperatives and in the form of arbitrariness, ignoring legal requirements and public institutions.

Keywords: state coercion, legal norms, hybrid forms, political regime

For citation: Ryzhenkov R.A. Features of State Legal Coercion in Political Regimes = Eurasian Advocacy. 2024;1(66):136. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_136

Правовая сущность государственной власти обуславливает необходимость ее организации и функционирования в рамках юридических ограничений [1]. Поэтому в контексте демократического режима принудительная функция государства приобретает исключительно юридическое измерение, осуществляясь на основе законов и в соответствующих юридических формах. Такое принуждение находит проявление в рамках правовой природы и характеризуется термином «государственно-правовое принуждение». Данный термин, на наш взгляд, следует рассматривать

© Рыженков Р.А., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

как правовую категорию, неразрывно связанную с особенностями конкретных политических режимов. Реализация государственно-правового принуждения и его социология отражают процесс адаптации государственного принуждения к уникальным особенностям режима.

Современные государства, проходящие непростой пусть в сторону демократизации политической среды, не могут отказаться от принудительной функции. Более того, принудительная функция государства становится неотъемлемым атрибутом, без которого выполнение других функций трудноосуществимо. Право выступает в данном контексте в качестве критерия обоснованности применения принуждения, определяя необходимость и законность используемых средств принуждения. Вместе с тем современное состояние государственности не исключает возможность произвола власти при осуществлении принудительных функций.

На наш взгляд, будет целесообразно уделить внимание не столько функциональной деятельности государственного принуждения, сколько его правовым аспектам. Легитимация государственного принуждения обосновывается общественным признанием неизбежности и безальтернативности его применения как неотъемлемого средства защиты, охраны, принудительных форм восстановления и защиты нарушенных прав и свобод человека и гражданина.

Проблема государственного принуждения поднималась различными авторами довольно давно. Так, существуют исследования, посвященные анализу функций государственного принуждения [2, с. 121], его разновидностей [3, с. 3; 4, с. 15], основных признаков [5, с. 199], рассмотрению государственного принуждения как метода осуществления государственной власти [6, с. 59] и современного государства [7, с. 18].

Особое внимание авторами уделялось особенностям осуществления государственного принуждения в условиях демократического режима [8, с. 74], анализу мероприятий государственного принуждения в области публичного права [9, с. 48], учету особенностей конституционно-правового принуждения [10, с. 9] Важным аспектом были также исследования моральных оснований властной деятельности, в том числе принудительной [11, с. 240].

Цель настоящей статьи обоснована особенностями рассматриваемой проблемы и направлена на исследование форм принудительной деятельности институтов власти, из которых единственной легитимной в правовом государстве выступает государственно-правовое принуждение. Специфика государственно-правового принуждения проявляется в его правовом содержании и характеристиках, которые должны рассматриваться в контексте эволюции политических режимов государств и отражать степень гарантирования государственно-правовыми механизмами реализации требований правовых принципов, норм и международных стандартов принудительной деятельности.

Особенность государственного принуждения в политико-правовом пространстве при переходе к демократии выражается в том, что прямое или косвенное воздействие на права и свободы граждан, независимо от того, оправдано оно или нет (является ли легитимным или нелегитимным), влечет за собой ограничение этих прав и свобод. Однако предметом юридически обоснованного принуждения считаются мотивы антисоциального поведения субъектов права, в котором принудительно снимаются противоречия между общей и индивидуальной волей.

Переходный этап политической и правовой системы может сопровождаться проявлением метаморфоз политического режима, что зачастую приобретает формы гибридизации и мимикрии с видимой легитимацией демократических форм и институтов. Принудительные границы властных структур в реальной практике могут иметь как правовое измерение, соответствующее принципам и нормам права (как, например, конституционно-правовая модель государственного принуждения), так и внеправовое измерение. В демократически ориентированном обществе эти грани проявляются в виде властного произвола, который на практике не ограничен верховенством права.

Это может выражаться в отсутствии реакции власти на общественное мнение, в искусственном формировании этого общественного мнения, неточной социологии опросов и др. Это явление отчасти может быть обусловлено недостаточной модернизацией национальной правовой системы, отсутствием демократически-правовых традиций и идеологического обоснования в организации и функционировании власти.

На протяжении длительного периода государственное принуждение ассоциировалось с деспотическим стилем управления. Традиционное восприятие этой необходимости связано с архаическими представлениями в общественном сознании, согласно которым государство воспринимается как способное самостоятельно и справедливо разрешить все человеческие противоречия (эта-

тизм). В настоящее время эта ментальная традиция может выражается в форме социального инфантилизма, проявляющегося в слабости или отсутствии реальных институтов гражданского общества. Напротив, правовой нигилизм представляет собой отрицание социальной необходимости и ценности права, его смыслообразующего влияния на институты власти, их рационально-правовую организацию и этико-правовое воздействие на полномочных субъектов [11, с. 241].

На наш взгляд, в настоящее время акцент в управлении смещен на альтернативные методы регулирования, такие как убеждение и стимулирование. В этом контексте правовой формат функционирования государственной власти будет поддержан только при условии легитимного принуждения и связанных с ним ограничений прав и свобод. При этом принуждение должно быть направлено на обеспечение выполнения властно-правовых предписаний, а не служить только символом наказания за правонарушение.

Правовое признание государственного принуждения зависит от четко определенных правовых принципов и норм, которые регулируют виды и меры принудительных мер. Организация этого процесса (система институтов, полномочий и используемых правовых ресурсов) осуществляется в рамках правовых форм публично-властной деятельности и оформляется в соответствующих отраслевых нормативно-правовых актах. В условиях демократического транзита институтов публичной власти к этой системе добавляются этические стандарты, как международно-правовые, так и национально-правовые, инкорпорированные в современные этические кодексы поведения государственных служащих.

Понятие «государственное принуждение» тесно связано с характеристиками государственной власти и права. Оно представляет собой важный атрибут публичной власти и выражается в ее специальном механизме, функциях и формах осуществления, а также в ее исключительных свойствах. С другой стороны, право по своей природе предполагает принуждение. Связанные с принуждением определение, сущность и основные формальные признаки права делают последнее формальными признаками принуждения. Если рассматривать отношения права и государственного принуждения, то последнее выступает как первичное свойство, воплощающее стимулирующий и ограничивающий потенциал, связанный с волевой природой права, его нормативностью и системностью. Оно также лежит в основе определения основных признаков (свойств) права и производных явлений и институтов, в частности юридической ответственности.

Само по себе принуждение не противоречит основам правового государства, а напротив, находит свое обоснование в этих принципах, поскольку: а) в рамках такого государства имеется монополия власти, осуществляющей всякое принуждение через свои органы, делегированные ей государственными и муниципальными структурами (принудительные функции, порученные государством); б) принцип ограничения государственной власти подразумевает законность и справедливость требований государства, которые общество воспринимает как легитимные, считая подчинение власти добровольным; в) право, представляющее собой волю общества, служит справедливым обоснованием государственного принуждения, чей потенциал вложен в само право и поддерживается государством; г) принуждение является востребованным, так как оно эффективно преодолевает социальные конфликты [12, с. 17]; д) принуждение становится актуальным в свете усиления проблем терроризма и экстремизма в мировом масштабе, характеризующегося жестокостью и транснационализацией; е) расширение области принуждения в международных отношениях, где отрицательные процессы подтолкнули к появлению жестких форм воздействия с целью разрешения вооруженных конфликтов и умиротворения сторон в религиозных, этнических и иных конфликтах [13, с. 106].

Исходя из принципа правового ограничения государственной власти, следует отметить, что ее принудительная функция должна иметь исключительно правовой характер, то есть реализоваться на основе правовых принципов и в рамках правовых форм. Такое принуждение обладает преимущественно правовой природой и находит выражение в термине «государственно-правовое принуждение» [14, с. 22]. Государственно-правовое принуждение представляет собой регулируемое законом воздействие, осуществляемое уполномоченными органами государственной власти с использованием юридических мер ограничения прав и свобод субъектов с целью обеспечения безусловного выполнения ими требований правовых норм [15, с. 28].

Принуждение проявляется в физическом и / или психическом ограничительном воздействии на конкретного человека, применяемом независимо от его согласия, и имеет своей целью переориентацию к положительным образцам поведения в соответствии с требованиями субъекта, осуществляющего такое воздействие. Представления

классической правовой науки о государственном принуждении ранее сводились, главным образом, к насилию, наказанию и каре. Его основной задачей было политическое подавление оппозиции в рамках политического режима, и оно реализовывалось вне правовых форм. Это отличается от этатистской модели государственного принуждения.

Государственное принуждение необходимо рассматривать в контексте метаморфоз современных политических режимов, которые условно подразделяются на традиционалистские и модернизаторские. Каждый из этих режимов представляет форму модернизации авторитаризма. Поэтому реализация государственного принуждения и его социологии требует адаптации к специфике конкретного режима.

Применительно к традиционалистским режимам можно сказать, что для них характерно имитированное реформирование с целью демократизации власти при одновременном разложении традиционных структур. Такие режимы характеризуются увеличением использования репрессивных и нелегитимных средств властью для политических репрессий и социальных ограничений. Отмечается нарушение прав на свободу слова, общественное мнение, права на местное самоуправление и самоорганизацию граждан. Оппозиция вытесняется из политического пространства, подвергается дискредитации с использованием информационных и силовых методов. Власть отказывается от диалога с оппозицией, преобладает агрессивная тактика использования силовых ресурсов, включая физическое устранение оппозиционных фигур. Режим характеризуется персоналистскими тенденциями, где власть часто не институционализируется, а основывается на лидере, сопровождаясь героизацией радикальных формирований, поддерживающих правящую элиту.

Современные особенности государственного принуждения теперь умножены на характерные черты гибридных политических режимов, которые с трудом прогрессируют, легко адаптируются, приспосабливаются к изменениям в политическом курсе, ставят акцент на риторике стабильности и готовности поддержать любые политические повороты. Эти режимы используют свободу слова без идеологических ограничений, они формируют фейковое пространство для своего существования, основанное на распределении ограниченных ресурсов, становясь выгодополучателями новой информационной реальности.

Эффективность политического реформирования в рамках демократически ориентированных систем зависит от сохранения властью социально значимых приоритетов. Взаимодействие общественного мнения с властью в рассматриваемом нами случае становится объектом постоянных изменений. Современные информационные технологии, монополизация информационных ресурсов и средств распространения, контроль над интернет-ресурсами, запреты на политическую деятельность, а также официальные репрессии против оппозиционно настроенных личностей расширяют возможности для игнорирования и манипуляций со стороны режима.

Любые попытки критики властных структур за их антисоциальную деятельность воспринимаются властью как государственная измена с привлечением ответственности на основе своей скорректированной законодательной базы. Модель государственного принуждения и его роль в современном демократическом обществе следует рассматривать и исследовать с учетом его правовых ограничений и диалектических взаимосвязей с правом, обладающим ограничительной функцией, прежде всего, в отношении публично-властных учреждений.

Обратим внимание на правовую обоснованность государственного принуждения, легитимность которого обосновывается общественным признанием его использования, рассматриваемого как необходимый инструмент защиты, охраны и принудительных мер по восстановлению нарушенных прав и свобод человека и гражданина. Право служит критерием обоснованности применения принуждения, определяя его законные и обоснованные методы. Поэтому в условиях правового государства государственно-правовое принуждение реализуется от имени государства и направлено на обеспечение выполнения субъектами требований правовых норм.

Государственно-правовое принуждение представляет собой законную государственно-властную деятельность уполномоченных лиц, заключающуюся в навязывании юридически признанной и легитимной государственной воли субъектам права [15, с. 34]. По своим правовым последствиям такое принуждение связано с прекращением, ограничением или лишением прав и свобод индивидов. Цели использования мер государственно-правового принуждения включают в себя прекращение противоправного поведения, восстановление нарушенных прав, обеспечение реализации общественно значимых потребностей и наказание правонарушителей.

Принуждение обусловлено конфликтом между государственной волей, выраженной в право-

вых нормах, и волей субъекта применения; его основаниями являются факты совершения или угрозы совершения правонарушений и возникновение других нежелательных для общества и государства последствий [16, с. 816]. Основаниями и предпосылками применения мер государственно-правового принуждения являются девиантное поведение правонарушителя, а также обстоятельства, при которых предупреждение причинения вреда может привести к ущемлению прав других лиц вследствие противоправных действий. Важными моментами являются возникновение обстоятельств, создающих реальную угрозу для общества или отдельных лиц, а также необходимость достижения конкретного социально полезного результата и реализация общественно необходимых целей.

Частные характеристики государственно-правового принуждения, характер его применения зависят от ряда ключевых показателей: состава субъектов, характера используемых мер, природы юридических фактов, порождающих применение принудительных мер, характера регулирования процессов и процедур деятельности уполномоченных субъектов, специфики целей применения принудительных мер.

Характер применения государственного принуждения в правовом государстве проявляется в четком определении границ принудительного воздействия. Пределы любого явления – это тот рубеж, по которому данное явление прекращает свое существование, превращаясь в свою противоположность [17, с. 238].

Вопрос о пределах допустимого государственного принуждения остается неоднозначным, поскольку критерии допустимости также субъективны, как и объективные рамки возможного.

На наш взгляд, определение границ допустимости государственного принуждения должно учитывать полное использование других методов государственно-правового воздействия. Предполагается, что государственное принуждение следует применять лишь в случаях, когда эффективное воздействие на поведение участников общественных отношений с использованием других средств становится невозможным. Существенным признаком допустимости государственного принуждения должна служить его легитимность, причем обоснованность принуждения в первую очередь обусловливается легитимностью власти.

По мнению М.М. Магомедрасулова [18, с. 47], институт ограничения представляет собой комплексное образование, присутствующее как в частном, так и в публичном праве. Исследователь предлагает рассматривать этот институт как составную часть правовой системы. Введение обязанности государства возмещать ущерб, причиненный неправомерным принуждением, является существенным аспектом определения границ применения принуждения.

Пределы государственного принуждения зависят от уровня развития общества и государства. Наличие демократических традиций формирования зрелого гражданского общества разрешает минимизировать пределы внедрения принудительных мер государством. В то же время наличие существенных угроз, например, террористической угрозы и т. п., может расширить границы государственного принуждения и, соответственно, приводит к вытеснению государственным принуждением других методов государственного управления [19, с. 37]. В этом случае, на наш взгляд, принуждение, применяемое при реализации правоохранительной функции соответствующими органами правового государства, должно соответствовать принципам обоснованности, иметь процессуальный характер и быть справедливым.

Осуществление принуждения в рамках правовых форм представляет собой определяющую характеристику, демонстрирующую ограниченность власти законом. Правовая форма принуждения свидетельствует о возможности его применения исключительно на основе конкретных правовых норм, которые четко определяют виды мероприятий, условия и последовательность их применения к индивидуальным лицам [20, с. 51]. Процессуальная форма не только регистрирует факт применения принудительных мер, но и делает их публичными, предоставляя обществу возможность осуществлять контроль. Кроме того, процессуальный порядок обеспечивает контроль над применением принудительных мер и возможность их оспаривания.

Таким образом, правовая природа государственной власти обуславливает её организацию и функционирование в рамках правовых ограничений. Это подразумевает, что в условиях демократического режима её принудительная функция обладает исключительно правовым измерением, осуществляясь на основе законных норм и в рамках установленных правовых форм. Легитимация государственно-правового принуждения обусловлена общественным признанием его использования как необходимого инструмента защиты, охраны и восстановления нарушенных прав и свобод человека и гражданина.

Особенности его правового содержания и свойства государственно-правового принуждения

проявляются в динамике политических режимов государств и отражают состояние государственно-правового обеспечения реализации субъектами требований правовых норм и международных стандартов принудительной деятельности.

Проблему государственно-правового принуждения, на наш взгляд, следует рассматривать с учётом того, что легитимное принуждение всегда является неотъемлемой частью общественной жизни, и его морально-правовое обоснование должно базироваться, в первую очередь, на этических аргументах, интегрированных в правовую этику.

Список источников

1. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru/.
2. Вершинина С.И. Функции государственного принуждения // Вектор науки ТГУ. 2011. № 1(15). С. 120–122.
3. Латушкин М.А. Проблемы классификации государственно-правового принуждения // Вестник Волгоградского государственного университета. Юриспруденция. 2010. № 1(12). С. 1–7.
4. Шевелева С.В. Виды мер правового принуждения // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 3. С. 11–34.
5. Чашников В.А. Содержание и признаки государственно-правового принуждения // Образование и право. 2014. № 10(50). С. 197–205.
6. Цыганкова Е.А. Принуждение как метод осуществления государственной власти: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
7. Казаков В.Н., Анненков А.Ю. Государственно-правовое принуждение как метод реализации функций современного государства // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2017. № 4–2. С. 15–22.
8. Жаренов И.П. Государственное принуждение в условиях демократизации общества: дис. … канд. юрид. наук. М., 2006.
9. Лапина М.А., Карпухин Д.В. Конструкция составов правонарушений и меры государственного принуждения в административном и бюджетном законодательстве // Административное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 43–54.
10. Овсепян Ж.И. Государственное принуждение как правовая категория (теоретическая формула отношения принуждения к государству и праву) // Государство и право. 2007. № 12. С. 5–14.
11. Кушнаренко И.А., Малараева Ю.М. Нравственные основания правового принуждения // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 6. С. 238–243.
12. Рогов А.П. Особенности государственного принуждения в правовом государстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2013.
13. Рогов А.П. Правовое государство и государственное принуждение // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. 2011. № 2. С. 104–108.
14. Олейников С.Н. К атрибутам правовой природы публичной власти // Электронный инновационный вестник. Периодический журнал научных трудов. 2021. № 1(18). С. 21–23.
15. Латушкин М.А. Обеспечение законности применения мер государственно-правового принуждения: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
16. Сиренко Б.Н., Нелина М.В. Административное принуждение в деятельности органов государственной службы // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика: Материалы IV Международной научно-практической конференции: в 3 т. Т. 1. Донецк, 2021. С. 812–816.
17. Макарейко Н.В. Государственное принуждение в механизме обеспечения экономической безопасности: теоретические и прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016.
18. Магомедрасулов М.М. Особенности принуждения в правовом государстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
19. Макарейко Н.В. Пределы государственного принуждения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1(25). С. 35–39.
20. Старостин С.А. Административно-правовое принуждение: проблемы теории // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 6. С. 48–55.

References

1. Konstituciya RF. Prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. (s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 g.) // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.pravo.gov.ru/.
2. Vershinina S.I. Funkcii gosudarstvennogo prinuzhdeniya // Vektor nauki TGU. 2011. № 1(15). S. 120–122.
3. Latushkin M.A. Problemy` klassifikacii gosudarstvenno-pravovogo prinuzhdeniya // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Yurisprudenciya. 2010. № 1(12). S. 1–7.
4. Sheveleva S.V. Vidy` mer pravovogo prinuzhdeniya // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. 2010. № 3. S. 11–34.
5. Chashnikov V.A. Soderzhanie i priznaki gosudarstvenno-pravovogo prinuzhdeniya // Obrazovanie i pravo. 2014. № 10(50). C. 197–205.
6. Cygankova E.A. Prinuzhdenie kak metod osushhestvleniya gosudarstvennoj vlasti: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2010.
7. Kazakov V.N., Annenkov A.Yu. Gosudarstvenno-pravovoe prinuzhdenie kak metod realizacii funkcij sovremennogo gosudarstva // Izvestiya TulGU. E`konomicheskie i yuridicheskie nauki. 2017. № 4–2. S. 15–22.
8. Zharenov I.P. Gosudarstvennoe prinuzhdenie v usloviyax demokratizacii obshhestva: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2006.

9. Lapina M.A., Karpuxin D.V. Konstrukciya sostavov pravonarushenii i mery` gosudarstvennogo prinuzhdeniya v administrativnom i byudzhetnom zakonodatel`stve // Administrativnoe i municipal`noe pravo. 2015. № 1. S. 43–54.

10. Ovsepyan Zh.I. Gosudarstvennoe prinuzhdenie kak pravovaya kategoriya (teoreticheskaya formula otnosheniya prinuzhdeniya k gosudarstvu i pravu) // Gosudarstvo i pravo. 2007. № 12. S. 5–14.

11. Kushnarenko I.A., Malaraeva Yu.M. Nravstvenny`e osnovaniya pravovogo prinuzhdeniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 6. S. 238–243.

12. Rogov A.P. Osobennosti gosudarstvennogo prinuzhdeniya v pravovom gosudarstve: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Saratov, 2013.

13. Rogov A.P. Pravovoe gosudarstvo i gosudarstvennoe prinuzhdenie // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: E`konomika. Upravlenie. 2011. № 2. S. 104–108.

14. Oleĭnikov S.N. K atributam pravovoj prirody` publichnoj vlasti // E`lektronny`j innovacionny`j vestnik. Periodicheskij zhurnal nauchny`x trudov. 2021. № 1(18). S. 21–23.

15. Latushkin M.A. Obespechenie zakonnosti primeneniya mer gosudarstvenno-pravovogo prinuzhdeniya: teoretiko-pravovoj aspekt: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2011.

16. Sirenko B.N., Nelina M.V. Administrativnoe prinuzhdenie v deyatel`nosti organov gosudarstvennoj sluzhby` // Aktual`ny`e problemy` pravovogo, e`konomicheskogo i social`no-psixologicheskogo znaniya: teoriya i praktika: Materialy` IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 3 t. T. 1. Doneczk, 2021. S. 812–816.

17. Makarejko N.V. Gosudarstvennoe prinuzhdenie v mexanizme obespecheniya e`konomicheskoj bezopasnosti: teoreticheskie i prikladny`e problemy`: dis. ... d-ra yurid. nauk. N. Novgorod, 2016.

18. Magomedrasulov M.M. Osobennosti prinuzhdeniya v pravovom gosudarstve: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2010.

19. Makarejko N.V. Predely` gosudarstvennogo prinuzhdeniya // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2014. № 1(25). S. 35–39.

20. Starostin S.A. Administrativno-pravovoe prinuzhdenie: problemy` teorii // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2021. № 6. S. 48–55.

Статья поступила в редакцию 25.12.2023; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 25.12.2023; approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 10.01.2024.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 143.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):143.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 349
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_143

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ В РОССИИ

РУСТАМОВ Павел Анварович
Аспирант департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета
119017, г. Москва, Новокузнецкая ул., д.16, стр.10, Российская Федерация

Аннотация: Автор приходит к выводу, что, поскольку исследуется новый объект права, то только практическая деятельность, относящаяся к ЦФА, позволяет с определенной гарантированностью рассуждать и анализировать правовую действительность, возникающую по поводу ЦФА. Поэтому в настоящее время можно только предполагать возможные варианты использования ЦФА, но, исходя из логики законодателя касательно цифровой валюты, ЦФА будут представлять собой полноценные имущественные права, которые не будут подвергаться сомнению, как у правоприменителей, так и у общественности.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровая валюта, правовое регулирование, имущественные права, денежные средства

Для цитирования: Рустамов П.А. К вопросу о совершенствовании правового регулирования цифровых финансовых активов в России // Евразийская адвокатура. 2024. № 1(66). С. 143. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_143

Policy and Economy of Eurasia

Original article

ON THE ISSUE OF IMPROVING LEGAL REGULATION OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN RUSSIA

RUSTAMOV Pavel Anvarovich
Postgraduate Student of the Department of Law Institute of Economics, Management and Law Moscow City Pedagogical University
119017, Moscow, Novokuznetsk str., 16, p. 10, Russian Federation

Abstract: The author comes to the conclusion that since a new object of law is being studied, only practical activities related to DFA allow one to reason and analyze the legal reality arising regarding DFA with a certain certainty. Therefore, at present, one can only speculate on possible options for using DFAs, but based on the logic of the legislator regarding digital currency, DFAs will represent full-fledged property rights that will not be questioned by both law enforcers and the public.

Keywords: digital financial assets, digital currency, legal regulation, property rights, funds

For citation: Rustamov P.A. On the Issue of Improving Legal Regulation of Digital Financial Assets in Russia = Eurasian Advocacy. 2024;1(66):143. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_143

Введение

На современном этапе развития цивилизации человечество вступило в эпоху цифровых технологий, которые стремительным образом вырабатываются и внедряются во все сферы общественной жизни. Диапазон цифровизации имеет широкий спектр применения. Не обошла цифровизация и сферу цифровых финансовых активов (ЦФА), правовое регулирование которой в настоящее время приобретает приоритетное значение, поскольку непосредственным образом данное явление связано с экономикой страны.

В мае 2018 года Указом Президента России [9] была сформирована стратегическая задача, в рамках которой была разработана национальная программа «Цифровая экономика РФ» [5], предусматривающая цифровизацию экономики России, а в июле 2020 года был принят Указ

© Рустамов П.А., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

о национальных целях развития России, в котором подчеркивалась необходимость организации цифрового государства в связи со стремительно развивающейся российской цифровой правовой действительностью [10].

Стабильное развитие экономики достигается многими способами, одним из таких способов является перевод расчетов между хозяйствующими субъектами в электронно-цифровую форму. Такая необходимость обуславливается не только быстрыми темпами развития цифровой экономики, но и глобализацией рынка, с учетом того, что в международных отношениях в настоящее время наблюдается переход от однополярной модели к многополярной, что приводит к динамичным изменениям в политических конфигурациях на мировой арене.

Данные обстоятельства поставили перед Россией задачи, которые потребовали оперативного решения, в том числе связанного с введением в экономическое пространство государства цифровой валюты и цифровых финансовых активов, что вызвало необходимость обеспечения данных новых объектов прав правовым регулированием.

Правовое положение цифровых финансовых активов в России

Проблема интеграции ЦФА исследовалась не только российскими специалистами, но и зарубежными, например М. Чавки [14].

В правовой литературе имеются различные определения «правового регулирования». В.М. Горшенев указывает, что правовое регулирование выражается в комплексном воздействии государства на поведение участников общественных отношений, направленном на обеспечение правопорядка в интересах общества [3, с. 19].

Ю.А. Тихомиров определяет правовое регулирование через институциональный и познавательный механизм установления нормативно-юридических правил поведения или деятельности, связанных с их обеспечением и реализацией [8, с. 27].

Признавая научный вклад данных ученых в развитие понятия правового регулирования, необходимо отметить, что понятие «регулирование» происходит от латинского слова «regulare», что означает упорядочение, приведение в порядок, налаживание [7, с. 93]. В широком смысле это означает упорядочение, систематизацию и взаимодействие различных явлений.

Как представляется, именно взаимодействие таких ключевых понятий, как «регулирование» и «право», способствует выявлению взаимозависимости правового обеспечения (регулирования) в конкретный период развития государства. В период цифровизации значимость правового регулирования заключается, по мнению автора настоящего исследования, прежде всего в том, что оно позволяет упорядочить общественные отношения, в том числе в сфере цифровых технологий, а в конкретном случае – в сфере цифровых финансовых активов. Только урегулированные нормами права при помощи юридических средств отношения в сфере цифровых финансовых активов становятся правоотношениями между их участниками.

Принятие российским законодателем Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 259-ФЗ) [12] направлено на правовое регулирование отношений, возникающих, в том числе, в связи с выпуском, учетом и обращением цифровых финансовых активов.

Однако, хотя законодатель и вводит легальное определение ЦФА, анализ юридической литературы показал, что в настоящее время отсутствует единый подход к пониманию их правовой природы. Проблемы с пониманием правовой природы ЦФА возникают у специалистов разных отраслей права. Одни понимают ЦФА как имущество [1], другие как инвестиционный актив [2], а третьи – как инвестиционный инструмент [4]. Можно отметить, что подобная неоднозначность понимания ЦФА не способствует их активному использованию в гражданском обороте.

Стоит указать на то, что ЦФА, по определению законодателя, – это цифровые права, которые так или иначе, как представляется на данном этапе правового регулирования, связаны с цифровой валютой, поскольку механизм осуществления сделок, связанных с осуществлением права по эмиссионным ценным бумагам и права участия в капитале непубличного АО, пока не определен. Исходя из логики законодателя, для приобретения таких прав данные сделки будут осуществляться с использованием цифровых технологий, а платежным средством будет являться цифровая валюта.

Поэтому имеется необходимость кратко остановиться на данном аспекте, тем более, что ситуация, первоначально складывающаяся вокруг понимания цифровой валюты, является довольно показательной для исследования совершенствования правового регулирования ЦФА.

В условиях правовой неопределенности подобные обстоятельства складывались и продолжают развиваться по отношению к самой цифро-

вой валюте, которая также впервые была введена в правовой оборот Законом № 259-ФЗ. Так, цифровую валюту рассматривали, и до сих пор эта тенденция не прекратилась, как криптовалюту, наконец узаконенную на территории нашего государства [13, с. 9]. Однако по факту это далеко не так. Исходя из определения, данного законодателем, цифровая валюта относится к средствам, которые выполняют, прежде всего, функцию платежную. Кроме этого, данные средства могут существовать лишь в цифровой форме, поскольку не являются материальными. Основное различие заключается в том, что цифровая валюта учитывается в информационной системе в цифровой форме в виде кода, а не на банковском счете, как при безналичных расчетах.

Однако впоследствии ЦБ России сообщил, что цифровой рубль является цифровой формой российской национальной валюты [6, с. 9]. Поскольку цифровую валюту Банк России выпускает к уже существующим формам денег, то при достижении полноценного выполнения цифровой валютой функции денег он планирует придать им природу фиатных денег.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что основным эмитентом цифровой валюты выступает Банк России, который несет обязательства по ней, а это говорит о том, что цифровая валюта отнесена к денежным средствам, соответственно, выступает в качестве объекта гражданских прав. С точки зрения гражданского права, цифровая валюта – это право требования собственника данных средств к эмитенту цифровой валюты о погашении.

В июле 2023 г. в ст. 128 ГК РФ были внесены изменения [12], и цифровой рубль был отнесен к объектам гражданских прав, тем самым был законодательно установлен правовой режим цифровой валюты. В связи с этим можно заключить, что по своей правовой природе цифровая валюта, с одной стороны, является средством платежа, с другой – обязательством, закрепленным за обычными (нецифровыми) деньгами. Что в свою очередь означает, что обязательство, предметом которого является цифровая валюта, – это денежное обязательство.

При этом, исходя из п. 1 ст. 861 ГК РФ, цифровая валюта является частью национальной платежной системы, а расчеты (платежи) осуществляются в соответствии со ст. 140 ГК РФ, в том числе цифровыми рублями. Очевидно, что переход таких прав требования, как цифровая валюта, должен быть закреплен в специальных правилах о расчетах цифровой валютой.

Именно статуирование законодателем правовой природы цифровой валюты позволяет отнести ЦФА к имущественным обязательствам.

При этом анализ легального понятия ЦФА, закрепленного в ст. 1 Закона № 259-ФЗ, позволяет выявить ограничительное их понимание законодателем. Так, в нем перечислены четыре группы имущественных прав, которые составляют содержание ЦФА, при этом не все из них обладают оборотоспособностью. К примеру, основанием возникновения денежных требований могут быть не только обязательства, но и трудовые отношения, факт совершения правонарушения, судебные решения и т. д., которые нельзя рассматривать в качестве объектов гражданских прав.

Но и некоторые обязательственные требования также невозможно отделить от личности должника, что не соответствует понятию ЦФА. Таким образом, можно отметить, что одним из главных признаков ЦФА является признак оборотоспособности, что, как думается, должно быть закреплено в легальном определении, что потребует внесения изменений в ст. 1 Закона № 259-ФЗ.

При этом отнесение ЦФА к имущественным правам в рамках Закона № 259-ФЗ не представляется однозначным, так как в отдельных его нормах они упоминаются как способ удостоверения имущественных прав. Таким образом, следует рассматривать ЦФА, исходя из дуалистичности их конструкции. При этом стоит учитывать, что имущественные права представляют собой права требования из гражданско-правовых обязательств. Учитывая, что спецификой правовой природы ЦФА является электронная форма фиксации требований, а не изменение способа фиксации права, и это не должно оказывать влияние на правовую природу ЦФА, в том числе в случае внесения соответствующих отметок в информационную систему о переходе права собственности, что, собственно, является разновидностью способа выражения воли участников правоотношений, то имеется необходимость более четкого определения сущности ЦФА как имущественного права.

С учетом того, что правовое регулирование цифровых финансовых активов должно выполнять регулятивную и охранительную функции, без его соответствующего воплощения невозможны не только правовая охрана и защита, но и ответственность субъекта в случае нарушения установленных законодателем норм. Соответственно, воздействие правового регулирования на общественные отношения является одной из важных характеристик этого явления. Если регулятивная функция правового регулирования направлена на

позитивное поведение субъектов правоотношений, то охранительная функция регулирования направлена на поведение участников при возникновении между ними конфликта. Без устойчивой связи регулятивной и охранительной функции последняя утрачивает свое значение.

Выводы

Законодателю необходимо четко определить правовую природу и сущность ЦФА.

Принимая во внимание то, что только в августе 2023 года стартовал пилотный проект операций с цифровыми рублями, в который был привлечен узкий круг клиентов (13 банков), платформа, связанная с цифровым рублем и ЦФА, по мере необходимости будет дорабатываться, и к ней планируется подключить большее количество банков и клиентов, представляется, что, как это ранее случилось с цифровой валютой, можно ожидать доработок правового регулирования в сфере ЦФА.

Заключение

Поскольку только практическая деятельность, относящаяся к новому объекту права, такому как ЦФА, позволяет с определенной гарантированностью рассуждать и анализировать правовую действительность, возникающую по поводу ЦФА, то в настоящее время, думается, можно только предполагать возможные варианты использования ЦФА. Представляется, что ЦФА будут представлять собой все же имущественные права, а исходя из логики законодателя касательно цифровой валюты, так оно и будет.

Список источников

1. Абрамова Е.Н. К вопросу о понятии криптовалюты: проблемы терминологии и формирования дефиниции // Банковское право. 2021. № 2. С. 19–27.
2. Вайпан В.А. Цифровая экономика и право // Современные информационные технологии и право: монография / Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова; отв. ред. Е.Б. Лаутс. М.: Статут, 2019. С. 12–13.
3. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. С. 19–20.
4. Костикова Е.Г. Криптовалюты в финансовой системе России: новые подходы к правовому регулированию // Безопасность бизнеса. 2022. № 4. С. 41–47.
5. «Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) [Электронный ресурс]. URL: https://digital.gov.ru.
6. Рыбакова С.В. Правовая легитимация цифровой валюты (криптовалюты) в аспекте правообразующего условия трансформации правосубъектности кредитных организаций // Финансовое право. 2022. № 2. С. 9–13.
7. Словарь иностранных слов. 18-е изд., стер. М., 1989. С. 432.
8. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010.
9. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2018. 14 мая. № 20. Ст. 2817.
10. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. 27 июля. № 30. Ст. 4884.
11. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2020. 3 августа. № 31. Ч. I. Ст. 5018.
12. Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. 31 июля. № 31. Ч. III. Ст. 5765.
13. Фролов И.В. Криптовалюта как цифровой финансовый актив в российской юрисдикции: к вопросу о вещной или обязательственной природе // Право и экономика. 2019. № 6. С. 5–17.
14. Chawki M. Cybercrime and the Regulation of Cryptocurrencies // Advances in Information and Communication: Proceedings of the 2022 Future of Information and Communication Conference (FICC). Vol. 2. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 694–713.

References

1. Abramova E.N. K voprosu o ponyatii kriptovalyuty`: problemy` terminologii i formirovaniya definicii // Bankovskoe pravo. 2021. № 2. S. 19–27.
2. Vajpan V.A. Cifrovaya e`konomika i pravo // Sovremenny`e informacionny`e texnologii i pravo: monografiya / Moskovskij gosuniversitet im. M.V. Lomonosova; otv. red. E.B. Lauts. M.: Statut, 2019. S. 12–13.
3. Gorshenev V.M. Sposoby` i organizacionny`e formy` pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom obshhestve. M.: Yurid. lit., 1972. S. 19–20.
4. Kostikova E.G. Kriptovalyuty` v finansovoj sisteme Rossii: novy`e podxody` k pravovomu regulirovaniyu // Bezopasnost` biznesa. 2022. № 4. S. 41–47.
5. «Pasport nacional`nogo proekta «Nacional`naya programma «Cifrovaya e`konomika Rossijskoj Federacii» (utv. Prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiyu i nacional`ny`m proektam, protokol ot 04.06.2019 № 7) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://digital.gov.ru.
6. Ry`bakova S.V. Pravovaya legitimaciya cifrovoj valyuty` (kriptovalyuty`) v aspekte pravoobrazuyushhego usloviya transformacii pravosub``ektnosti kreditny`x organizacij // Finansovoe pravo. 2022. № 2. S. 9–13.

7. Slovar` inostranny`x slov. 18-e izd., ster. M., 1989. S. 432.

8. Tixomirov Yu.A. Pravovoe regulirovanie: teoriya i praktika. M.: Formula prava, 2010.

9. Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2018 № 204 (red. ot 21.07.2020) «O nacional`ny`x celyax i strategicheskix zadachax razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2018. 14 maya. № 20. St. 2817.

10. Ukaz Prezidenta RF ot 21.07.2020 № 474 «O nacional`ny`x celyax razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2020. 27 iyulya. № 30. St. 4884.

11. Federal`ny`j zakon ot 31.07.2020 № 259-FZ (red. ot 14.07.2022) «O cifrovy`x finansovy`x aktivax, cifrovoj valyute i o vnesenii izmenenij v otdel`ny`e zakonodatel`ny`e akty` Rossijskoj Federacii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.12.2022) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2020. 3 avgusta. № 31. Ch. I. St. 5018.

12. Federal`ny`j zakon ot 24 iyulya 2023 g. № 339-FZ «O vnesenii izmenenij v stat`i 128 i 140 chasti pervoj, chast` vtoruyu i stat`i 1128 i 1174 chasti tret`ej Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 2023. 31 iyulya. № 31. Ch. III. St. 5765.

13. Frolov I.V. Kriptovalyuta kak cifrovoj finansovy`j aktiv v rossijskoj yurisdikcii: k voprosu o veshhnoj ili obyazatel`stvennoj prirode // Pravo i e`konomika. 2019. № 6. S. 5–17.

14. Chawki M. Cybercrime and the Regulation of Cryptocurrencies // Advances in Information and Communication: Proceedings of the 2022 Future of Information and Communication Conference (FICC). Vol. 2. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 694–713.

Статья поступила в редакцию 07.02.2024; одобрена после рецензирования 10.02.2024; принята к публикации 10.02.2024.

The article was submitted 07.02.2024; approved after reviewing 10.02.2024; accepted for publication 10.02.2024.

Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 148.
Eurasian advocacy. 2024;(1(66)):148.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 347.736
doi 10.52068/2304-9839_2024_66_1_148

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАТУСА «СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ»

БИРИЧ Алексей Андреевич
Аспирант Всероссийского государственного университета юстиции
117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, кор. 1, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассмотрены основные источники нормативного-регулирования такой правовой категории, как «социальное предпринимательство», а также делается вывод о значении рассматриваемой категории в системе реализации государственной поддержки предпринимательства.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, социальное предпринимательство, государственная поддержка предпринимательства

Для цитирования: Бирич А.А. Нормативно-правовое регулирование статуса «социальное предприятие» // Евразийская адвокатура. 2024. № 1(66). С. 148. https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_148

Policy and Economy of Eurasia

Original article

LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF A «SOCIAL ENTERPRISE»

BIRICH Alexey Andreevich
Postgraduate Student of All-Russian State University of Justice
117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, Russian Federation

Abstract: The article examines the main sources of normative regulation of such a legal category as «Social entrepreneurship» and draws a conclusion about the significance of the category under consideration in the system of implementing state support for entrepreneurship.

Keywords: small and medium-sized businesses, social entrepreneurship, state support for entrepreneurship

For citation: Birich A.A. Legal Regulation of the Status of a «Social Enterprise» = Eurasian Advocacy. 2024;1(66):148. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_66_1_?148

Социальное предпринимательство – это относительно новая категория как в отечественном праве, так и в сфере предпринимательства. Среди ученых можно встретить позицию, согласно которой социальное предпринимательство появилось как следующий виток развития такого феномена, как «меценатство» [1].

Так, согласно информации из Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, в Российской Федерации на текущий момент зарегистрировано более 10 тысяч социальных предприятий [3]. Количество ежегодно растет, в связи с чем можно сделать вывод о том, что такая категория и направленность бизнеса набирает обороты.

Категории «социальное предпринимательство» и «социальное предприятие» были введены в сферу государственной поддержки предпринимательства относительно недавно посредством принятия Федерального закона от 26.07.2019 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие» [3].

Вопросы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих деятельность в сфере социального предпринимательства, нашли свое закрепление в статье 24.1. Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [7]. Указанная норма транслирует, что органы государственной власти и органы местного самоуправления

© Бирич А.А., 2024 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

в соответствии со своими полномочиями могут оказывать поддержку субъектам малого и среднего предпринимательства, осуществляющим деятельность в сфере социального предпринимательства. Важно отметить, что государством четко определено, какая деятельность относится к так называемой сфере социального предпринимательства. Это предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества [7]. Кроме того, определены четкие критерии социального предпринимательства в виде четырех категорий, отнесение к одной из которых необходимо для получения статуса «социальное предприятие»:

– трудоустройство социально уязвимых категорий населения (индивидуальные предприниматели, являющиеся инвалидами и осуществляющие предпринимательскую деятельность без привлечения работников, также относятся к этой категории);

– реализация продуктов и услуг, произведенных социально уязвимыми категориями населения;

– производство определенных товаров, работ и услуг для социально уязвимых категорий населения;

– осуществление деятельности в определенных сферах, которая направлена на достижение общественно полезных целей и способствует решению социальных проблем общества.

Важно отметить, что соответствие указанным критериям вовсе не означает автоматическое признание организации «социальным предприятием». Для получения статуса необходимо пройти специальную процедуру признания субъекта малого или среднего предпринимательства социальным предприятием. Указанная процедура утверждена Приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 29.11.2019 № 773 «Об утверждении Порядка признания субъекта малого или среднего предпринимательства социальным предприятием и Порядка формирования перечня субъектов малого и среднего предпринимательства, имеющих статус социального предприятия» [4].

В отмеченном приказе определено, что присвоение статуса происходит на добровольной основе.

Имея статус «социальное предприятие», представители бизнеса могут обращаться к государству за специальными мерами поддержки, которые предназначены только для предприятий, имеющих указанный статус.

Говоря о мерах поддержки, стоит отметить, что для социального предпринимательства формируются специальные организации в рамках инфраструктуры поддержки предпринимательства. Согласно части 2 статьи 15 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», инфраструктура поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства включает в себя в том числе центры инноваций социальной сферы, которые и курируют вопросы социального предпринимательства в регионах Российской Федерации.

Нельзя не отметить, что Правительством Российской Федерации при участии Агентства стратегических инициатив в целях расширения поддержки субъектов социального предпринимательства была утверждена специальная модель функционирования Фонда поддержки социальных проектов. Указанное мероприятие было осуществлено в рамках поручений по итогам заседания наблюдательного совета АСИ, встречи с лидерами техпроектов и компаний НТИ и посещения выставки «Конструкторское бюро АСИ», утвержденных Президентом Российской Федерации 25.10.2019.

Говоря об особых мерах поддержки для социальных предприятий, стоит отметить, что правило о наличии статуса «социальное предприятие» фигурирует в различных нормативных актах, регулирующих государственную поддержку бизнеса. Например, такой вывод можно сделать, исходя из анализа Приказа Министерства экономического развития Российской Федерации от 26.03.2021 № 142 «Об утверждении требований к реализации мероприятий, осуществляемых субъектами Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, а также физических лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», в субъектах Российской Федерации, направленных на достижение целей, показателей и результатов региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результатов федеральных проектов, входящих в состав национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», и требований к организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» [5]. Если в отмеченном приказе речь идет о мерах поддержки, которые носят заявительный характер, то в от-

дельных актах встречаются меры, которые распространяются на обладателей статуса без их заявления, например пониженная ставка в рамках упрощенного налогового режима; рассматриваемая мера является региональной и установлена Законом Кемеровской области от 26.11.2008 № 99-ОЗ «О налоговых ставках при применении упрощенной системы налогообложения» [2].

Подводя итоги и исходя из анализа нормативного регулирования статуса «социальное предприятие», можно сделать вывод о том, что статус «социальное предприятие» – это разновидность административно-правового статуса для субъектов предпринимательской деятельности, который позволяет участвовать представителям бизнеса в диалоге с государством и пользоваться большим количеством преференций, чем, например, субъекты предпринимательской деятельности, которые отнесены к субъектам малого и среднего предпринимательства. Кроме того, обладатели статуса «социальное предпринимательства» фактически являются исполнителями государственно значимых задач в социальной сфере.

Список источников

1. Атанасова А.А. Социальное предпринимательство в современной России: факторы становления (на примере природоохранной деятельности) / ВКР. ФГБУН ФНИСЦ РАН. М., 2018.
2. Закон Кемеровской области от 26.11.2008 № 99-ОЗ «О налоговых ставках при применении упрощенной системы налогообложения» // Законодательный вестник Совета народных депутатов Кемеровской области. 2008. № 80. 15 декабря.
3. Официальный сайт Федеральной налоговой службы, Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]. URL: https://rmsp.nalog.ru/search.html?mode=extended.
4. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 29.11.2019 № 773 «Об утверждении Порядка признания субъекта малого или среднего предпринимательства социальным предприятием и Порядка формирования перечня субъектов малого и среднего предпринимательства, имеющих статус социального предприятия» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru.
5. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 26.03.2021 № 142.
6. Федеральный закон от 26.07.2019 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие».
7. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Российская газета. 2007. № 164. 31 июля.

References

1. Atanasova A.A. Social`noe predprinimatel`stvo v sovremennoj Rossii: faktory` stanovleniya (na primere prirodooxrannoj deyatel`nosti) / VKR. FGBUN FNISCz RAN. M., 2018.
2. Zakon Kemerovskoj oblasti ot 26.11.2008 № 99-OZ «O nalogovy`x stavkax pri primenenii uproshhennoj sistemy` nalogooblozheniya» // Zakonodatel`ny`j vestnik Soveta narodny`x deputatov Kemerovskoj oblasti. 2008. № 80. 15 dekabrya.
3. Oficial`ny`j sajt Federal`noj nalogovoj sluzhby`, Ediny`j reestr sub``ektov malogo i srednego predprinimatel`stva [E`lektronny`j resurs]. URL: https://rmsp.nalog.ru/search.html?mode=extended.
4. Prikaz Ministerstva e`konomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii ot 29.11.2019 № 773 «Ob utverzhdenii Poryadka priznaniya sub``ekta malogo ili srednego predprinimatel`stva social`ny`m predpriyatiem i Poryadka formirovaniya perechnya sub``ektov malogo i srednego predprinimatel`stva, imeyushhix status social`nogo predpriyatiya» // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii http://pravo.gov.ru.
5. Prikaz Ministerstva e`konomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii ot 26.03.2021 № 142.
6. Federal`ny`j zakon ot 26.07.2019 № 245-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal`ny`j zakon «O razvitii malogo i srednego predprinimatel`stva v Rossijskoj Federacii» v chasti zakrepleniya ponyatij «social`noe predprinimatel`stvo», «social`noe predpriyatie».
7. Federal`ny`j zakon ot 24.07.2007 № 209-FZ «O razvitii malogo i srednego predprinimatel`stva v Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2007. № 164. 31 iyulya.

Статья поступила в редакцию 13.12.2023; одобрена после рецензирования 23.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 13.12.2023; approved after reviewing 23.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

ISSN: 2304-9839
1 (66) 2024

EURASIAN ADVOCACY

international scientific and practical law journal

Подписной индекс
в Объединенном каталоге «Пресса России»: 41210

Журнал:
- размещается в открытом доступе на сайте журнала
- включён в список ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации
- включён в БД EBSCOhost
- размещается в НЭБ «Киберленинка»
- размещается в АБ «Медиалогия»
- размещается на международной платформе публикаций «SciUp»
- размещается в НЭБ eLIBRARY.RU
- индексируется в РИНЦ
- индексируется поисковой системой «Google Scholar»
- индексируется поисковой системой «Dimensions»
- размещается в научно-информационной социальной сети «Research Gate»
- присваивает DOI научным публикациям

e-mail: eurasian-advocacy@mail.ru
website: www.eurasian-advocacy.ru

- проведение фундаментальных и прикладных научных исследований в сфере права
- организация и проведение научных мероприятий
- мониторинг законодательства и правоприменения
- издание научно-практической литературы
- редакционно-издательские услуги
- международное сотрудничество
- консультационные услуги

Российская Федерация,
г. Уфа, 450006,
ул. Ленина, д. 102, оф. 24
+79174061340 (Watsapp)
www.eurasniipp.ru
info@eurasniipp.ru

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА
Jus est ars boni et aequi

* Информационное сообщение издателя

In this issue:

Stuart Russell: the International Mechanism for the Protection of Lawyers' Professional Rights

Round Table «Russian Bar: Defense for Defenders»

On the appeal of the Board of the «Initiative 2018» to UN bodies, International Bar Associations and Human Rights Organizations

Informatization, Digital Transformation and Risks of Advocacy Activities

Unfairness of Disciplinary Liability of a Lawyer

Witness Immunity in Civil Proceedings

Social-Anthropological and Cognitive Approaches to THE Analysis of Models of Extremist Behavior

Waiver of Contract in Entrepreneurial Activity

Subjects of Proof in Criminal Procedural Law

Crimes of Persons Providing Legal Assistance

Powers of the Prosecutor to Eliminate Violations of Environmental and Ecological Legislation